

Польша и Европа в XVIII веке

Международные и
внутренние факторы
разделов Речи Посполитой

Москва 1999

**Российская академия наук
Институт славяноведения**

ПОЛЬША И ЕВРОПА В XVIII ВЕКЕ

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ РАЗДЕЛОВ
РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ**

**Москва
1999**

Редколлегия:

Г.В. Макарова, Б.В. Носов, С.М. Фалькович

Ответственный редактор
кандидат исторических наук

Б.В. Носов

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Л.А. Обушенкова*,
кандидат исторических наук *Л.В. Заборовский*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке коллег и друзей
Л. Кондзели*

Проблемный сборник основан на материалах одноименной международной научной конференции. В сборнике принимали участие российские, украинские, польские и немецкие историки. Содержание статей отражает проблематику международных отношений в Европе XVIII в. Преимущественное внимание обращено на политику России, Австрии и Пруссии в польском вопросе. Важное место уделено освещению внутренней социально-политической истории Польши XVIII в., в частности периоду правления Станислава Августа, попыткам реформирования республиканского строя Речи Посполитой. Представлена история национально-освободительной борьбы польского народа эпохи разделов, проанализированы национальные традиции и менталитет поляков, обусловленные спецификой шляхетской демократии.

ISBN 5-7576-0079-9

© Институт славяноведения РАН
1999

Julian Upchurch

*Светлой памяти
Лукаша Кондзели
посвящается эта книга*

Предисловие

Разделы Речи Посполитой, приведшие к ликвидации в 1795 г. польско-литовской шляхетской республики, явились важнейшей вехой в истории польского народа, надолго определив судьбы польской нации. Они наложили отпечаток на экономическое развитие польских земель, на складывание социальной структуры польского общества, на формировавшееся национальное сознание поляков, что и проявилось в последствии во всех сферах жизни, нашло яркое выражение в польской культуре.

Однако события двухсотлетней давности имели огромное значение не только для поляков. Разделы Польского государства кардинально изменили соотношение сил в Европе. Под их знаком складывались отношения между великими державами в XIX и XX вв.

Публикация статей настоящего сборника имеет целью способствовать изучению истории Польши и узловых проблем международных отношений XVIII в., а его материалы могут привлечь внимание широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой народов Центральной Европы.

7 мая 1997 г. пришло из Варшавы трагическое известие о скоропостижной безвременной кончине доцента Варшавского университета доктора Лукаша Кондзеля.

Л. Кондзель родился в 1955 г., блестяще окончил исторический факультет Варшавского университета. В 1989 г. под руководством профессора А. Захорского защитил докторскую диссертацию. Его недолгий, но чрезвычайно плодотворный путь в науке был связан с исследованиями по истории Польши и всеобщей истории XVIII в.

Целиком посвятив свою жизнь науке, Л. Кондзель не ограничивался сутобо академическими исследованиями и преподавательской деятельностью в Варшавском университете. Он был активным членом Клуба католической интеллигенции и Комитета защиты рабочих. Сознательно отказавшись во имя науки от политической деятельности, он продолжал занимать видное место в общественной жизни Польши. Высокие идеалы и моральные принципы, отличавшие Л. Кондзеля, снижали ему заслуженное уважение и авторитет среди польской интеллигенции, польских и зарубежных коллег.

С.М. Фалькович, Б.В. Носов

А. И. Остерман и его политика в отношении Польши в историческом освещении

Международная политика, в силу комплексного характера взаимодействия составляющих ее элементов, является благодатной почвой для противостоящих друг другу теорий, в которых основное внимание уделяется соотношению внутренних и внешних факторов в проведении внешнеполитического курса. Эта проблема была сформулирована в ходе дискуссии о первичности внутренней – или, соответственно, внешней – политики и привела к постановке альтернативы: определяется ли внешняя политика внутриполитическими и социальными факторами, или, наоборот, внутреннее устройство страны зависит от политики государства на международной арене? Последний тезис был обоснован Отто Хинце, считавшим соперничество великих европейских держав, которое привело к возникновению постоянных армий, причиной формирования абсолютизма в континентальной Европе. По его словам, и Польше "была нужна жесткая военно-монархическая концентрация сил государства", чтобы сохранить независимость. Однако она оказалась не в состоянии пойти навстречу этой потребности¹. Согласно концепции О.Хинце, Речь Посполитая сама была виновата в собственном упадке, поскольку не смогла соответствовать требованиям, предъявленным ей международной ситуацией и политикой великих держав. Правда, этот тезис, представлявший собой краеугольный камень старой германской историографии, не учитывал то обстоятельство, что соседние державы еще задолго до разделов целенаправленно препятствовали реформам шляхетской республики².

Исходя из этого, можно только приблизительно оценить роль Польши в международной политике, если принять во внимание, что, наряду с многосторонним взаимодействием общественной жизни и концепции внешней политики, существует особая сфера международной политики в качестве системы третьего порядка. Последняя не мо-

жет быть просто приравнена к сумме внешнеполитических действий участвующих государств. Также, если сосредоточиться на постановке проблемы в этом системном аспекте, то оказываешься перед необходимостью выбирать между многими методами исследования политической истории, научная ценность которых может быть проверена, к примеру, при анализе политики, проводимой в отношении Польши российским "министром иностранных дел" и вице-канцлером А.И.Остерманом.

Описание политики государств в рамках системы международных отношений было объявлено классической задачей так называемой реалистической школы, связанной с именем Х.И.Моргентау. Его метод, использованный при написании большинства трудов по истории дипломатии, исходил из посылки, что кажущиеся анархическими действия государств на международной арене могут быть объяснены с помощью категории рационального политического интереса. "Понятие интереса, — писал Моргентау, — ... вводит разумный порядок в сферу политики и тем самым делает возможным теоретический взгляд на политику"³.

Попытка применить метод реалистической школы при анализе польской политики Остермана приводит в конце концов к вопросу о том, соответствует ли она чеканным рационалистическим принципам этой школы. Именно при изучении послепетровского, "остермановского", периода русской внешней политики это соответствие каждый раз вновь подвергалось сомнению, как, например, в тезисе М.Т.Флоринского о неспособности русской политики после смерти Петра I следовать рационалистической концепции⁴. Такое понимание может опираться на мнение современников, в частности Фридриха II, который в своей "Histoire de mon temps" 1746 г. отказывал России в способности самостоятельно отстаивать собственные интересы и в этом плане ставил Российскую империю на один уровень с Польшей. Правда, позже, под воздействием событий Семилетней войны, Фридрих II пересмотрел свои взгляды, назвав Россию "машиной европейской политики", благосклонности которой европейские державы добивались субсидиями или подкупом. Однако еще в том же 1746 г. он признавал, что сам Остерман был в состоянии рационально осознать российские государственные интересы, сказав о русском вице-канцлере, что "он знал Московию как умелый анатом знает человеческое тело, он способен на великие предприятия, он умеренного поведения и проявляет себя как осмотрительный или как смелый человек в зависимости от того, чего требуют от него гипотезы, и отказывается от придворных интриг, чтобы сосредото-

чится на государственных делах"⁵. Однако нет нужды обращаться к сомнительному авторитету Фридриха II как историка для подтверждения того, что является бесспорным в последующих исторических исследованиях. Имеем в виду, что даже в период мнимого упадка русской внешней политики, после смерти Петра I, в Петербурге учились рационально формулировать и отстаивать собственные интересы, политически взаимодействуя с европейской системой государств⁶. В целом об этом свидетельствовал проводившийся с большим искусством политический курс Андрея Ивановича (Генриха) Остермана, чьи способности в выработке внешнеполитических концепций убедительно подтверждает меморандум "Генеральное состояние дел" (1725 г.). В этом документе впервые в истории русской внешней политики проанализированы реально существующие и возможные переплетения интересов Российской империи и европейских государств.

Польская политика Остермана также может рассматриваться в контексте задуманной им и основанной на сопоставлении интересов европейских держав международной системы, целью которой было сохранение достигнутого Петром I в ходе Северной войны статуса России как гегемона на востоке Центральной Европы. Исходя из этого, протекторат над Польшей, с точки зрения российского вице-канцлера, не являлся самостоятельной целью русской политики, а был лишь элементом структуры системы европейских государств. Это Остерман подчеркивал еще во время Северной войны, когда перед ним была поставлена задача вести сепаратные мирные переговоры со Швецией. В ходе бесед на Аландских островах с послом Карла XII Георгом фон Герцем он стремился достичь компромисса с последней, основу которого составило бы взаимное ограничение русских и шведских интересов в Польше. Необходимость для Швеции компенсировать потерю ее прибалтийских владений учитывалась Остерманом. Её потребности, по его мнению, следовало удовлетворить путем сложного территориального обмена за счет Речи Посполитой. Если бы Стокгольм согласился с этим, то, как полагал русский вице-канцлер, ничто более не препятствовало бы восстановлению на престоле протектируемого шведами польского короля Станислава Лещинского⁷. С этой целью русский посол рекомендовал образовать в Польше конфедерацию, которой надлежало бы одобрить результаты российско-шведских переговоров. Русское господство в Польше, установленное в 1717 г., было для Остермана инструментом его европейской политики. Привлечение Швеции к совместно-

му контролю над шляхетской республикой должно было бы служить защитой приобретенному Россией статусу великой державы.

Оборонительная сущность политики Остермана особенно отчетливо проявилась в его рекомендации о незамедлительном заключении мирного договора со Швецией. В сентябре 1718 г. он предупреждал: "Ясно видно, что император (Карл VI. – *М.Ш-В.*) с Англией и Польшей замышляет против нас, а если своевременно не пресечь этого, то может возникнуть большая буря"⁸. Данное предостережение было вызвано противодействием европейских государств изменению соотношения сил на Балтике. После того как Петр I не только уничтожил прежнее господство Швеции в Прибалтике, но и привязал к себе Мекленбург посредством договора о протекторате, интересы многих европейских государств оказались затронутыми, вследствие чего и сложился альянс, направленный против России. Это непосредственно касалось безопасности соседа Мекленбурга – Ганновера, чей министр Г.Бернсторф на основе унии с Англией руководил и внешней политикой Лондона. Интересы Англии включали также противостояние русской гегемонии на Балтике. Однако движущей силой антирусской коалиции был германский император Карл VI Габсбург, который не мог оставаться безучастным к вмешательству Петра I в дела Германии, выразившемуся в попытке царя путем установления российского протектората разрешить внутренний конфликт в Мекленбурге, спровоцированный герцогом мекленбургским. Последний использовал свой имперский статус и имперскую власть для наступления на права сословий в герцогстве⁹.

Для политического чутья Остермана было также характерно, что он относил к потенциальным военным противникам России не только императора и Англию с Ганновером (они заключили вместе с Саксонией 5 января 1719 г. Венский союз), но и Польшу. Хотя Речь Посполитая тогда и не присоединилась к антирусскому союзу, однако усилия коалиции были направлены на её включение в альянс в дальнейшем. Это отчетливо проявилось после успешного разрешения коалицией первоочередной задачи: ликвидации русского влияния в Мекленбурге. Премьер-министр Бернсторфа на посту руководителя английской внешней политики Дж. Стенхоуп добивался в 1719–1720 гг. осуществления программы, непосредственно направленной против аландского проекта Остермана. По его замыслу, Швеция должна быть связана с Англией, за что шведам хотели компенсировать территориальные потери в Северной Германии, возвратив балтийские провинции, разумеется, за счет понижения политической роли России. Концепция Стенхоупа в отношении Польши

была также прямо противоположна аландским устремлениям Остермана, который предлагал Швеции участие в протекторате над Польшей. Стенхоуп, напротив, хотел усиления Польши как будущего союзника Швеции и думал даже о новом завоевании Киева или Смоленска¹⁰. Усилия русских и английских дипломатов последовательно направлялись на то, чтобы исключить угрозу собственной безопасности со стороны ближайших соседей России или, точнее говоря, интегрировать их в свою систему союзов. Политика Петра I опиралась при этом на стратегию, апробированную Остерманом в его переговорах со Швецией. С российской стороны речь шла о том, чтобы склонить Пруссию к партнерству для прикрытия своего влияния в Польше. В такой ситуации Петр I был готов, по аналогии с аландской стратегией Остермана, пойти на уступки Пруссии за счет Польши. Этому противилась английская дипломатия. Она, в целом признавая связанность русско-прусских интересов, стремилась привести силы Пруссии и Польши в состояние равновесия, создав себе стабильную основу для противодействия России. Хотя прусский король и дал согласие на заключение при посредничестве Лондона договора со Швецией, он все же сохранил независимость в вопросе о компромиссе с Польшей, имевшем для Пруссии решающее значение.

Английская политика эффективного сдерживания России не увенчалась успехом из-за договора, заключенного Пруссией с Россией 17 февраля 1720 г. Петру I удалось привязать к себе Пруссию, благодаря, несомненно, весьма предусмотрительной политике в польском вопросе. Договор не только закреплял обязательство обеих стран поддерживать неизменность государственного устройства Речи Посполитой, но также предполагал устранение саксонской династии Веттинов от наследования польского престола. Интерес России в этом случае состоял не в польской политике как таковой – она была лишь средством – а в том, чтобы с её помощью добиться превращения Пруссии в надежный барьер против английского влияния. В этом духе Петр I комментировал соглашение с монархией Гогенцоллернов: "Мы сей трактат не для польского дела, как для обнадеживания о содержании доброй дружбы на обе страны сочинить за благо рассудили"¹¹.

После того как Россия в 1719–1720 гг. впервые использовала в своей политике в дипломатических целях военный протекторат над Польшей, чтобы привязать к себе Пруссию, польский вопрос вновь послужил в качестве средства защиты российского влияния в государствах – соседях Российской империи в 1724 г., когда Пруссия, как каза-

лось, сблизилась с западными державами, заключив Шарлоттенбургский договор. На этот раз Россия привлекла на свою сторону монархия Гогенцоллернов, подтвердив в договорном порядке свое согласие на брак Анны Курляндской (племянницы Петра I Анны Иоанновны) и маркграфа Карла фон Шведта и отвергнув аналогичные планы дома Веттинов¹².

Еще до смерти Петра I в 1725 г. Польша превратилась в политический фактор относительной стабилизации русско-прусских отношений. Этому способствовало и совместное вмешательство во внутренние дела Речи Посполитой в интересах конфессиональных меньшинств – православных и протестантов¹³. Таким образом, на основе польского вопроса укрепились отношения России и Пруссии, благодаря чему уже сложилась особая подсистема русской внешней политики. Однако вскоре вследствие перемен на русском престоле возникла необходимость нового формулирования целей российской дипломатии. На первый взгляд речь шла о выборе потенциального союзника в Европе – Франции или Австрии, который был бы готов поддержать Россию в деле возвращения герцогу голштинскому, зятю Петра I, его шлезвигских владений. В историографии этот вопрос нередко рассматривается как свидетельство того, что внешняя политика России послепетровского времени руководствовалась не рационалистически понимаемыми интересами европейских государств, а напротив – чисто династическими соображениями¹⁴. В действительности же в выборе возможных союзников большую роль играли интересы защиты территориальных приобретений России и установленной ею сферы влияния, предусматривавшие и желание сохранить господство над Польшей. Это лучше всего видно из записки, составленной Остерманом в 1725 г., которая по осмыслению проблем международных отношений является свидетельством рационалистической внешней политики¹⁵.

Остерман вовсе не обращается сразу к альтернативе союза с Францией или Австрией, а, напротив, анализирует сначала отношения России с соседями – Османской Турцией, Польшей, Швецией, чтобы ответить на вопрос: какое из европейских государств будет более всего способствовать стабилизации положения вблизи российских границ. Для роли, которую Остерман отводил Польше, характерно, что он не рассматривал её как политический субъект, но говорил о ней лишь в связи с другими государствами. В сущности российский вице-канцлер свел свои рассуждения к двум вопросам: во-первых, какие державы в качестве союзников России способны и намерены сохранять "слабость"

Польша, и, во-вторых, какие из них могли бы следовать в русле европейской политики Петербурга в расчете на встречные уступки России в польском вопросе? Очевидно, что утвердительный ответ на оба этих вопроса можно было дать применительно к Пруссии. При этом в рассуждениях Остермана сыграло роль воспоминание о конфликтных ситуациях 1719–1720 и 1724 гг., в которых России дважды удалось вернуть Пруссию в свою систему союзов, предупредительно приняв во внимание её заинтересованность в польском вопросе.

Делая выбор между союзом с Австрией или Францией, Остерман не в последнюю очередь исходил из того, что соглашение с Веной было выгодно для России также и с точки зрения русской политики в Польше. Если российский вице-канцлер был убежден в принципиальной заинтересованности монархии Габсбургов в ослаблении Речи Посполитой, то, напротив, в отношении Франции он уже с 1725 г. стал сомневаться в её способности длительное время проводить антипольскую политику. Женитьба Людовика XV на Марии Лещиньской подтвердила эти опасения. В итоге был заключен оказавшийся впоследствии прочным союз России с соперницей Версаля – Австрийской империей.

Из Записки Остермана 1725 г. видно, что он прежде всего руководствовался целью сохранения достигнутого Петром I статуса России как великой державы. В решении этой задачи существенную роль играл контроль Петербурга над государствами на востоке Центральной Европы, который со времени союза с Австрией стал составлять основу русской дипломатии, чтобы, говоря словами Вальтера Медигера, произошло перемещение политики России "с морских просторов на сушу".

Для понимания польской политики Остермана имеет значение и то, что вовлечение Австрии в российскую систему союзов не могло тогда не повлиять на сложившееся ранее партнерство России и Пруссии. В результате превращения русско-прусской оси в треугольник Петербург – Вена – Берлин произошли также изменения в расстановке сил на востоке Центральной Европы.

Применительно к польской политике это были перемены двоякого свойства. Во-первых, хоть Остерман в своей Записке 1725 г. указывал, что в интересах России следует исключить саксонскую династию из круга наследников польского престола, он, несмотря на это, склонился к поддержке кандидата из рода Веттинов, когда в 1733 г. польский трон оказался вакантным. На этот шаг, наносивший огромный ущерб именно прусским интересам, Остерман мог решиться только потому, что его польская политика начиная с 1726 г. находилась под прикрыти-

ем союза с Австрией. Во-вторых, другим косвенным основанием для ослабления прусского влияния на польскую политику России послужило избрание Э.И.Бирона курляндским герцогом. Известно, что Пруссия издавна стремилась утвердить в Курляндии одну из младших ветвей Гогенцоллернов, и Остерман каждый раз использовал это желание, чтобы удерживать Берлин в рамках российской политической системы. Даже когда в 1737 г. "курляндский вопрос" как испытанный инструмент политики Остермана казался уже ненужным, вице-канцлер все равно придерживался тезиса, сформулированного в его мемориале 1725 г., что и после заключения русско-австрийского союза надлежит укреплять дружеские отношения Пруссии и России.

То, что эта аксиома русской политики союзов была подорвана, Остерман вполне осознал с того времени, как Франция активизировала свою восточную политику и посредством "субсидного договора" поддержала реваншистские устремления Швеции. Российская дипломатия тогда вновь оказалась перед необходимостью выразить солидарность с Пруссией в польском вопросе, которой она пренебрегла при выборах польского короля в 1733 г. и при утверждении Бирона в Курляндии в 1737 г. Остерман уверял прусского посла Г.Мардефельда, что Россия не допустит ни введения абсолютизма в Польше, ни еще одного избрания польского короля из династии Веттинов¹⁶.

Но по всей видимости российский аргумент в определении Пруссией польской политики утратил для неё свою убедительность, когда в 1740 г. Фридрих II унаследовал прусский трон. Развязывая войну за австрийское наследство, он поставил под сомнение систему Остермана, которая с 1726 г. основывалась на союзах с обоими германскими государствами (Австрией и Пруссией). Конфликт между союзниками делал недостижимой преследуемую системой Остермана цель, а именно, оградить от французского влияния государство, соседствовавшие с Россией на востоке Центральной Европы от Балтики до Черного моря.

То обстоятельство, что Россия не могла отстраненно наблюдать прусское наступление на Австрию, было в определенной мере связано и с польским вопросом. Эту логику российской политики Остерман пытался разъяснить прусскому послу Г.Мардефельду, предостерегая его от рокового для Пруссии шага – аннексии Силезии – и указывая, что Россия связана с Австрией общими интересами в Османской империи, в Польше и Швеции¹⁷. Однако напоминание об общих интересах безопасности, объединявших до 1740 г. Россию, Австрию и Пруссию, не оказало в 1740–1741 гг. заметного влияния на Фридриха II. Сила аргументов

польской политики, как представляется, истощилась. Усилия Остермана вернуть Пруссию в русскую систему союзов посредством широкого альянса европейских государств потерпели фиаско, так же, как и попытка Б.Х.Миниха контролировать её действия с помощью политики умиротворения.

Итак, в какой степени метод реалистической школы применим для исследования политики Остермана? При таком подходе на первом плане окажется заслуга российского вице-канцлера, его дипломатический дар, проявившийся в способности посредством польской политики влиять на своего прусского союзника и таким образом защищать рационалистически понимаемые государственно-политические интересы России, заключавшиеся в конечном счете в сохранении статуса великой державы. При этом метод реалистической школы является все же сугубо умозрительным. Глава школы Х.Й.Моргентау исходил из некой нормативной оценки внешней политики, когда констатировал, что политический реализм оценивает рационалистическую внешнюю политику как хорошую, "потому что только разумная внешняя политика уменьшает опасности, приносит максимальные выгоды и соответствует моральному требованию осторожности и политической потребности успеха"¹⁸. Но интерпретация реалистической школы расценивает как несущественный глубокий вывод, напоминающий об Адаме Смите, что из множества эгоистических устремлений может сформироваться некое положительное целое. Характерным для умозрительного подхода реалистической школы к анализу международных отношений является короткий комментарий одного из её молодых теоретиков, К.Н.Уолца, посвященный разделам Речи Посполитой. "Поддержание баланса, – говорилось в нём, – было ... достигнуто путем раздела территории Польши между Россией, Пруссией и Австрией, что вновь продемонстрировало трем великим державам необходимость активного управления их политической системой, хотя это и не пришлось по вкусу Польше"¹⁹.

На том стоит реалистическая школа. Она отмечена знаком переориентации политической мысли Нового времени, которая уже не сосредоточивалась, как в античности и средневековье, на вопросе о наивысшем добре или общем благе, но начиная с Н.Макиавелли как к первоочередной обращалась к проблеме захвата и удержания власти²⁰. Разумеется, что из-за этого объясняющая ценность такой чисто технической постановки вопроса оказывается неизбежно ограниченной, а подобный подход лишен связи с современностью, которая предполагала бы оценку происходящего.

Нормативное измерение вытекало из двух противоположных направлений истории дипломатии XVIII в. С одной стороны, были попытки приписать политике абсолютизма современные цели, такие как сохранение мира и стабильности, с другой – дипломатия XVIII в. становилась предметом и поводом для критики эпохи. Первое направление, представленное в немецкой историографии работами Й.Куниша и Х.Клейтинга²¹, исходит из принципа, что элемент системного рационализма присущ внутреннему устройству абсолютистских государств и может быть найден и в международных отношениях. Дополнения к определенной нормативной внешней политике (к "избеганию" войны) представители этого направления видят, во-первых, в стремлении руководствоваться правами престолонаследия в отношениях между государствами и, во-вторых, в учении о европейском равновесии. На правоту критиков этой концепции указывает наличие потенциального противоречия между двумя её основополагающими принципами, проявившееся в ходе войны за испанское наследство, когда во имя европейского равновесия была подвергнута сомнению легитимность престолонаследия²². В связи с этим К.Клуксен высказал мнение, что для международных отношений XVIII в. представление о европейском равновесии все еще было актуальным, в то время как престолонаследие рассматривалось уже лишь как "удобный случай" для расширения собственной власти.

Закономерен вопрос, является ли европейская политика Остермана, и, прежде всего, его польская политика, элементом европейского равновесия и в какой мере можно говорить о "системном рационализме" его дипломатии? Остерман относительно редко пользовался понятием "равновесие". Мимоходом в одном месте своего весьма объемистого меморандума он писал, что специфические интересы Англии требуют "сохранения равновесия на Севере и на Балтике"²³. К аргументам мира и равновесия он обратился в феврале 1733 г., когда объявил английскому послу о требовании России, чтобы Август Саксонский был избран польским королем²⁴. Хотя Остерман и держал про запас риторiku "равновесия", несомненно можно утверждать, что его внешняя политика основывалась на определенных им четких принципах оборонной стратегии. Особенно накануне первой силезской войны стало ясно, что ни одна европейская держава так не заинтересована в сохранении статус-кво между Австрией и Пруссией, а тем самым – и мира, как Россия. Чтобы удержать эту систему в равновесии, Остерман сделал попытку, как это было показано выше, применить также и рычаги польской политики.

В выборе средств поддержания равновесия проявился и его собственный характер, что со всей очевидностью выразилось в политике сохранения существующего соотношения сил между великими державами, когда Остерман старался склонить прусского короля к новому участию в контроле над Польшей. В польской политике Остермана нашла свое выражение возможность сосуществования региональной гегемонии и европейского равновесия. Только позже, в разделах Польши, открыто проявилось имманентное противоречие между ними, когда Пруссия, Австрия и Россия состязались между собой за "максимальное равенство" для того, чтобы переформировывать каждый акт разделов до тех пор, пока в итоге, в ходе последнего раздела, не был упразднен монархический принцип легитимности и европейского равновесия.

В специфических условиях 70–80-х годов XVIII в. попытка создания стабильной системы трех великих держав на востоке Европы на основе совместной политики в Польше привела к разделу Речи Посполитой и одновременно к разделению Европы на противостоящие друг другу системы международных отношений – демократическую и националистическую на западе Европы, возникшую в ходе Великой французской революции, и – имперскую систему трех держав, участвовавших в разделах Польши, на востоке – с другой.

Для более точного анализа политики европейских государств служит критический метод, который К.Цернак определил как метод "структурно-политической истории"²⁵. Его применение требует совершенствования методики исследования международных отношений на основе классификации и систематизации исторических периодов и явлений. При этом названный метод мог бы опираться на оценку Л. фон Ранке исторического поворота, совершенного Петром I в ходе Северной войны. В 1833 г. в своем эссе "Великие державы" Ранке констатировал, что оформленная Вестфальским миром европейская система международных отношений, которая была основана на взаимодействии Франции и Швеции, и служила Версалю средством распространения своего влияния на всю Европу до тех пор, пока не оказалась разрушена в результате победы Петра I. На её руинах возникла восточная подсистема, объединившая Россию, Пруссию и Австрию, которые стремились установить контроль над соседними странами, прежде всего над Польшей.

При таком системном подходе к периодизации и исследованию международных отношений можно рассматривать польскую политику Остермана, пользуясь определением К.Цернака, как отражение генезиса "ништадтской системы на основе негативной польской политики". Как

преемника Остермана А.П.Бестужева, которой он руководствовался в ходе войны с Пруссией^{26*}.

После разделов Польши в русской внешней политике, со времен А.Е.Чарторьского или А.М.Горчакова – или весьма своеобразно при В.И.Ленине – предпринимались попытки преодолеть систему "негативной польской политики". В наибольшей степени это удалось И.В.Сталину, когда он после победы Советского Союза во второй мировой войне не смог отказаться от участия какой-либо иной державы в системе советского контроля над странами-соседами СССР. Пока сохранялась эта имперская политическая структура, продолжало действовать и заложенное политикой Остермана разделение Европы. В этом отношении влияние ништадтской системы дошло до наших дней²⁷.

Примечания

¹ Hintze O. Machtpolitik und Regierungsverfassung / *Idem*. Staat und Verfassung. Gesammelte Abhandlungen zur allgemeinen Verfassungsgeschichte / Hrsg. von F.Hartung. Leipzig, 1941. S.423.

² В связи с дискуссионным тезисом о "собственной вине поляков в упадке Речи Посполитой" см.: Müller M.G. Die Teilungen Polens: 1772, 1793, 1795. München, 1984. S. 69–79.

³ Morgenthau H.J. Macht und Frieden. Grundlegung einer Theorie der internationalen Politik. Gütersloh, 1963. S.51. См. также: Haftendorn H. Zur Theorie außenpolitischer Entscheidungsprozesse // Theorien der internationalen Beziehungen. Bestandsaufnahme und Forschungsperspektiven / Hrsg. von V.Rittbergen. Opladen, 1990. S.401–423.

⁴ Florinski M.T. Russia. A History and an Interpretation. New York, 1947. Vol. 1. P.457.

⁵ Frederic II. Histoire de mon temps (Redaction von 1746) / Hrsg. von M.Posner. Leipzig, 1879. S.180. По поводу оценки Фридрихом II русской внешней политики см.: Mediger W. Moskaus Weg nach Europa. Der Aufstieg Rußlands zum europäischen Machtstaat im Zeitalter Friedrichs des Großen. Braunschweig, 1952. S. 510–581.

⁶ Müller M.G. Das "Petrinische Erbe". Russische Großmachtspolitik bis 1762 // Handbuch der Geschichte Rußlands / Hrsg. von K. Zernak. Stuttgart, 1986. Bd. 2. S. 402–443. Специально по вопросу о преемственности и "рационализации" русской внешней политики после 1725 г. см.: Bagger H. Ruslands alliancepolitik efter i Nystad // Studie in det slesvigske restitytiancepolitik indtil 1732. København, 1974; Mediger W. Op. cit.; Taylor D.J. Russian Foreign Policy 1725–1739. Ph.D. University of East Anglia, 1983. (В данной работе автор не использовал польскую и немецкую литературу.)

* Речь идет о движении русских войск к владениям Пруссии в 1748 г., во время войны за австрийское наследство, в которой Россия, не будучи формально участвующей стороной, оказывала военную помощь Австрии в соответствии с договором 1746 г. (Ред.).

⁷ Фейгина С.А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С.288.

⁸ Там же. С. 275. (А.И.Остерман – Г.И.Головкину и П.П.Шафирову, 20 октября 1718 г.)

⁹ По вопросу о конфликте интересов между Россией и системой европейских государств на последнем этапе Северной войны см.: *Mediger W.* Mechlenburg, Rußland und England-Hannover 1706–1721. Ein Beitrag zur Geschichte des Nordischen Krieges. Hildesheim, 1967; *Никуфоров Л.А.* Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959; *Gerhard D.* England und der Aufstieg Rußlands. Zur Frage des Zusammenhangs der europäischen Staaten und ihres Ausgreifens in die au ereuropäische Welt in Politik und Wirtschaft des 18. Jahrhunderts. München – Berlin, 1933.

¹⁰ *Stanhope W.* A Study in Eighteenth Century War and Diplomacy. Oxford, 1932. P.273–383.

¹¹ *Никуфоров Л.А.* Указ.соч. С.117 (Петр I – Г.И.Головкину, 27 ноября 1719 г.)

¹² *Полихтов М.А.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира 1721–1725. СПб., 1907. С.223.

¹³ *Lewitter L.R.* Peter the Great and the Polish Dissenters // *The Slavonic and East European Review.* 1954/1955. Vol. 33. S.75–101.

¹⁴ *Полихтов М.А.* Указ.соч. С.177; *Некрасов Г.А.* Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг. М., 1966. С.166.

¹⁵ *Остерман А.И.* Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами // Северный архив. 1828. № 1/2. С.2–61. О датировке записки и анализ ее текста см.: *Bagger H.* Op.cit.

¹⁶ См.: *Skibiński M.* Europa i Polska w dobie wojny o sukcesję austriacką w latach 1740–1745. Kraków, 1913. Т. 2. S. 592–597.

¹⁷ *Mediger W.* Mechlenburg, Russland und England-Hannover...

¹⁸ *Morgenthau H.J.* Op. cit. S.51.

¹⁹ *Waltz K.N.* Theory of International Politics. Reading (Mass.), 1979. P.205.

²⁰ См.: *Albrecht U., Hummel H.* "Macht" // Theorien der internationalen Beziehungen. Bestandsaufnahme und Forschungsperspektiven / Hrsg. von V.Rittberger. Opladen, 1990. S.90–109.

²¹ *Kunisch J.* Staatsverfassung und Mächtepolitik. Zur Genese von Staatenkonflikten im Zeitalter des Absolutismus. Berlin, 1979; *Kleuting H.* Die Lehre von der Macht der Staaten. Das Außenpolitische Machtproblem in der "politischen Wissenschaft" und in der praktischen Politik im 18. Jahrhundert. Berlin, 1986; *Kleuting H., Kleuting E.* Heinrich Graf Ostermann. Von Bochum nach Sankt Petersburg 1687 bis 1747. Bochum, 1976.

²² *Kluxen K.* Zur Balanceidee im 18. Jahrhundert // Vom Staate des Ancien Regime zum modernen Parteienstaat. Festschrift für Theodor Schieder / Hrsg. von H. Berding u. a. München-Wien, 1978. S. 41–58. Специально в связи с цитированной работой Й.Куниша критику данной концепции см.: *Czempiel E.O.* Strukturen Absolutistischer Außenpolitik // Zeitschrift für Historische Forschung. 1980. № 7. S. 445–452.

²³ *Остерман А.И.* Указ.соч. С.27.

²⁴ *Taylor D.J.* Op. cit. P.265.

²⁵ *Zernack K.* "Negative Polenpolitik" und russisch-deutsche Beziehungen // Deutsch-russische Beziehungen und ihre welthistorischen Dimensionen vom 18. Jahrhundert bis 1917 / Hrsg. von L. Thomas und D. Wulff. Berlin, 1992. S. 68–73. См. также: *Цернак К.* Конец эпохи великих держав в европейской политике // Вопросы истории. 1993. № 5. С.41–50; *Idem.* Polen und Rußland. Zwei Wege der europäischen Geschichte. Berlin, 1994.

²⁶ Müller M.G. Polen zwischen Preußen und Rußland. Souveränitätskrise und Reformpolitik. 1736–1752. Berlin, 1983.

²⁷ Обоснование тезиса о действенности "системы негативной польской политики" до эпохального рубежа 1989–1991 гг. см.: Zernack K. Polen und Rußland... S.524–527.

**Русская политика
в диссидентском вопросе в Польше
1762–1766 гг.**

В современной историографии польско-российских отношений в XVIII в. вполне обоснованно утвердилось мнение, что со времени Северной войны, по крайней мере – с 1716–1717 гг., сложилась система военного и политического протектората России над Польшей, участниками которой (с разной степенью вовлеченности) были и другие страны. До начала 1770-х годов система не раз переживала кризисы, но наиболее острым из них считается кризис 1768–1772 гг., приведший к турецкой войне 1768–1774 гг. и первому разделу Польши. Поводом для этого кризиса и его прелюдией стало "диссидентское дело", т. е. попытка России добиться уравнивания в сословных правах католической шляхты и дворян-некатоликов в Речи Посполитой в 60-е годы XVIII в.

История русской политики в диссидентском вопросе прочно связывается в историографии с именем Екатерины II и разделяется на три периода: 1762–1766 гг.; 1767– февраль 1768 гг.; 1768–1795 гг. В первом из них "диссидентское дело" занимало сравнительно обособленное место в комплексе военно-политических мероприятий Российской империи в Польше, когда усилия Петербурга концентрировались главным образом на определении стратегических целей и тактических средств реализации диссидентской политики. Этот период, предшествовавший решительному наступлению, применению в 1767 г. "мер крайности" со стороны России, представляется весьма важным для характеристики русской политики в Польше 60-х годов XVIII в. и, в частности, в изучении предыстории первого раздела Речи Посполитой. Поэтому в настоящей статье мы ставим своей задачей проследить развитие политики России в диссидентском вопросе в начальный период ее реализации, в 1762–1766 гг., рассмотреть взаимоотношения России и Польши определяемые рамками "диссидентского дела", т.е. не затрагивая специально

вопросы социальной истории, сословного статуса и политического положения различных конфессий в Речи Посполитой.

В польской историографии рубежа XIX–XX вв., когда впервые диссидентский вопрос стал предметом монографического исследования¹, его осмысление основывалось на двух тезисах, обоснованных Ш.Ашкенази в предисловии к монографии М.Ц.Лубеньской. Он писал о том, что, с одной стороны, "диссидентское дело" отразило культурно-политическое противоборство Запада и Востока, а с другой – сыграло инструментальную роль в процессе установления политической гегемонии России в Речи Посполитой. Близкой точки зрения придерживался и Т.Корзон, указывавший на то, что сословная и конфессиональная структура населения Польского государства в XVIII в. создавала почву для противоречий между католиками и представителями иных вероисповеданий, однако именно вмешательство России в этот конфликт привело к трагическим последствиям для польского общества².

Крупнейший исследователь истории Польши XVIII в. В.Конопчиньский считал, что внутренние истоки диссидентского вопроса не имели принципиального значения, что положение конфессиональных меньшинств в Польше было не хуже, а во многих случаях даже лучше, чем в других странах, что вольтерьянские идеи веротерпимости меньше всего заботили Екатерину II, которая стремилась посредством "диссидентского дела" окончательно подчинить себе Станислава Августа и консервативную шляхту³. Эта точка зрения разделяется в целом и современной польской историографией и представлена в работах Е.Михальского⁴, который рассматривал диссидентский вопрос как одно из средств осуществления политической программы Екатерины II в отношении Польши, предполагавшей сохранение слабости Речи Посполитой и ее зависимости от России, а также в книге Т.Цегельского и Л.Кондзели, посвященной разделам Польши. В ней авторы уделили внимание и политической роли "диссидентского дела", в частности определили его хронологические рамки 1764–1768 гг., указали на различие подходов к нему магнатских группировок, в том числе и на разногласия между королем и Чарторыскими⁵. Социальной истории протестантской шляхты в Речи Посполитой в первой половине XVIII в. посвящена книга В.Кригзайзена⁶, содержащая многие ценные наблюдения и выводы, которые имеют непосредственное отношение к политике России в деле диссидентов. Собственно говоря, оценка современной польской историографией диссидентского вопроса как проявления кризиса польско-русий-

ских отношений в 60-е годы XVIII в. и политики российского господства над Польшей характерна и в целом для зарубежной историографии.

Следует особо подчеркнуть, что именно в русской историографии эта тема получила наибольшее отражение, причем начало ее изучения относится еще к 1795 г., когда по повелению Екатерины II Н.Н.Бантыш-Каменский написал книгу "Историческое известие о возникшей в Польше Унии с показанием начала и важнейших в продолжении оной, через два века, приключений, паче же о бывшем от Римлян и Униатов на благочестивых тамошних жителей гонении ... из хранящихся Государственной коллегии иностранных дел в Московском архиве актов и разных исторических книг"⁷. Приведенное здесь название достаточно точно характеризует как официозную и клерикальную направленность исследования, так и его источниковую базу. Опубликованная в 1805 г. к десятилетию третьего раздела Польши, книга эта должна была быть направлена против полонофильских настроений начала царствования Александра I и послужить обоснованием "законности" русской политики в отношении Польши вплоть до ликвидации польского государства в 1795 г. Примечательно, что второе и третье ее издания были осуществлены в Вильно в 1864 и 1866 гг. по указанию М.Н.Муравьева для безвозмездной раздачи православному духовенству и наставникам народных училищ Северо-Западного края. Именно в книге Н.Н.Бантыш-Каменского впервые были сформулированы тезисы об исторической роли русского правительства в воссоединении Западной Руси и Великороссии и об особом значении покровительства православному населению Польши и Литвы со стороны России чуть ли не со времен Гедимина и уж по крайней мере с начала царствования Петра I.

В 60–70-е годы XIX в. политика России в диссидентском вопросе рассматривалась в работах С.М.Соловьева, П.К.Щебальского, М.О.Кояловича⁸. Их концепции не выходили за рамки изложенной выше официальной трактовки проблемы, но в исследовании русско-польских отношений и политики России в отношении диссидентов историки ввели в научный оборот широкий круг источников, на столетие вперед обеспечивших изучение данной проблемы в отечественной историографии. При этом С.М.Соловьев и П.К.Щебальский попытались отойти от сугубо клерикальной традиции трактовки диссидентского вопроса как взаимоотношения православной, униатской и католической церковью в Польше и сосредоточили свое внимание главным образом на анализе правительственной политики в этой области и показали ее противоречивость и непоследовательность до середины 60-х годов XVIII в., объясняя это

забвением политических принципов Петра I, колебаниями политической конъюнктуры и противоречиями между Синодом и Коллегией иностранных дел.

Концепция, отличная от официальной, сформировалась в конце XIX – начале XX в. в трудах Н.Д.Чечулина и В.О.Ключевского⁹. Указывая на наличие "национального вопроса" в русско-польских отношениях едва ли не с XV в., В.О.Ключевский в отличие от официальной концепции подчеркивал, что политика Екатерины II в отношении диссидентов не соответствовала национальным задачам: вместо усилий, направленных на воссоединение Западной Руси с Россией, правительство Екатерины II сосредоточилось на диссидентском вопросе и "гарантии", что означало попытку вмешательства во внутренние дела Польши, а главное, создавало почву для использования кризиса в русско-польских отношениях великими державами и повлекло за собой первый раздел Польши. Однако, подчеркивая несостоятельность русской политики в "диссидентском деле", В.О.Ключевский не ответил на вопрос, какие цели преследовались Россией, ограничившись только высказыванием о том, что очевидная национальная задача не соответствовала доктринерским планам Петербурга.

В отечественной историографии после 1917 г. отсутствуют специальные работы, в которых рассматриваются проблемы российско-польских отношений в 60-е годы XVIII в. В обобщающих трудах, затрагивающих проблему политики России в диссидентском вопросе, можно выделить три группы исследований как с точки зрения проблематики, так и концепции внешней политики. Это, во-первых, труды по истории СССР в целом, во-вторых, по истории Белоруссии и Украины, в-третьих, по истории Польши. В первой группе работ диссидентский вопрос рассматривается как средство, использованное русским правительством для защиты белорусского и украинского населения Речи Посполитой от национального и религиозного угнетения и сохранения слабой и зависимой от России Польши в интересах противодействия экспансии европейских держав на восток¹⁰. По сути эта концепция восходит к точке зрения С.М.Соловьева. Иную оценку мы встречаем только у М.Т.Белявского, который писал, что "воссоединение в едином государстве русских, украинских и белорусских земель полностью соответствовало национальным интересам народов, но царизм меньше всего заботился об этом. В качестве предлога для вмешательства во внутренние дела Польши монархи России и Пруссии использовали так называемый диссидентский вопрос, то есть вопрос о положении и правах православного

населения на востоке и лютеранского населения на северо-западе Польши. Требуя уравнивания их в правах с католиками, Россия и Пруссия одновременно с этим поддерживали борьбу магнатов против попыток централизации в Польше¹¹.

В работах по истории Белоруссии и Украины история русской политики в диссидентском вопросе либо не упоминается вообще, либо приводятся без каких-либо комментариев ее основные факты. Главное же внимание направляется на освещение национально-освободительной борьбы белорусского и украинского народов¹². По сути дела, подобные точки зрения характерны как для обобщающих трудов по истории Польши¹³, так и для работ, посвященных истории русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и связанным с ней вопросам польско-российских отношений¹⁴.

Таким образом, состояние историографии ставит вопрос о необходимости дальнейших исследований польско-российских отношений в XVIII в., в частности истории диссидентского вопроса. При этом новые результаты могут быть получены только на основе расширения источниковой базы, прежде всего за счет введения в научный оборот материалов российских архивов. Наибольший интерес представляют фонды Коллегии иностранных дел, Военной коллегии и Синода, которые отразили применение в практической политике стратегии и тактики правящих кругов как России, так и Польши. При этом, в отличие от С.М.Соловьева, также изучавшего эти материалы, сосредоточенность на отдельной проблеме позволит привлечь более широкий круг источников и подвергнуть их более детальному анализу. Поэтому, обращаясь к исследованию русской политики в диссидентском вопросе в 1762–1766 гг., мы привлекаем не только опубликованные источники: политическую переписку монархов и их министров, помещенную в сборниках Русского исторического общества, в многотомной публикации политической корреспонденции Фридриха II и Архиве князя Воронцова, и введенную в научный оборот нашими предшественниками, но в первую очередь архивные материалы, содержащиеся в фондах российской Коллегии иностранных дел. Большое значение имеют также донесения Г.Бенуа, прусского резидента в Варшаве, отправлявшиеся в кабинет Фридриха II и в Этатс-министерium в Кенигсберге, а также депеши папского нунция в Польше А.Е.Висконти отсылавшиеся в Рим. Переписка дипломатов Г.Кейзерлинга, Н.В.Репнина, Д.М.Голицына, Г.Бенуа, А.Е.Висконти, со своими столицами содержит в приложениях самую разнообразную до-

кументацию, отражающую как внутреннее положение Польши, так и ее роль на международной арене. Проявившаяся в этой переписке политическая практика отношений России и Польши позволит, по нашему мнению, с большей достоверностью осветить политику России в диссидентском вопросе, нежели широковежательные декларации монархов. Особую специфику имеют источники, хранящиеся в польских архивах. Они представляют собой документы, принадлежавшие магнатским фамилиям, и включают в себя, как правило, частную переписку, что отличает их от официального делопроизводства России или Пруссии. Архивы Чарторыхских и Станислава Августа за 60-е годы XVIII в. утрачены. Нами были использованы фонды архивов Радзивиллов и Ежи Мнишека, которые содержат наиболее крупные документальные комплексы, относящиеся к исследуемому периоду. Следует также указать, что ценные материалы, связанные с политикой России в диссидентском вопросе, имеются и в российских архивных фондах Синода и Военной коллегии.

I

Первые следы диссидентского вопроса в политике России нашли отражение в договоре России с Пруссией 27/16 декабря 1740 г., в отдельном артикуле которого обе стороны обязались покровительствовать диссидентам в Польше¹⁵. Но никаких существенных шагов в этом направлении предпринято не было. Начиналась война за австрийское наследство, А.И.Остерман и Б.Х.Миних, готовившие этот договор, через год уже навсегда ушли со сцены русской политики. Остается только гадать, чем они руководствовались, идя навстречу пожеланиям Фридриха II в этом вопросе. Единственным вероятным мотивом для постановки в это время диссидентского вопроса могли быть опасения за судьбу Курляндии после ссылки Бирона.

Вновь, но в гораздо более широком контексте, мы встречаемся с диссидентским вопросом в русско-прусском союзном договоре 1762 г., который был составлен после заключения мира с Пруссией. 31/20 мая 1762 г. принц Георг Голштинский приехал к канцлеру М.И.Воронцову и объявил ему "высочайшее соизволение" на "немедленное соглашение" о союзе с Пруссией¹⁶. На следующий день в доме канцлера состоялась конференция, на которой прусскому послу Б.Г.Гольцу "был читан на немецком языке сочиненный в коллегии трактат-проект", который перед этим уже был представлен императору Петру III для апробации. Гольц сделал замечания к проекту, хотя, как подчеркивалось в протоколе, проект трактата и артикулов был "оставлен им почти в целости". Поэтому

несомненно, что повторение артикула о диссидентах, как и других положений, касающихся Польши, а именно неизменность государственного строя Речи Посполитой и избрание на польский престол короля поляка в случае кончины Августа III, были включены в проект по инициативе русской стороны, вероятнее всего, самого М.И.Воронцова, который вместе с Гольцем и подписал договор 19/8 июня 1762 г.¹⁷, правда, оставшийся не ратифицированным из-за свержения Петра III. Содержание договора отразило наметившееся еще во время Семилетней войны стремление русского правительства активизировать свою политику в Польше.

Еще 26/15 сентября 1759 г. польскому правительству была предъявлена нота, в которой были изложены претензии России по выполнению договора о Вечном мире 1686 г. В ней, в частности, содержались требования "о свободном отправлении православной веры в четырех епископиях Лудской, Перемышльской, Львовской и Белорусской", из которых, как говорилось в тексте, первые три епархии уже давно обращены в унию, и о восстановлении древних привилегий православного населения Речи Посполитой¹⁸. В этом контексте включение в не ратифицированный союзный договор с Пруссией 1762 г. положения о покровительстве диссидентам едва ли могло быть случайным. Об этом также свидетельствовала и инструкция 28/17 марта 1762 г. российскому резиденту в Варшаве И. Ржичевскому, составленная М.И.Воронцовым, в которой говорилось: "Вам надлежит о единоверных с нами всегда, и где только потребно, ваши старания усугублять, дабы они при своих привилегиях и вольностях оставлены и сохранены были... Нам иного способа не остается как против таких самовольных и нам недоброжелательных со временем такие меры употребить, которые им после в тягость быть могут"¹⁹. Наиболее заметным отличием данной инструкции от многочисленных ей подобных была содержащаяся в ней глухая угроза санкций и репрессивных мер в отношении нарушителей прав православных в Польше.

В конце 1750-х годов диссидентский вопрос был поставлен и в церковных кругах, когда в 1758 г. в Петербург прибыл игумен виленского монастыря Святого Духа Феофан Леонтович, который представил в Коллегию иностранных дел Меморию "об интересном деле". В ней говорилось о притеснении православной церкви со стороны католического духовенства в Польше, но главное, чем выделялось сочинение Леонтовича, был вопрос политический. Он писал об эффективности заступ-

ничества Фридриха II не только за протестантов, но и за православных, о том, что протестанты его чтут более, нежели "природных своих государей", что еще в 1757 г. протестанты присылали к нему (Леонтовичу) в Вильно своих депутатов, "заявляя действовать с ними заодно, но склонились на мои советы и пожелали лучше под российской, нежели под прусскою протекцией быть"²⁰. Сочинение Ф. Леонтовича представляет собой причудливое сочетание фантазий и политического предвидения. Контакты протестантов из Польской Пруссии с Берлином и Кенигсбергом имели в XVIII в. довольно интенсивный характер, особенно со времени провозглашения прусской короной политики веротерпимости²¹. Однако обращение польских протестантов к Пруссии никогда не выходило за рамки сугубо религиозных проблем и не ставило под сомнение их лояльность по отношению к Речи Посполитой. Со стороны Пруссии поддержка своих польских единоверцев не преследовала иных целей, кроме как побудить их к переселению в собственные владения или к вступлению в прусскую военную службу. Начиная с 1761 г. контакты польских протестантов с Пруссией значительно активизировались²², но вплоть до окончания в 1763 г. Семилетней войны не выходили за традиционные рамки.

Упоминание Ф. Леонтовича о готовности протестантов искать покровительства России, с одной стороны, может быть объяснено только положением дел в ходе войны, когда русские войска вели боевые действия в Восточной Пруссии и заняли территорию Польши; но, с другой стороны, сам этот факт свидетельствовал об изменении направлений политического влияния в Польше и указывал на возможность для русской дипломатии в известной мере усилить давление на польское правительство в религиозных вопросах, оказывая покровительство не только православным, но и протестантам.

На рубеже 1758–1759 гг., спустя несколько месяцев после приезда виленского игумена в Петербург, Коллегия иностранных дел ответила на Меморию Ф. Леонтовича в том духе, что применять ответные репрессии против католиков в России несправедливо и бесполезно, так как таковых мало, что защищать православных дипломатическим путем "с угрозением" несвоевременно, ибо это повредит добрым отношениям с Польшей, мысль же о том, что православные в Польше, не видя защиты от России, могут обратиться к Пруссии, безосновательна. Впоследствии уже из Киева игумен писал письма многим влиятельным людям, в том числе И. И. Шувалову; письмо его сохранилось в архивном деле вместе с приведенным выше ответом Коллегии на его Меморию. Ответ был

вполне логичным, но логика его ограничивалась рамками военно-политической ситуации 1758–1759 гг. Однако мысли Ф.Леонтовича не остались незамеченными, и по окончании Семилетней войны, уже в марте 1762 г., идея действовать "с угрозением" в защиту православных в Польше зазвучала в инструкции И.Ржичевскому, а в сентябре виленский игумен получил паспорт для проезда в Москву. В это время он находился в Киеве, в монастырской тюрьме, откуда и был вызван в столицу. Докладчиком по делу Ф.Леонтовича у Екатерины II был её статс-секретарь Г.Н.Теплов, ведавший, в частности, делами по синоду и Малороссии. К нему бывший виленский игумен обратился с письмом от 18/7 октября 1762 г.²³, в котором писал, что обвинялся в распространении сочинения против инструкции о церковных именах, в связях с А.П.Бестужевым-Рюминым и в оскорблении покойной императрицы Елизаветы Петровны. Отвергая эти обвинения, Леонтович благодарил Теплова за заступничество. В деле содержится также копия доношения Леонтовича в синод от 10 октября/29 сентября 1762 г.²⁴ аналогичного содержания. Вероятно, именно Г.Н.Теплову иеромонах обязан своим вызовом в Москву, так как кроме него Леонтович никого не упомянул в качестве своих благодетелей, хотя, вполне возможно, ими могли быть М.И.Воронцов или И.И.Шувалов, которым было известно о Мемории 1758 г., а также Н.И.Панин или Г.Конисский, взглядам которых вполне соответствовали идеи Леонтовича.

Обращает на себя внимание одна из записок, датированная 24 ноября 1762 г.²⁵ В ней опальный игумен писал: "На всевысочайший запрос, какая политическая польза может последовать ... по случаю защипения грекороссийских наших в Польском государстве исповедников? Представляется всеподданнейшее в ответе". По словам иеромонаха, "первая польза" состояла в том, что впредь не надо будет подкупать магнатов, а все секретные сведения об их намерениях против России можно будет получать от единоверцев; "вторая польза ... так и все наши российские политические интересы надежнее и прибыльнее удерживать, нежели прежде ...". Третья польза, по мысли Леонтовича, заключалась в опоре на единоверцев, дабы "удерживать" условия договора 1686 г., "который поляки нетвердым называют". В-четвертых, "что все впредь заключенные трактаты с Польшей будут тверды и благонадежны". В-пятых, "Российскому нашему государству можно будет на 600 верст самой лучшей и плодороднейшей земли с бесчисленным православным народом пред всем светом праведно и правильно у поляков отобрать". В-шестых, "что впредь в несогласии в избрании польского

короля, между поляками обыкновенно происходящем, сами поляки принуждены будут короля себе просить от российского дому". В следующей записке, озаглавленной Леонтовичем "Прибавление"²⁶, названа и "седьмая польза", которая будет связана с возрастанием авторитета России в протестантских государствах, причем иеромонах прежде всего предусматривал выгоды от сближения с Пруссией.

Совпадения содержания записок Ф.Леонтовича с последующими планами России в отношении Польши поистине удивительны. Объясняются ли они талантом политического предвидения иеромонаха, или же задачи эти были настолько очевидны, что "носились в воздухе" и даже проникли в стены киевской тюрьмы, где автор "Объяснения" провел два года в заключении? Или же ответы Леонтовича были ему кем-то подсказаны, скорее всего Тепловым? Так или иначе очевидно, что обращение к диссидентскому вопросу в правящих кругах России возникло не случайно и отнюдь не только по инициативе Екатерины II. Причем с самого начала там смотрели на дело диссидентов не с религиозной, а с политической точки зрения. Речь шла не о защите православных или же иноверцев в Польше, а о мерах, направленных на усиление позиций России в Речи Посполитой.

Отправной точкой в реализации планов диссидентской политики Петербурга стала речь Георгия Конисского на церемонии коронации 29 сентября 1762 г. Он, называя белорусский народ "между подданными народами вашего импер. в-ва", обратился от его имени к Екатерине II с просьбой о защите и покровительстве²⁷.

В историографии нет никаких объяснений появления Георгия Конисского в числе выступавших на коронации. По сути дела, все биографические сведения черпаются исследователями из трех официозных источников: книги Н.Н.Бантыш-Каменского, "Словаря исторического о российских писателях" мтрп. Евгения (Болховитинова) и Биографии Георгия Конисского, написанной Иоанном Григоровичем и помещенной в первом томе собрания сочинений Георгия²⁸. Эти работы не содержат сведений о политических взглядах Георгия Конисского, его контактах в церковных и политических кругах России и Польши и не дают ответа на вопрос, почему именно он был избран в качестве одного из главных проводников русской политики в диссидентском вопросе.

В августе 1751 г. Георгий Конисский стал ректором Киевской духовной академии и архимандритом училищного Братского монастыря. В 1755 г., после смерти И.Волчанского, по представлению Г.Гросса Георгий Конисский был возведен на могилевскую кафедру. Август III за-

просил М.Чарторыского, канцлера литовского, нет ли для этого назначения юридических препятствий. Канцлер ответил, что возражает католическое и униатское духовенство, а также митрополит полоцкий. Против поставления Конисского выступил в своей булле и папа римский Бенедикт XIV. Тем не менее, уступив Гроссу, Август III своим декретом от 3 июня 1755 г. назначил Георгия Конисского епископом²⁹, а в августе указом Синода Георгий был посвящен в сан. Эти обстоятельства свидетельствовали о том, что повышением новый епископ белорусский был обязан не только своим обширным связям среди духовенства в Белоруссии и на Украине и не бесспорному дворянскому происхождению, но, вероятно, и тому, что с его поставлением в Петербурге связывались определенные политические планы. Направленность их проявилась, когда Георгий Конисский с 1756 по 1761 г. неоднократно обращался в Синод и Коллегию иностранных дел с челобитными в защиту православного населения Речи Посполитой³⁰. То есть по меньшей мере с 1755 г. он хорошо известен в Петербурге и стал заметной фигурой в определении политики в диссидентском вопросе, что и отразилось в его речи на торжествах, посвященных коронации Екатерины II. О Георгии Конисском императрица могла узнать от Симеона Тодорского, архимандрита Ипатьевского монастыря, бывшего с 1742 г. законоучителем наследника Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны, у которого Георгий Конисский учился немецкому, греческому и еврейскому языкам. Выдвижение Георгия могло быть связано с И.И.Шуваловым, М.И.Воронцовым и Н.И.Паниным, тогдашними руководителями внешней политики России. Маловероятно, что его речь была инспирирована Синодом, во-первых, потому, что не будучи членом Синода Георгий Конисский получил на коронационных торжествах равную, если не большую роль по сравнению с членами Синода; во-вторых, потому, что после коронации Екатерины II церковное начальство попыталось удалить его как из Петербурга, так и из Могилева, назначив в Псков. Наконец, говоря о связях епископа белорусского в Петербурге, следует указать на одно совпадение. Церемониймейстером, т.е. главным распорядителем в проведении ритуала коронации, был З.Г.Чернышев, с которым впоследствии епископ белорусский был весьма близок. Он имел свою точку зрения на русскую политику в польском вопросе. Вполне возможно, что и ему Георгий Конисский обязан своим участием в вышеупомянутых торжествах. Так или иначе, событиям осени 1762 г., когда определились первые контуры политики в диссидентском вопросе, предшествовал период примерно с конца 1750-х годов, когда претерпела принципиальные из-

менения и вся внешняя политика России; именно в это время встречаем мы и первые признаки появления в будущем диссидентского вопроса.

Однако до конца 1763 г. диссидентский вопрос ярко не проявился в польской политике России. Он был отодвинут на второй план борьбой за восстановление Э.И.Бирона на курляндском престоле, событиями лета 1763 г. вокруг Виленского трибунала. Наконец, едва ли стоило братья за "диссидентское дело" накануне ожидаемой кончины польского короля Августа III, когда главным вопросом должно было стать избрание его преемника.

Хотя события "бескоролевья" 1763–1764 гг. и заслонили собой диссидентский вопрос, он не был забыт ни в Петербурге, ни в Берлине.

Еще в феврале 1763 г. Синод представил Екатерине II доклад о защите в Польше благочестия, в котором, правда, говорилось только о православных, а протестанты не были упомянуты вовсе³¹. Но в 1763 г. в Петербург уже начали прибывать диссидентские депутаты, среди которых были главным образом протестанты*. На это указывают представления, сделанные ими русскому правительству в 1764 г., однако свидетельств об их переговорах в Петербурге в 1763 г. в нашем распоряжении не имеется. Самое раннее упоминание о таких переговорах содержится в ответной записке, врученной в Коллегии иностранных дел диссидентским депутатам 28/17 марта 1764 г., в которой сообщалось, "что её и.в. о таких продолжающихся диссидентам в Польше гонениях от римского духовенства с немалым сожалением уведомила и не меньше усердствует о ненарушимом сохранении привилегий, прав и преимуществ их, как о благосостоянии находящихся там же греческих исповедников. То в пользу оных диссидентов употреблено общее старание с его в.королем прусским и в таком намерении содействие его министров требовано..."³³.

Диссиденты делали свои представления не только в Петербурге и Варшаве, но и в Берлине и Дрездене. Так, в бумагах Е.Мнишека сохра-

* Как показал В.Кригзайзен, к началу 60 годов XVIII в. среди диссидентских политиков в Речи Посполитой произошла смена поколений, когда к руководству протестантскими объединениями пришли люди, не отягощенные прежними политическими неудачами, постигшими протестантов в первой трети XVIII в. В отличие от старших собратьев, они связывали свои надежды на отстаивание сословных прав диссидентов преимущественно с Россией. Кригзайзен сделал обоснованный вывод, что уже к лету 1764 г. в Польше сложилась "диссидентская партия", ориентированная на сотрудничество с Петербургом³².

нилась копия обращения диссидентов к польскому королю Августу III, составленного, вероятно, в октябре–ноябре 1762 г., авторы которого от имени протестантов Великой и Малой Польши и Литвы поднимали вопрос о восстановлении религиозных прав диссидентов, о свободе богослужения, о восстановлении церквей, а также упоминали об упадке диссидентских поселений и гибели диссидентской шляхты³⁴. Появление этого мотива в обращениях протестантов к польскому правительству осенью 1762 г. свидетельствует о том, что начала постепенно разворачиваться политическая кампания в защиту диссидентов. В августе–сентябре 1763 г. Г.Бенуа переслал в Берлин петицию, содержавшую перечень претензий диссидентов, в которой речь шла исключительно о протестантах и отмечалось нераспространение на них привилегии Сигизмунда II Августа, ограничение религиозных прав в пактах-конвентах Августа II, недопущение диссидентов к участию в трибуналах, указывалось на направленные против них постановления Варшавской конфедерации 1733 г. и Сейма примирения 1736 г., упоминалось ограничение права патроната над церквями, участия в сеймиках, говорилось о преследовании священников и религиозных общин диссидентов и, наконец, поднимался вопрос об уничтожении диссидентской знати³⁵. Обращает на себя внимание содержание претензий, высказанных диссидентами – оно концентрировалось главным образом, если не исключительно, вокруг вопроса о восстановлении не столько религиозных, сколько сословных прав шляхтичей-протестантов в Польше. Однако, видимо, только после кончины Августа III в Пруссии сочли возможным откликнуться на обращение диссидентов. 27 октября 1763 г. Фридрих II писал К.В.Финкенштейну о просьбе саксонского посла в Берлине, обратившегося к нему от имени своего двора, чтобы Россия и Пруссия выступили одновременно с требованием восстановления законных прав и привилегий диссидентов в Польше, используя благоприятную ситуацию, когда королевский трон оказался вакантным. Король поручал своему министру направить соответствующие распоряжения Г.Бенуа в Варшаву и В.Ф.Сольмсу в Петербург, что и было исполнено на следующий день, причем Сольмсу поручалось включить статью о диссидентах в проект союзного договора³⁶, а Бенуа – добиваться, чтобы требования эти были учтены при составлении пактов-конвентов к избранию нового короля. Прусским послом были предприняты соответствующие меры, о которых он извещал Фридриха II в депеше от 29 февраля 1764 г.³⁷ Бенуа

писал, о весьма твердых заверениях, примаса и других епископов в том, что требования диссидентов будут удовлетворены в составляемых пакетах-конвентах; однако он заметил, что не может довериться этим обещаниям и поэтому при любом удобном случае продолжает говорить о диссидентах, опираясь в своей пропаганде на тех сенаторов, позиция которых по диссидентскому вопросу ему известна. По его словам, такая деятельность не осталась безрезультатной, и некоторые сеймики включили в инструкции послам требование утвердить диссидентов в их правах. В то же время другие сеймики давали противоположные инструкции, а епископы пользовались любыми аргументами с целью лишения диссидентов в Польше их привилегий вместо того, чтобы их подтвердить или расширить. Далее Бенуа пустился в рассуждения о том, каких последствий надо ожидать в случае удовлетворения требований диссидентов. Он писал, что это привлечет в Польшу большое количество иностранных ремесленников, которые будут чувствовать себя здесь уверенными и защищенными, что они поэтому охотно предпочтут это королевство соседним государствам и переселятся сюда, чтобы продавать свои изделия дороже, чем в других местах. Имущие диссиденты, продолжал Бенуа, в этом случае будут пытаться убедить своих сограждан, что для получения дальнейших выгод для Польши нужно будет дать дворянам-диссидентам право участия в сеймах и трибуналах. Излагая эти соображения Фридриху II, посол преподносил их как свои собственные мысли, но так же рассуждали в Варшаве и поляки, сторонники частичного удовлетворения требований некаатоликов³⁸. Они считали, что провозглашение веротерпимости наряду с невысоким, в сравнении с другими государствами, налогообложением и покровительственными для польской торговли и промышленности тарифами привлечет в Польшу ремесленников и купцов, что должно благотворно сказаться на развитии промышленности и торговли, а следовательно, на государственных финансах. Однако, обращая столь настойчиво на это внимание Фридриха II, Бенуа, разумеется, понимал, что подобная перспектива не обрадует прусского короля, который сам был заинтересован привлечь переселенцев в собственные земли, и поэтому, сообщая о своих усилиях в деле диссидентов, прусский посол скорее предостерегал своего государя от излишней активности в диссидентском вопросе. О подобном восприятии Берлином рассуждений Бенуа свидетельствуют многократные указания Фридриха II на то обстоятельство, что действия в защиту диссидентов в Польше не должны повредить привлечению переселенцев в Пруссию³⁹.

Излагая соображения относительно диссидентского дела, Бенуа отмечал, что предоставление диссидентской шляхте права участия в сеймах и трибуналах представляет собой, по его мнению, второй этап в осуществлении диссидентской политики, который наступит только после их уравнивания в религиозных правах. Это свидетельствовало о том, что в Пруссии могли бы вполне удовлетвориться, хотя бы временно, наделением диссидентов равными правами только в вопросах вероисповедания. Вероятно, и здесь прусский посол излагал не только свои собственные мысли, но и передавал мнение магнатов, готовых пойти на уступки в диссидентском вопросе. При этом он прямо указывал на Чарторыхских, говоря, что значительная часть духовенства упрекает их в том, "что одно из основных условий, благодаря которому они добились присутствия (в Польше. – *Б.Н.*) соседних держав, было согласие на допуск диссидентов к общественной деятельности, и что с подобным святотатством церковь не может согласиться". "Такие заявления, – писал Бенуа в депеше, – только повергают в замешательство тех, кого обвиняют в подобном проекте, и мешают им публично защищать людей, которым они обещают такое великое благо". Главная же мысль прусского посла, внушаемая им своему королю, такова – осуществить "диссидентское дело" не удастся, если Польша "не будет принуждена к этому силой оружия соседних держав". В заключение он просил Фридриха II убедить Петербург дать русским послам в Варшаве инструкции о совместных с ним действиях в интересах диссидентов. Он также просил наделить послов России и Пруссии всеми необходимыми полномочиями.

Таким образом, в конце февраля 1764 г., за месяц до подписания союзного договора между Россией и Пруссией, когда Бенуа направил свою депешу Фридриху II, прусский посол в Варшаве еще ничего не знал относительно того, достигнута ли договоренность между Петербургом и Берлином о совместных действиях в диссидентском вопросе, хотя попытки Фридриха II добиться соглашения об этом с русским двором были предприняты еще в конце октября 1763 г. Тогда К.В.Финкенштейн и Э.Гертцберг писали В.Ф.Сольмсу от имени короля о просьбах диссидентов о покровительстве, о том, что вопрос этот традиционно являлся предметом соглашения между Россией и Пруссией. Поэтому послу предписывалось обсудить этот вопрос для включения его в готовящийся союзный договор. Его заверяли, что это не встретит затруднения, и убеждали, "что само русское министерство сделает вам такое предложение, как это оно делало прежде"⁴⁰.

Это замечание Финкенштейна и Гертцберга свидетельствует, что русская сторона являлась инициатором также и предшествовавших соглашений в диссидентском вопросе. Однако осенью 1763 г. в Петербурге не были еще готовы сделать соответствующие предложения. Поэтому через два месяца, 27/16 декабря 1763 г., Фридрих II писал Сольмсу, что в ответ на ходатайство польских диссидентов, как протестантов, так и православных, избавить их от притеснений со стороны католического духовенства и посягательств на их права, он намерен "не колеблясь" исполнить их просьбу и поручает послу "предложить гр. Панину, не пожелает ли Петербургский двор одинаково вступить за диссидентов, таким образом, чтобы нам соединиться в этом"⁴¹. Предложение прусского короля прозвучало на этот раз весьма решительно и требовало, следовательно, не менее определенного ответа. В нем также подчеркивалось намерение поддержать не только протестантов, но и православных, что неизбежно должно было затронуть самые чувствительные струны в Петербурге. Заявление Фридриха II не осталось безрезультатным. 3 февраля/23 января 1764 г. Финкенштейн писал Сольмсу, что удовлетворен действиями Петербурга в диссидентском вопросе, однако подчеркивал, что для совместного демарша не стоит дожидаться избрания нового короля, а напротив, следует включить статью о диссидентах в пакты-конвенты⁴².

Таким образом, переписка Сольмса с Берлином определенно свидетельствует, что намерения русского правительства оставались неизвестны Пруссии, несмотря на то, что в Берлине знали о присутствии в Петербурге диссидентских депутатов. Только в конце января 1764 г., когда в Петербурге было принято решение заступиться за диссидентов города Торуня, в ответ на их прошение⁴³, в Пруссии убедились, в каком именно направлении может развиваться политика в диссидентском вопросе. Однако даже после подписания союзного договора 1764 г. Фридрих II не знал, каковы будут детали этой политики, не говоря уж о ее целях. 22/11 июня 1764 г. Сольмсу поручили разузнать у министерства, "каким образом эта государыня (Екатерина II. – Б.Н.) полагает вступить за них"⁴⁴. Совершенно очевидно, что заинтересованность Фридриха II в диссидентском вопросе в 1763 и в первой половине 1764 г., несмотря на то, что королю мало что было известно о намерениях Петербурга в этой области, объяснялась стремлением заключить союз с ним, для чего в Берлине и пытались использовать проблему диссидентов, верно рассчитывая, что она может послужить почвой для сближения с Россией.

II

О том, что русская политика в диссидентском вопросе определилась без консультаций с Берлином, свидетельствует рескрипт императрицы Г.Кейзерлингу и Н.В.Репнину, утвержденный 16/5 апреля 1764 г.⁴⁵ В нем впервые "собственные наши единоверцы" упоминались вместе с "прочими диссидентами". Послам поручалось "употребить всевозможное старание" на конвокационном и коронационном сеймах, используя положение междуцарствия, для восстановления диссидентов во всех их правах на основании точного и ясного закона и для защиты их впредь от нападков католического духовенства. В рескрипте также говорилось о том, что через В.Ф.Сольмса будет сделано соответствующее представление Пруссии о совместных действиях по защите диссидентов на основании заключенного союзного договора. В рескрипте, правда, содержалась оговорка, что выбор времени для необходимых действий поручается самим послам, Г.Кейзерлингу и Н.В.Репнину. Однако они не решились действовать на сейме конвокации. Более того, в мае 1764 г. Репнин, по существу, выразил несогласие с полученным рескриптом, когда писал Н.Панину: "Одно только восстановление во все старые преимущества диссидентов весьма трудно кажется, или почти совсем невозможно. Да если осмелюсь свое мнение донести, то не вижу, чтоб оно для нас так и полезно было. Введение их по-прежнему в гражданские чины увеличит их силу, тоже с ними и короля прусского. В нашем же законе уже знатных никого не осталось, и тако с силой их наша ни мало не приумножится, а кажется, что наш интерес, чтоб никакой чужестранный двор здесь сильнее нашего не был"⁴⁶. Трудно сказать, разделял ли Г.Кейзерлинг мнение Репнина, однако в Петербурге оно осталось незамеченным.

О намерении России и Пруссии предпринять совместные действия, направленные на восстановление прав диссидентов, стало известно в Варшаве уже летом 1763 г. 15 августа этого года папский нунций в Польше А.Е.Висконти сообщал в Рим о договоре, заключенном между Россией и Пруссией 1 июня 1762 г. При этом он ошибочно указывал, что договор этот якобы был подтвержден Екатериной II. Передавая его содержание, Висконти писал, что "греки и диссиденты принадлежали раньше к знати в Польше и Литве и теперь должно предпринять меры, чтобы удовлетворить их требования и возратить им все духовные и светские права, которыми они обладали ранее"⁴⁷. В сообщении нунция содержался ряд неточностей. Главная из них искажала текст второго се-

паратного артикула, в котором якобы говорилось о том, что надлежит сохранять существующие права диссидентов, поскольку возвращения им прежних прав сейчас добиться невозможно⁴⁸.

Таким образом, еще накануне кончины Августа III в Варшаве ожидали, что Россия и Пруссия в ближайшее время поднимут диссидентский вопрос. Это и произошло в конце 1763 г., свидетельством чего является приведенное выше донесение прусского посла в Берлин от 29 февраля 1764 г. В нем речь шла о переговорах Бенуа с сенаторами, о попытках включить в инструкции русским послам положения в пользу диссидентов.

Накануне сейма конвокации о "диссидентском деле" открыто не говорилось. В акте генеральной конфедерации 1764 г. об участии диссидентов даже не упоминалось, а напротив подтверждалась незыблемость католицизма. Тем не менее противники "диссидентского дела" добились включения в инструкции сеймиков (брестского, куявского, инowроцлавского) положений, направленных против диссидентов. Особенно жесткой была инструкция Вольнского воеводства⁴⁹. Появление требований, не только подтверждавших, но и усиливавших ограничения прав иноверцев, введенных конституциями 1717 и 1733 гг., свидетельствовало о том, что определенные планы обсуждения диссидентского вопроса на сейме 1764 г. существовали. Об этом нунций сообщал в Рим в апреле этого года, а 2 мая он доносил, что французский и австрийский послы подтвердили его сведения об обещании Стапислава Понятовского ввести в Польше свободу вероисповедания. Такие планы Висконти обсуждал с А.Чарторыским, который косвенным образом подтвердил факт такого обещания, данного его племянником Екатерине II, заметив, что в стране существуют противоречивые религиозные устремления, которые надлежит учитывать при управлении, и что письмо С.Понятовского императрице не было посвящено религиозным вопросам, а только содержало упоминание о них⁵⁰.

7–23 мая 1764 г. в Варшаве проходил конвокационный сейм, на котором был, в частности, затронут вопрос о положении диссидентов. Ни русские, ни прусский послы в его обсуждение не вмешивались, видимо, считая особо важным делом образование генеральной конфедерации и назначение королевских выборов. Может быть, причиной их молчания явилась несогласованность действий России и Пруссии.

Первый пункт пропозиции на сейм предусматривал вопрос об "умножении" католической веры, с которым связывалось и обсуждение "диссидентского дела", поскольку специально тема прав не католиков в

пропозициях не затрагивалась. Епископы на сейме выступили по данному вопросу единогласно, в том числе и сторонники "фамилии": Т.Чарторьский, епископ познанский, и А.Байер, епископ хельминский. Ломженский посол Глиньский потребовал, чтобы особая комиссия пересмотрела владельческие права диссидентов, а послы Подляшского воеводства внесли 18 мая проект о подтверждении конституций 1717, 1733, 1736 гг. Один только подляшский воевода и российский пенсионер Б.Годский робко попытался выступить в защиту диссидентов. На последней сессии сейма проект о правах последних был принят единогласно. Был подтвержден статус диссидентов, определенный конституциями 1717, 1733 и 1736 гг., имевшими ярко выраженную направленность против некатоликов и неуниатов. К тому же на будущее диссидентам было запрещено получать во владение староства и должности в войсках⁵¹.

В день закрытия сейма, 23 мая, Висконти доносил в Рим⁵², что в ходе его работы религиозный вопрос был одним из главных. По его мнению, существовала опасность восстановления диссидентов в сословных правах, что позволило бы им занимать сенаторские и шляхетские должности, а также строить церкви. За спиной диссидентов, по словам нунция, действовали русские министры, а магнаты, обещавшие ему свою поддержку, колебались, так что беспокойство нунция улеглось только после принятия решения. Главная роль в этом, подчеркивал Висконти, принадлежала шляхте, которая "превзошла сенаторов усердием и твердостью", более того – послы требовали, чтобы диссиденты были лишены большинства владельческих прав, принадлежавших им ранее, из-за чего на сейме вышел спор.

В заключение нунций писал, что "один из пользующихся наибольшим доверием сенаторов" (вероятно, имеется в виду Август или Михал Чарторьский) предложил на сейме образовать в составе коллегии епископов особый трибунал, который являлся бы высшей инстанцией для решения дел, касающихся религии. "Я опасаюсь, – замечал Висконти, – как бы за этим не последовали другие проекты, уменьшающие права нунциатуры, епископов и права церкви".

В этом фрагменте из донесения нунция впервые упоминается коллегия епископов, которой впоследствии принадлежала немаловажная роль в деле диссидентов. То, что вопрос о ее создании был поднят еще до избрания королем Станислава Понятовского, позволяет, по нашему мнению, усомниться в решающей роли будущего короля в образовании такого трибунала. Вероятно, эту идею поддерживали сами епи-

скопы, надеявшиеся усилить свои позиции в отношениях со светской властью, а также с примасом и римской курией. Сплоченность и единогласие епископата по религиозным вопросам в начале 1760-х годов подтверждают все наблюдатели. Заинтересованность в создании такого института могла проявить и светская власть, так как она получила возможность маневрировать и переложить на коллегии епископов некоторые вопросы, особенно связанные с "диссидентским делом".

Завершая свое донесение о конвокационном сейме 1764 г., Висконти отмечал, что его решения подлежат утверждению на сейме коронации, после чего и получают законную силу.

Проанализированный документ свидетельствует, что в "диссидентском деле" решения конвокационного сейма не были незыблемыми, что магнаты, и в первую очередь "фамилия", проявляли колебания и определенную готовность пойти на уступки России в вопросе о диссидентах, что дело можно было исправить. Вероятно, так рассуждали и диссиденты, когда перед закрытием конвокационного сейма отправили депутацию в Петербург, где ее глава Красиньский подал 18/7 июня 1764 г. мемориал. В нем говорилось, что диссиденты себя "видят обманутыми... включенным против них в актах нынешнего сейма конвокации пунктом, который будучи содержен по согласию генеральной конфедерации получит навсегда силу закона, ежели будет подтвержден в будущем сейме коронования". При этом Красиньский ссылался на "всемилоостивейшее объявление" императрицы, подтвержденное и русскими послами в Варшаве, о намерении России воссталовать диссидентов во всех их "древних правах и привилегиях"⁵³.

Мемориал Красиньского определенно свидетельствует, что еще накануне конвокационного сейма диссидентам в Петербурге были даны определенные гарантии, возможно даже лично Екатериной II, на что недвусмысленно указывает мемориал. Можно предположить, что аналогичные обещания давались и в Варшаве Кейзерлингом, так как Репнин о своих беседах с диссидентами в этот период не упоминал. Очевидно, приведенный выше рескрипт 16/5 апреля 1764 г. был непосредственно связан с приемом императрицей в Петербурге диссидентской депутации, на что указывает и упоминание в нем о прилагаемой записке, поданной от депутатов-диссидентов⁵⁴.

Видимо, нежелательная для России ситуация с "диссидентским делом" на конвокационном сейме, колебания русских послов в Варшаве и известная неопределенность в этом вопросе прусского двора, а также протест диссидентской депутации побудили Екатерину II усилить ди-

пломатическое давление. Так, 19/8 июня Сольмс доносил в Берлин о ее намерениях "оказать серьезную поддержку диссидентам". В ответ на это 7 июля/26 июня 1764 г. от имени короля Финкенштейн и Гертцберг поручили ему выяснить у графа Панина намерения России и сообщили о приказании, отправленном Бенуа, "действовать в этом деле согласно с русскими"⁵⁵. 1 июля/20 июня 1764 г. Екатерина II мягко пожурела Г.Кейзерлинга за пассивность в деле защиты диссидентов в Польше. Причем сделано это было не в рескрипте или через депешу Панина, а в личном письме. Императрица одобряла действия посла на сейме и только в заключительных строках прибавила: "Прошу вас убедительнейше не пренебрегать делом раскольников; это есть единственное, которое не идет согласно моим желанием"⁵⁶. Даже события, предшествовавшие избранию королем Станислава Августа, не остановили попыток Петербурга продвинуть "диссидентское дело" и добиться от Пруссии необходимых действий на стороне России. Последняя задача была решена предписанием 22/11 июля 1764 г. в Торжественной декларации России и Пруссии относительно прав диссидентов в Польше⁵⁷. Впервые, месяцем ранее, идея такой декларации высказывалась в письме Финкенштейна и Гертцберга Сольмсу от 22/11 июня 1764 г.⁵⁸ Однако, думается, что нет оснований придавать исключительное значение этой инициативе Пруссии, с одной стороны, потому что до сих пор русская политика в диссидентском вопросе развивалась вполне самостоятельно, а роль Берлина никогда не выходила за рамки, отведенные в Петербурге младшему партнеру; с другой стороны, это последнее обстоятельство заставляло прусских министров, как и самого Фридриха II, в переписке со своими представителями изображать свою роль более значительной, нередко советуя своим контрагентам принять совершенно очевидные меры.

Вместе с тем, эта декларация сыграла исключительную роль не только в диссидентской политике русского правительства, но и в политике России в Польше в целом, ибо она уже не ограничивалась, как ранее, требованиями справедливого судебного разбирательства в делах диссидентов или их защиты со стороны короля и канцлеров, а настаивала на принятии сеймом продиктованного Россией законодательства, т.е. было открыто заявлено о праве России и Пруссии вмешиваться в прерогативы сейма как верховной власти в Речи Посполитой. Россия заявляла себя тем самым субъектом конституционного права Польши. Распространение этого статуса России мы вскоре уже можем наблюдать в декларации по курляндскому вопросу и в официальной рекомендации русского посла к избранию королем Станислава Понятовского в июле-ав-

густе 1764 г.⁵⁹ Однако декларация о правах диссидентов была на этом пути первым шагом. Следует также указать на содержавшееся в русско-прусской декларации заявление о том, "что и другие государства, исповедующие те же религии, с живейшим участием отнесутся к столь полезному и выгодному для всего христианского мира соглашению, то упомянутые дворы (Россия и Пруссия. – *Б.Н.*) не замедлят сообщить им о том и пригласить их присоединиться"⁶⁰. Идея привлечения других стран к участию в "диссидентском деле", очевидно, должна была не только усилить воздействие российского демарша в Польше, но и послужить поиску почвы для соглашения стран Северной Европы в планируемой Н.И.Паниным "северной системе". Значение русско-прусской декларации, тем самым, выходило далеко за рамки простого дипломатического демарша. И не случайно австрийский посол в Петербурге И.М.Лобкович в донесении в Вену рассматривал ее как конвенцию по "диссидентскому делу" между Берлином и Петербургом⁶¹.

Дипломатические усилия России принесли первые плоды уже на элекционном сейме, который проходил с 28 августа по 8 сентября 1764 г. Хотя, по сообщениям Висконти⁶², "добрые католики" не оставили усилий отстоять прерогативы церкви, епископы не стали настойчиво возражать против седьмой статьи пактов-конвентов, которая провозглашала мир с иноверцами и подтверждала их права в соответствии с конституциями 1717, 1733 и 1736 гг. Сообщая об этом Н.И.Панину, Н.В.Решин, возглавивший посольство в Варшаве после кончины 30 августа 1764 г. Г.Кейзерлинга, в своей депеше от 3 сентября/23 августа указывал на неудовлетворительность для России принятого решения и вновь недвусмысленно выражал сомнение в осуществимости планов Петербурга. Он писал, что "глава диссидентов крик и споры бесконечные производит, и не льщусь, чтобы, кроме силы, можно было для них что полезное сделать"⁶³. Тем не менее, определенный компромисс был найден, что позволило избежать открытого столкновения по диссидентскому вопросу в ходе королевских выборов, которым в Петербурге придавалось приоритетное значение. В окончательном варианте пактов-конвентов, утвержденных сеймом, статья постановления Генеральной конфедерации о диссидентах⁶⁴ была несколько отредактирована. Подтверждение конституций 1717, 1733 и 1736 гг. трактовалось в них как подтверждение прав не католиков, но была опущена констатация неполюбовия православных и протестантов⁶⁵.

25/14 сентября Н.В.Репнин по повелению императрицы подал королю Станиславу Августу от своего имени мемориал⁶⁶, текст которого буквально совпадал с содержанием русско-прусской декларации по диссидентскому вопросу, из которого, правда, были исключены все упоминания о Пруссии. Единственным заметным расхождением было определение диссидентов – в декларации о них говорилось как о "подданных республики", а в мемориале – как о жителях Речи Посполитой. Так как официальный текст декларации был получен русским посольством в Варшаве только вместе с рескриптом от 5 октября/24 сентября 1764 г., то можно заключить, что этот текст был известен послам ранее, а возможно, Г.Кейзерлинг принимал участие в составлении декларации. В рескрипте⁶⁷, подписанном только Екатериной II без контрассигнации Н.Панина и А.Голицына, говорилось, что "мы с удовольствием увидели... что вы уже собою по прежним нашим точным наставлениям, не удовольвляясь тем, что в прежних пактах королевских исправлено, сделанное на прошлом созывательном сейме вновь диссидентам утеснение, подали его величеству мемориал по сему, толь правосудно нас интересующему предмету, и тем открыли путь к особливой о том негоциации". 24/13 октября Репнин получил следующую депешу Панина, в которой более подробно раскрывался план предстоящей негоциации⁶⁸. В ней говорилось, что только влияния короля недостаточно и надо привлечь для содействия в этом деле магнатов, благожелательно относящихся к России, наконец, следует использовать как последнее средство угрозу приостановить вывод из Польши русских войск, если требования России не будут удовлетворены.

28/17 октября 1764 г. императрица собственноручно написала письмо Н.В.Репнину, в котором "наисильнейше" рекомендовала ему дела о диссидентах и границе. "Помните, – подчеркивала она, – что и в том и в другом заинтересована моя слава"⁶⁹. Столь недвусмысленное требование, адресованное послу, свидетельствовало о решительности намерений русской политики в диссидентском вопросе. 15/4 ноября 1764 г. Репнин сообщил о готовности употребить все силы в пользу диссидентов, в чем ему намерены содействовать король Станислав Август и прусский резидент Г.Бенуа. "Только, – подчеркнул Репнин, – опасуюсь *а н т у з и а с м у* здешней нации, который на сем пункте чрезвычаен"⁷⁰. Затрагивая тему энтузиазма нации, непримиримого отношения польской шляхты к притязаниям России в диссидентском вопросе, русский посол вновь напоминал о своих предостережениях, сделанных ранее. Почти в каждом своем донесении о ходе коронационного сейма

он возвращался к этой мысли, причем в тех же самых выражениях. Что хотел внушить Репнин своим петербургским корреспондентам, назойливо повторяя, очевидно, неприемлемую для них мысль о крайней затруднительности, если не невозможности реализации требований России? Вероятно, ответ на этот вопрос может быть двояким: либо снять таким образом с себя ответственность в случае неудачи диссидентских планов Петербурга, либо побудить русское правительство отказаться от неосуществимых замыслов. Однако для самого Репнина повеление Екатерины II о "диссидентском деле" как деле чести императрицы не оставляло выбора.

В довольно затруднительном положении оказался и новый польский король Станислав Август. Накануне выборов, добиваясь популярности у шляхты, он играл роль истового католика, а теперь настоятельные требования России по диссидентскому вопросу грозили лишить короля обретенной в глазах дворянства и католического духовенства репутации, в случае его уступчивости, или же погубить дело реформ в случае сопротивления иницилируемым Екатериной II постановлениям по "диссидентскому делу". До открытия коронационного сейма Станислав Август ответил на два письма русской императрицы. 15 ноября 1764 г. он писал ей⁷¹ о необходимости продолжения реформ, начатых на конвокационном сейме, при этом, говоря о польском народе (что в тогдашнем понимании означало только шляхту), он неизменно упоминал и диссидентов как его составную часть, не давая никаких обязательств и вместе с тем стремясь создать у своего адресата впечатление, что он, король, весьма озабочен диссидентской проблемой и готов содействовать ее разрешению.

Тогда же, в конце ноября 1764 г., Н.В.Репнин подал ноту по диссидентскому вопросу и доносил в Петербург 28/17 ноября 1764 г., что обсуждение "диссидентского дела" начнется на следующий день после открытия сейма и что он совместно "с чужестранными министрами" будет действовать в интересах диссидентов⁷². Однако этого не произошло. Сейм открылся 3 декабря 1764 г., приступив сразу к утверждению предшествующих решений, определявших содержание реформ 1764 г. На нем была образована также комиссия епископов для рассмотрения церковных дел и споров между духовными и светскими институтами⁷³. Так была реализована идея, возникшая еще накануне сейма элекции. Однако с самого начала этой комиссии отводилась весьма важная роль в "диссидентском деле". Об этом свидетельствует донесение Висконти от 16 декабря 1764 г. В нем говорилось, что на следующий день, 17 декаб-

ря, по диссидентскому вопросу намерен выступить примас, обсуждавший до этого в своем доме вместе с епископами проект, в котором, по точным сведениям нунция, содержится "не меньше, чем свободное отправление религии"⁷⁴. Но выступление примаса так и не состоялось. Тогда Г. Бенуа поднял диссидентскую тему в связи с обсуждением вопроса о подтверждении трактатов, заключенных Речью Посполитой. Когда и эта попытка окончилась неудачей, то, как пишет М.Ц. Лубеньская, "последний штурм предпринял Репнин 20 декабря 1764 г."⁷⁵ Это было в день закрытия коронационного сейма.

Подробное описание событий на сейме и действий Репнина содержится в депеше последнего Панину от 24/13 декабря 1764 г., почти целиком приведенной С.М. Соловьевым⁷⁶. Репнин начал свое донесение сообщением о подтверждении сеймом трактата 1686 г. и подчеркнул в связи с этим, что Станислав Август "совершенно предан всемилостивейшей государыне и дела ее нелицемерно за свои считает"; он писал также, что накануне сейма сообщил конфиденциально королю и магнатам, что имеет приказание не выводить русские войска, пока не будут выполнены все требования Петербурга, в том числе и по "диссидентскому делу". То есть Репнин в точности исполнил инструкции Панина о давлении не только на короля, но и на магнатов, и об использовании невывода войск как крайней угрозы. Но так как угроза оставления русских войск в Польше была им увязана не только с "диссидентским делом", но и с признанием договора 1686 г. (уже достигнутым), выскажем предположение – Репнин сделал это, рассчитывая, что успех в деле подтверждения договора откроет для него возможность маневра, даже в случае неудачи с диссидентским вопросом. Так и получилось, когда Репнин все же позволил королю объявить о начале вывода русских войск, в надежде, как он писал, "в нации возбудить благодарность, дабы хоть тем к желаемому концу дойти". Но вероятно, не надеждой на благодарность нации был продиктован его поступок, а стремлением не доводить дело до конфликта с королем и сеймом в случае, несомненного для Репнина, провала "диссидентского дела". Поставленный в тот же день на сейме диссидентский вопрос был встречен "безобразным криком". Король и примас, подавшие просят маршалу сейма, были вынуждены объявить, что просят был представлен иностранными министрами.

В проекте говорилось: "Как всякого народа честь, а паче слава состоят в том, чтоб делать каждому гражданину справедливость, так и сия светлейшая республика искала и ищет наибольшей своей в том похвалы, чтобы все ее обыватели, какого бы звания, состояния и закона ни

были, пребывали под покровительством прав и справедливости. И для того, смотря на чинимые от диссидентов многократные жалобы, и при том в согласие прежних прав, привилегий и конфедераций им служащих, властью нынешнего сейма свободное отправление закона оным диссидентам дозволяем. Все неупотребления, от кого б оные не введены, но были б препятствием отправлению их закона, уничтожаем. Обнадеживая при том их, что они отныне без всякого как то светских, так и духовных персон препятствия будут могли костелы свои старые подчинять, сгорелые и разоренные возобновляя, а в случае надобности и новые строить. Священники их свободны будут все таинства отправлять, браком сочетать, больных посещать, школы и богадельни свои содержать и, где бы надобность востребовала, возобновлять и новые строить. А при том, сожалея о приключенных обидах диссидентам, а здешнего государства званья шляхетского обывателям, учиненные в противность состоявшихся в 1627 и 1632 годов декреты: а именно Петриковский декрет, учиненный в обиду г-на Дембовского за костел Августина Исповедника, состоящий в его вотчинах, называемых Кресно; также в обиду г-на Рачинского за костел Августина Исповедника, в Обржицке состоящий; в обиду г-на Бротсковского за костел евангелико-реформатского исповедания в Оржешкове состоящий; в обиду г-на Радолинского за костел Августина Исповедника в Любженице состоящий; в обиду г-на Гелтшова-Валецкого, нашего судового старосты, за костел в Новом Голтшу и Клявсдорфе Августина Исповедника состоящий. Равномерно ж уничтожаем декрет Любельской, учиненный в обиду г-на Суходольского за богадельню и костел евангелико-реформатского исповедания, в деревне Пуцах состоящие^{*77}.

Предложенная конституция содержала постановление об уравнении диссидентов в правах вероисповедания, упомянуты конституции 1627 и 1632 гг., где в наиболее полной мере были отражены права шляхтичей-протестантов, на восстановлении которых настаивали в России, т.е. сугубо в редакционном плане польская сторона пошла навстречу требованиям Кейзерлинга и Репнина. Однако далее отменялись только малозначительные постановления, касавшиеся церковных зданий и не выходившие за рамки вопроса о свободе вероисповедания. По стилю и

* Текст проекта сохранился в переводе на русский язык, который был прислан Н.В.Репниным из Варшавы в Петербург в связи с обсуждением в 1765 г. возможных дополнений к инструкции, данной в январе 1765 г. Станиславом-Августом польскому послу в Петербурге Ф.Ржевускому.

содержанию проекта можно определенно заключить, что он принадлежал королю и Чарторыским, а не был составлен в русском посольстве.

Несмотря на то, что проект конституции не затрагивал ничего, кроме вопроса о веротерпимости, и разрешал лишь только восстановить разрушенные диссидентские костелы, даже обсуждение диссидентского вопроса на сейме не состоялось. Сам Репнин находился в это время возле Сената и, зная через шпионов о ходе дискуссии, написал королю записку о том, что без решения по "диссидентскому делу" он не вправе отправить войска домой. Король, по его словам, был этим чрезвычайно напуган, поэтому Репнин, видя его страх и преданность императрице, решил все же согласиться на вывод войск, за исключением корпуса В.М.Долгорукова, который следовало вывести в Литву. В заключение депеши посол просил Панина одобрить это решение. Таким образом, Репнин и, возможно, Панин смогли не допустить открытого разрыва с королем и сеймом, к чему могла привести жесткая позиция в диссидентском вопросе. Следует также отметить, что анализ дипломатической переписки Петербурга с Варшавой в этой области свидетельствует о том, что сами контуры этой политики, а также и роли ее инициаторов и исполнителей были еще не в полной мере определены.

Что же было характерно для русской политики в диссидентском вопросе в 1764 году? Во-первых, это неопределенность требований России, ибо уравнение в правах, о котором твердили в Петербурге и не утаивали напоминать русские послы в Варшаве, допускало самые широкие и произвольные толкования. Во-вторых, отсутствие единства в этом вопросе между Екатериной II, Н.И.Паниным и Н.В.Репниным. Причем именно императрица выступала как главный инициатор политики России в защиту диссидентов, Репнин открыто и настойчиво выражал сомнения в целесообразности такой политики для России, а Панин старательно скрывал свое к ней отношение. Не определилась еще и обозначившаяся связь между диссидентской политикой России и намечавшейся Н.И.Паниным "северной системой", т.е. было не ясно, в какой степени будут вовлечены в диссидентский вопрос Пруссия и другие протестантские государства Севера Европы. Как для России, так и для польских магнатов "диссидентское дело" в 1764 г. было заслонено более важными проблемами: королевскими выборами, вопросом о реформах в Польше и о возможном польско-русском союзе. Вместе с тем, сама польская шляхта, несмотря на ярко выраженное неприятие каких-либо перемен в положении диссидентов и громкие крики в защиту католической веры на сеймах, не придавала демаршам русского правительства

серьезного значения. Все это позволило избежать открытого столкновения России с правящими кругами Речи Посполитой из-за "диссидентского дела" в 1764 г.

III

И в 1765 г. инструкции от Екатерины II и Н.И.Панина по "диссидентскому делу", отправленные из Петербурга в Варшаву, не отличались содержательностью. Может быть, это объяснялось занятостью русского правительства более неотложными делами, связанными с сеймом Швеции или обострением отношений с Турцией. Возможно, тем, что в самой Варшаве наибольшее внимание привлекали попытки Станислава Августа активизировать австрийское и французское направления внешней политики Речи Посполитой, что с раздражением воспринимали в Петербурге. А, может быть, сыграл свою роль таможенный конфликт Польши и Пруссии? Так или иначе, но активность русского правительства в деле диссидентов проявилась только в отправке в Варшаву в январе 1765 г. Георгия Конисского, которому Репнин должен был оказывать содействие⁷⁸, и в апробированном императрицей письме Н.И.Панина – Н.В.Репнину от 23/12 февраля 1765 г. В нем подчеркивалось: "Мы не можем и не хотим поставлять польские дела совсем оконченными, пока не сделано будет справедливое поправление состоянию тамошних диссидентов, хотя б то и самой вооруженной негоднатию требовало". Далее Панин предлагал послу действовать применительно к обстоятельствам, используя для этого Чарторыхских или же, напротив, памятуя о противоречиях между ними и королем, опереться на Станислава Августа против "фамилии"⁷⁹.

Несколько иная картина воссоздается в донесениях В.Ф.Сольмса в Берлин. 22/11 января 1765 г. он писал, что в Петербурге намерены предпринять энергичные меры по польским делам, в том числе и диссидентскому вопросу. Сольмс сообщал также, что, по словам Н.И.Панина, императрица намерена лично написать письмо Станиславу Августу, "поручив ему это дело в такой форме, из которой он мог бы понять, что она не желает более получать отказа". Н.В.Репнин должен будет якобы от своего имени сообщить королю и Чарторыхским, что в случае неудовлетворительного ответа на письмо Екатерины II "ему предоставляется право обратиться ко всей республике с декларацией, гласящей, что Ея Величество Императрица не считает диссидентское дело оконченным... и (желает. – *Б.Н.*), чтобы диссиденты были удовлетворены во всех своих

справедливых жалобах". Сольмс уверял Берлин, что императрица не остановится перед оппозицией сейма и примет другие меры для покровительства диссидентам, которое было обещано ею перед лицом всего мира. Он был убежден, что все это не ограничится пустыми демонстрациями. В случае, если собрание Сената, намечаемое королем, примет нежелательный для России оборот, будет образована диссидентская конфедерация, поддержанная русскими войсками, возглавить которую предложат королю. Со слов Панина, Станислав Август не сможет отвергнуть это предложение и должен будет выступить посредником между двумя конфедерациями и соединить обе партии, если он не опасается обнаружить свою враждебность "диссидентскому делу" и интересам России. В заключение Сольмс замечал, что в Петербурге это считается лучшим средством достижения успеха⁸⁰. Спустя два месяца, 23/12 апреля 1765 г., граф Сольмс вновь писал в Берлин о решительности русских намерений в диссидентском вопросе и о готовности Н.И.Панина действовать открыто, о предложении последнего представить от имени министров России и Пруссии в Варшаве коллективную декларацию о том, что оба двора, "предприняв защиту и охранение свободы республики, по просьбе ее самой, считают себя обязанными доставить также преимущества и меньшей части нации, то есть диссидентам, почему, настаивая на возвращении этим последним национальных вольностей, они требуют созвания чрезвычайного сейма для установления прав диссидентов основным законом". В той же депеше граф Сольмс сообщал о желании императрицы "окончить все польские дела и в то же время уничтожить генеральную конфедерацию к будущей осени. Если же, однако, происки злонамеренных людей опять возьмут верх, то остается решенным, что диссиденты должны со своей стороны образовать конфедерацию". Для этого, по словам Сольмса, в Литву отправляются русские войска, расположенные до этого на Висле. Вместе с тем, согласно приведенному прусским послом мнению Н.И.Панина, не нужно вводить в Польшу прусские войска, так как диссиденты Польской Пруссии достаточно сильны и, кроме того, одного соседства державы Фридриха II будет достаточно "для внушения страха враждебной партии"⁸¹.

При сопоставлении депеш Сольмса и инструкций, полученных русским послом в Варшаве, наблюдаются весьма заметные расхождения. С одной стороны, в инструкциях Репнину действительно говорится о намерениях императрицы действовать решительно и окончить "диссидентское дело" еще в текущем году, для чего предлагается использовать даже военную силу; на это указывает и отправленный 16/5 сентября

1765 г. запрос Панина относительно проведения чрезвычайного сейма, и его замечание в той же депеше о том, что новая активизация русской политики в Польше возможна только после "успокоения" Порты⁸². Это как бы указывает на то, что пассивность России в Польше была продиктована только внешними обстоятельствами. С другой стороны, последнее вовсе не может служить объяснением причин неопределенности инструкций, полученных Репниным, в которых нет и следа достаточно проработанного плана, изложенного Сольмсом, а содержится лишь указание, не раскрывая планов русского правительства, действовать по обстановке. Думается, что представленные в депеше прусского посла со слов Н.И.Панина проекты не соответствовали собственной позиции последнего, а были сообщены Сольмсу, чтобы выяснить реакцию Берлина на возможные действия России в Польше. Можно также предположить, что проекты свидетельствовали о наличии иного подхода к определению тактики российской политики в вопросе о диссидентах, который не разделялся Паниным и поэтому не был положен в основу инструкций, отправленных Репнину в Варшаву.

Таким образом, в диссидентском вопросе после коронационного сейма наступил длительный период, когда выработка российской политики в этой области сосредоточилась в русском посольстве в Варшаве, а единственной наиболее подробной и обстоятельной инструкцией для Н.В.Репнина оставалась русско-прусская декларация 22/11 июля 1764 г. В ней, в частности, говорилось о поручении послам России и Пруссии требовать от сейма и короля "чтобы упомянутые диссиденты, как дворянского, так и низшего сословия были удовлетворены и восстановлены согласно законам и общим основным постановлениям республики в полном обладании всех прав, вольностей и привилегий, которыми они явно пользовались в прежнее время, и именно тех, которые каким бы то ни было образом относятся до свободного отправления ими своей религии и неоспоримо принадлежат им как уроженцам и свободным верным и безупречным гражданам республики"⁸³.

В ответ на февральскую депешу Н.И.Панина, в которой русскому послу предписывалось использовать все средства вплоть до вооруженной силы для продвижения "диссидентского дела", Н.В.Репнин сообщил ему 6 марта/23 февраля 1765 г. о своей встрече со Станиславом Августом, в ходе которой королю было заявлено о недовольстве в Петербурге положением "диссидентского дела", чему причиной, по словам Репнина, явились Чарторыские. В свою очередь Н.В.Репнин просил "открыто сказать, сколь точно состояние диссидентов одобрить (улуч-

шить. — Б.Н.) желаете?" и далее писал, "что, кроме открытой силы в правление статское и гражданское их ввести не можно". По его словам, на это не согласятся не только противники, но и сторонники России, включая и короля, которые соглашаются лишь на предоставление диссидентам свободы вероисповедания и на допущение их в военную и дипломатическую службу и на предоставление им староств, не обладающих судебным иммунитетом. Репнин подчеркивал также, что любые изменения в положении диссидентов возможны только по решению сейма⁸⁴.

Вопросы Репнина были не только продиктованы неясностью позиции Петербурга, но и содержали по отношению к ней почти неприкрытую критику, ибо они повторялись российским министром не раз. Тем не менее они были вновь оставлены Паниным без ответа.

Между тем, уже в апреле 1765 г. Репнин столкнулся с новым свидетельством отсутствия единства в польской политике Петербурга, когда он был вынужден обратиться к Панину после получения от В.М.Долгорукова (подчиненного Репнину командира корпуса русских войск в Польше) известия о возможности возвращения его корпуса в Россию. В связи с этим Н.Панин сделал заметку на полях депеши из Варшавы для доклада Екатерине II: "Долгорукой с Репниным худо изъяснились. Из Военной коллегии к первому писано в той силе как я писал к Репнину⁸⁵, чтоб подвинуть корпус к Гродне на случай конфедерации диссидентов"⁸⁶. Приведенная заметка Панина примечательна по двум причинам: во-первых, это первое свидетельство несогласованности действий Коллегии иностранных дел и Военной коллегии, президент которой З.Г.Чернышев играл немаловажную роль в польской политике России, и, во-вторых, это подтверждение сведений Сольмса о том, что уже весной 1765 г. в России всерьез рассматривали проект образования диссидентской конфедерации в Польше.

Не получив в очередной раз необходимых инструкций из Петербурга, Репнин в конце апреля 1765 г. приступил к разработке собственного плана действий в диссидентском вопросе. В депеше из Варшавы от 8 мая/27 апреля 1765 г.⁸⁷, в которой посол, в частности, сообщал о нежелательности передислокации корпуса Долгорукова, так как она раньше времени заставит открыть планы России, потому что следующий сейм будет только в будущем году, Репнин утверждал, что решить дело диссидентов нынешним летом, как этого ожидали в Петербурге, "подлинно ненадежно... и совсем невозможно". Поэтому, готовясь к сейму 1766 г., он предлагал связать "диссидентское дело" с вопросом об исполнении

договора 1686 г. или же включить его в новый союзный трактат. Такой подход, видимо, предоставил бы послу возможность вести непосредственные переговоры с сеймом или его комиссией, не прибегая к открытому вмешательству во внутренние дела Польши на основе только русско-прусской декларации, что в определенной мере, хотя бы внешне, позволяло смягчить позицию России. Кроме того, Репнин предлагал разрешить "диссидентское дело" по аналогии с таможенным конфликтом между Польшей и Пруссией. В этом случае требование о восстановлении прав диссидентов должно было бы исходить от Фридриха II, а Екатерина II приняла бы на себя роль посредника. "Одно мне кажется трудностью, что... государыня, интересовавшись сама публично в диссидентском деле, не может в оном же посредницею быть, — писал Репнин, — может быть на сие какой способ сыщется". На это Н.И.Панин заметил на полях: "Да не сей"⁸⁸. Предложение Репнина и ответ Панина весьма многозначительны. Если Репнин желал бы избжать для России непосредственного участия в "диссидентском деле" и представить его инициатором прусского короля, то Панин не только исключал такой подход к делу, но и подчеркивал, что участие в нем Пруссии если и не совсем нежелательно, то по крайней мере должно быть сведено к минимуму и быть полностью подчинено России.

В середине мая 1765 г. Репнин дополнил свои предложения, сообщив о том, что в связи с ожидаемым приездом в Варшаву польского посла в Петербурге Ф.Ржевуского он добивается включения в его официальную инструкцию вопроса о русских претензиях, в частности, по диссидентскому вопросу⁸⁹. Уже после приезда Ржевуского в Варшаву он вновь возвратился к этой теме в своей переписке с Паниным⁹⁰ и просил сообщить возможно подробнее, что именно в Петербурге хотели бы видеть в инструкции польскому послу. При этом Репнин повторил свои вопросы о конкретных условиях восстановления прав диссидентов, замечая при этом, что "сколь в главное правительство (сейм и сенат. — *Б.Н.*), столь и в подчиненные судебные места диссидентов допустить здесь не желают". Вопрос об инструкции Ржевускому вполне соответствовал положению плана Репнина по разрешению диссидентского вопроса, ибо позволял начать переговоры через польского посла в Петербурге, не прибегая к ультимативным требованиям или конфедерации. Кроме того, Ржевуский, по его мнению, был одним из магнатов, наиболее лояльных по отношению к России. Через него Репнин рассчитывал воздействовать на короля и образовать ту группировку на предстоящем сейме, посредством которой удастся разрешить диссидентский вопрос.

Итак, в общих чертах план русского посла вел к повторению ситуации 1764 г., когда "диссидентское дело" закончилось неудачей, но, чтобы избежать этого в будущем, Н.В.Репнин в депеше от 2 октября/21 сентября 1765 г.⁹¹ предлагал "заранее учредить план и заключить формальную с двором здешним тайную конвенцию, в силу которой, чтоб согласно с обеих сторон в сем деле поступать к достижению желаемого в оном копча". Он также считал, что "на одном сейме всего сделать будет не можно, а надлежит по последней мере на два разделить". Репнин сообщал, что у него уже состоялся об этом разговор со Станиславом Августом, который обещал "все возможное старание употребить к достижению желаемого успеха", за который, правда, король не может поручиться и опасается даже междоусобной войны. В беседе с королем Репнин настаивал на подготовке общественного мнения в соответствующем духе еще на сеймиках. Работу над намеченным планом Репнин начал в октябре 1765 г. совместно с Ф.Ржевуским⁹², о ее окончании посол сообщил в Петербург 11 ноября/31 октября 1765 г.⁹³ В результате было составлено два проекта – Станислава Августа и Н.В.Репнина, к каждому из которых король и русский посол сделали соответственно свои замечания.

Проект князя Репнина⁹⁴ состоял из четырех пунктов. Во введении говорилось, что для успеха в "диссидентском деле" надлежит действовать постепенно. Поэтому в соответствии с пунктом 1 на первом сейме надлежало утвердить для диссидентов свободу вероисповедания и богослужения; на втором сейме (пункт 2) следовало завершить все начатое раньше и, главное, восстановить и утвердить для "греческого дворянства и диссидентов те права и преимущества, которыми они пользовались ранее". Далее предусматривалось, что заключившая соглашение партия получит деньги и "все средства, которые они сочтут необходимыми по общему соглашению в соответствии с обстоятельствами, чтобы достичь поставленной цели" (пункт 3); говорилось, что желательно провести диссидентское дело помимо сейма, лишь бы решение данного вопроса "имело ту же прочность и силу (пункт 4), так как это цель, к которой надо стремиться, а не мука, которая перемелется". Однако Репнин признавал, что такой путь решения проблемы наименее вероятен, поэтому для достижения поставленной цели, надлежало начать работу в будущих сеймиках, чтобы обеспечить на сейме соответствующий состав слов.

Король сделал на проект Репнина три замечания, два из которых носили принципиальный характер. По поводу включения диссидентов в

правительство он писал, во-первых, что "никогда нельзя допустить диссидентов к законодательству и проектированию законов. Доступ к судебским должностям может быть для них открыт, но это последнее, что можно осмелиться предпринять", и, во-вторых, что "лучше делать, чем говорить, ибо в случае открытия будущих конституций перед лицом нации встанет тот, кто это говорит сегодня".

Итак, проект русского посла предусматривал поэтапное решение диссидентского вопроса на двух сеймах, причем предоставление диссидентам политических прав, в котором Россия была заинтересована в наибольшей степени, предполагалось на втором сейме. Это создавало почву для компромисса короля и Чарторыхских, с одной стороны, и петербургского двора – с другой, так как позволяло использовать заинтересованность России в благополучном исходе сейма 1766 г. для проведения на нем задуманных "фамильной" реформ (согласие правительства Екатерины II на их проведение было одним из наиболее принципиальных положений королевского проекта по "диссидентскому делу") или по крайней мере отодвинуть опасность рокового для Чарторыхских конфликта как с сеймом, так и с Петербургом. Король открыто заявлял о неприемлемости для него всех требований России по "диссидентскому делу", о чем в российской столице были определенно информированы еще в ноябре 1765 г. Проект Репнина свидетельствовал также о том, что русский посол был готов поддержать в "диссидентском деле" Станислава Августа не только деньгами, но и вооруженной силой, при этом, видимо, даже допустить значительное усиление королевской власти, в случае решения вопроса о диссидентах в обход сейма. И наконец, впервые именно в этом проекте была сформулирована задача русской политики в Польше, ставшая для Репнина впоследствии, в 1767 г., главенствующей – получение непосредственного контроля над сеймиками.

В той же депеше от 11 ноября/31 октября 1765 г. Репнин писал Панину, что проект представлен был королю по собственной инициативе посла и без апробации в Петербурге, что в ответ на него Станислав Август предложил собственный вариант соглашения по "диссидентскому делу". Король пошел здесь навстречу требованиям России (в сравнении с его реакцией на проект Репнина) и согласился на предоставление диссидентам права "быть старостами градскими, депутатами в трибуналах, судьями земскими и, одним словом, во все чины гражданские и военные их ввести... исключая только правительство". Комментируя королевский проект, Репнин указывал, что, по его мнению, следует ограничить сроки решения диссидентского вопроса двумя сеймами, вместо

первого и последующих, как об этом писал Станислав Август, а также не запрещать переход из одной конфессии в другую, оговорив только недопустимость насильственного обращения в католичество и униатство с целью усиления политических позиций иноверцев. Кроме того, Репнин предлагал предусмотреть в конвенции, "не давая приметить для чего", возможность ее последующего дополнения, "не ослабевая, однако, учрежденных уже вещей в пользу диссидентов". Это дополнение конвенции задумано было им "для оставления себе дороги довести хотя в будущие времена диссидентов до последнего градуса равенства, то есть до достоинства сенатского из земских послов на сеймах".

Замечания Репнина на королевский проект свидетельствуют, что русский посол готов был согласиться с предложением Станислава Августа вывести вопрос об участии диссидентов в сейме и сенате за рамки конвенции, полагая, что предоставление им прав, перечисленных в проекте короля, уже "для диссидентов весьма много", имея, однако, в виду добиваться их полного уравнивания в правах с католиками, но уже за пределами сроков полномочий двух сеймов, предусмотренных настоящими проектами.

Таким образом, уже в конце 1765 г. Н.В.Репнин предложил Н.И.Панину согласованный со Станиславом Августом компромиссный проект урегулирования диссидентского вопроса путем предоставления диссидентам равноправия в религиозных делах на очередном сейме 1766 г., отложив задачу уравнивания их в гражданских и политических правах с католиками до следующего сейма.

Однако переговоры Репнина со Станиславом Августом и Ф.Ржевуским в 1765 г. происходили на фоне постоянно обострявшейся внутренней ситуации в Польше вокруг "диссидентского дела". Мы уже упоминали о поручении, данном Н.И.Паниным Н.В.Репнину в январе 1765 г., содействовать направлявшемуся в Варшаву Георгию Конисскому.

В конце 1764 г. епископ белорусский возвратился из Петербурга в Могилев, а летом 1765 г. польскому правительству была отправлена грамота с предложением принять его в Варшаве. В грамоте, написанной от имени Екатерины II и составленной в духе покровительства православным жителям Речи Посполитой, они недвусмысленно рассматривались в качестве подданных России. На это указывало также выделение Георгию Конисскому для следования в Варшаву охраны из русских войск⁹⁵. 29/18 июля 1765 г. Репнин сообщал о его приезде в Варшаву с письмом Н.И.Панина, в соответствии с которым посол наме-

ревался сделать все возможное для успеха миссии Конисского, для чего он заручился поддержкой Станислава Августа⁹⁶.

7 августа 1765 г. епископ белорусский был принят польским королем, выступил перед ним с речью о восстановлении в правах православного населения Польши и вручил ему грамоту Екатерины II⁹⁷, а также требования православной церкви, озаглавленные им "Grawaminia". Как сообщал Георгий Конисский, король принял и прочитал челобитную, обещав по возможности удовлетворить все требования, "на что имеем права и привилегии". Для решения вопроса Станислав Август попросил подождать приезда подканцлера литовского А.Пшеждецкого, которому вместо М.Чарторыского поручалось рассмотрение дела. Отсутствие обоих литовских канцлеров было, по всей вероятности, не случайным. В это время, с июля 1765 г., в Брест-Литовске проходил синод литовских униатских епископов под председательством нунция А.Е.Висконти, созданный для обсуждения требований Конисского. Король представил синоду два предложения: либо передать дело на рассмотрение королевской делегации, либо принять решение самостоятельно и представить его на королевское утверждение. Представителем Станислава Августа в собрании синода был коронный канцлер А.Замойский. Отсутствие М.Чарторыского и в Бресте, и в Варшаве свидетельствовало скорее о том, что "фамилия" не надеялась на принятие удовлетворительных решений по "диссидентскому делу" и предпочла уклониться от его обсуждения. В Бресте же предложения короля были восприняты нунцием как покушение на свободу католической церкви. Он убедил синод отложить на неопределенное время принятие решения по требованиям Конисского⁹⁸, ожидавшего в Варшаве приезда подканцлера литовского.

О дальнейших событиях епископ белорусский писал в своем допослании в Петербург, в синод. По приезде Пшеждецкого ему было предложено переделать челобитную, разделив ее на две части, первую из которых, касающуюся Могилевской экономии, подать в "Камеру королевскую", а вторую, относящуюся ко всем прочим православным, — коронным канцлерам. Епископ белорусский жаловался на проволочки со стороны польского правительства, отправившего вызовы в суд лицам, против которых были выдвинуты обвинения. В связи с этим Конисский отмечал, что многие из ответчиков еще не прислали своих показаний, а многие и не приходят, так как давно умерли, и добавляет: "И я с таковых никакой сатисфакции не прошу, только возвращения отнятого, или только чтоб впредь подобных обид делать запрещено".

Примечания Н.В.Репнина на доношении Конисского заслуживают внимания и, по нашему мнению, проливают свет на характер миссии епископа белорусского. Посол указывал на необходимость проведения следствия и рассмотрения дел о переданных униатам и католикам церквях в реляционных судах, что можно сделать в будущую каденцию, т.е. в марте 1766 г. Вместе с тем, по словам Репнина, король и министерство не отказываются запретить немедленно передачу православных храмов другим конфессиям в будущем. Вольное возвращение к православной вере из униатской, как и уравнивание православных с католиками в правах, на чем настаивал Конисский, невозможны без соответствующего решения сейма. Наконец, Репнин не видел смысла в создании комиссии для рассмотрения претензий православных к католикам, ибо она, составляется исключительно из комиссаров-католиков. Он предлагал рассмотреть этот вопрос в пограничной комиссии, которая, по его замыслу, должна в полном объеме обсудить выполнение договора 1686 г. "И тако учредить оной может сама собою, или назначить к тому особых комиссаров. Сие же точно можно исполнить и в намеренной негоциации о новом оборонительном союзе"⁹⁹. Таким образом, Н.В.Репнин косвенно подверг критике требования, выдвинутые Конисским. Он указал на невозможность их немедленного исполнения и отсутствие для этого необходимых полномочий у Станислава Августа и его министерства, а также необоснованность обвинений в волоките, выдвинутых епископом белорусским против короля и канцлеров. Очевидно, что изложенные русским послом обстоятельства были Конисскому хорошо известны, а из этого следует, что его поездка в Варшаву была рассчитана прежде всего на обострение кризиса, вызванного диссидентским вопросом. О том, что именно такой характер придавался миссии Георгия Конисского Екатериной II, свидетельствует ее помета на проекте рескрипта в Варшаву в связи с приведенным донесением в синод. Соглашаясь с соображениями Репнина и Панина, императрица написала на проекте: "Оставить, как требование невозможное... но, может быть, со временем возыметь может"¹⁰⁰.

Тем временем, летом 1765 г., обострилась ситуация вокруг Матренинского монастыря в Жаботине, игумен которого Мельхиседек Яворский отправился в Петербург с просьбой о защите православного населения на Правобережной Украине. В августе он сообщил переяславскому епископу Гервасию, что дело его передано Георгию Конисскому. Тогда же, в августе 1765 г., Гервасий предпринял поездку по правому берегу Днепра, где его встречали массы людей. К концу 1765 г.

и Чигиринская, и Смилянская округа были возвращены в православие. Попытка униатов восстановить утраченные позиции повлекла за собой столкновения в Телепине в конце декабря 1765 г. В это время Мельхиседек Яворский уже покинул Петербург и направился в Варшаву, куда прибыл в начале 1766 г., привезя рескрипт Екатерины II от 10 ноября/30 октября 1765 г. и указы из Коллегии иностранных дел, которыми Н.В.Репнин поручалось добиваться у Польши защиты православных на Украине¹⁰¹.

Мы не ставили своей задачей анализировать развитие народных движений на Украине и в Белоруссии в 60-е годы XVIII в., а хотели бы указать только, что через православное духовенство и подчиненных синоду иерархов Петербург стремился оказывать давление на правящие круги Польши, провоцируя обострение ситуации. Причем "дипломаты" духовного ведомства занимали гораздо более радикальную, жесткую и бескомпромиссную позицию, нежели Н.И.Панин и Коллегия иностранных дел.

В отличие от последней в требованиях, сформулированных Конисским, не содержалось даже упоминания или глухого намека на диссидентов-протестантов. Трудно сказать, объяснялось ли это сугубо "ведомственным" подходом к делу или отражало позицию тех кругов в Петербурге, которые были заинтересованы в том, чтобы ограничить "диссидентское дело" только защитой православия?

Прием, оказанный Георгию Конисскому в Варшаве, свидетельствовал, что польское правительство не намерено было обострять диссидентский вопрос. На это указывало как обещание Станислава Августа удовлетворить законные требования православного населения, так и затянувшееся надолго рассмотрение униатами мемориала епископа белорусского и обсуждение возражений как с той, так и с другой стороны. Еще в ноябре 1765 г., когда Репнин писал свои замечания на доношение Конисского в синод, он подчеркивал, что король и министерства не отказываются от своих обещаний в отношении православных. О том, в чем же состояли эти обещания, мы узнаем из депеши Н.И.Панина от 16/5 сентября 1765 г., в которой он просил Репнина сообщить, не скрываются ли за предложением поляков предоставить православным генеральную королевскую привилегию попытки противопоставить православных и протестантов друг другу¹⁰². Наконец, несмотря на то, что в своих донесениях в Петербург Репнин не устал напоминать о негативном отношении католической шляхты к диссидентам, значительных

проявлений таких настроений в 1765 г. отмечено не было ни в донесениях самого посла, ни в позднейшей историографии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что позиции Петербурга и Варшавы в диссидентском вопросе, несмотря на усиливавшееся давление России, оставались еще не вполне определенными. С российской стороны это объяснялось нескоординированностью действий правящих кругов (Коллегии иностранных дел, Синода, Военной коллегии), а также опасением предпринимать активные действия в условиях обострения отношений с Турцией, в частности по вопросу о признании Портой избрания Станислава Августа польским королем. Со стороны правящих кругов Речи Посполитой сдержанность в диссидентском вопросе вызывалась стремлением не раздражать Россию, ради возможного продолжения реформ, надежды на которое связывались с будущим сеймом 1766 г. На этой почве сохранялась возможность достижения компромисса, контуры которого были очерчены в совместном проекте Н.В.Репнина, Станислава Августа и Ф.Ржевуского. Однако даже эта слабая возможность была утрачена в 1766 г.

IV

Первое свидетельство о дальнейшем ужесточении русской позиции в диссидентском вопросе мы находим в депеше Сольмса Фридриху II из Петербурга от 21/10 января 1766 г., в которой прусский посол сообщал о своем разговоре с Н.И.Паниным и передал его слова о том, что Чарторыские "потворствуют проискам венского двора и противодействуют намерениям России". Правда, Панин смягчил свою оценку, подчеркнув, что это продиктовано не враждебностью "фамилии", а стремлением Августа и Михала Чарторыских держать короля постоянно в критическом положении, чтобы целиком подчинить его своей воле. Сольмс также сообщал, что в России принято решение добиваться силою восстановления прав диссидентов, для чего составлен специальный план. При этом Н.И.Панин говорил ему, "что весьма важно иметь в Польше партию, действительно преданную нашим дворам, и которая, в отсутствии войска, могла бы поддерживать нашу общую систему"¹⁰³.

Из сведений, приведенных Сольмсом, сомнение может вызвать только вопрос о том, в какой мере, по мысли Н.И.Панина, устанавливаемая в Польше система должна соответствовать интересам Петербурга, а в какой – Берлина? Депеша Сольмса интересна еще и потому, что она свидетельствовала о намерении создать новую прорусскую партию в

Польше, еще до того, как из Варшавы пришла депеша Н.В.Репнина от 20/9 января 1766 г.¹⁰⁴, в которой сообщалось о разговоре посла с Т.Веселем, поручившимся "за воеводу киевского (Ф.С.Потоцкого), за епископа краковского (К.Солтыка), за гетмана польного (В.Ржевуского), за воеводу краковского (С.Ржевуского), за маршала надворного коронного (Е.Мнишека) и за многих еще...", что они не будут искать поддержки других дворов, если Россия окажет им протекцию, доказательством чего должна быть ликвидация генеральной конфедерации. Депеша эта приведена у С.М.Соловьева, полагавшего, что именно она стала толчком к переориентации русской политики в Польше с Чарторьских на Потоцких.

11 февраля/31 января 1766 г. Н.И.Панин отправил Н.В.Репнину депешу с подробными инструкциями по "диссидентскому делу"¹⁰⁵. В ней послу предписывалось открыто объявить, что Россия выделяет в этом деле две стороны: религиозную, т.е. предоставление диссидентам в полной мере свободы вероисповедания, и светскую, т.е. уравнивание их в сословных правах с католиками. По второму вопросу допускалось компромиссное соглашение на тех условиях, которые будут приемлемы как для диссидентов, так и для католиков, заинтересованных в предупреждении, как сказано в депеше, "всех республике предстоящих опасностей и бед". Противникам же двора и Чарторьских надлежало говорить, что "диссидентское дело" не противоречит интересам католической церкви, что католики сохраняют большинство на сеймах и в судах и будут иметь исключительное право на занятие высших государственных должностей. Указывалось также, что из недовольных нынешним правлением будет образована особая партия, на основе которой возникнет конфедерация под покровительством России. 16/5 апреля 1766 г. Н.И.Панин одобрил сближение Репнина с Потоцкими¹⁰⁶. Несколько позднее, 3 июня/23 мая, он вновь возвратился к диссидентскому вопросу, поручая Репнину для достижения результатов добиваться согласия между ним, королем и Чарторьскими, одновременно тайно привлекая на свою сторону партию Потоцких¹⁰⁷. Возможно, что возобновление в определенной мере ориентации русской политики на "фамилию", вновь прозвучавшее в депешах Н.И.Панина Н.В.Репнину на рубеже мая-июня 1766 г., связано с позицией Екатерины II. Об этом свидетельствует ее замечание на депеше Н.В.Репнина от 4 июня/24 мая 1766 г. Императрица писала: "Я думаю, что и сих стариков склонить можно действовать по нашим желаниям на будущем сейме. Поговорите о сем со мной"¹⁰⁸. Инструкции Панина Репнину в первой половине 1766 г., как и в 1765 г.,

отличаются неясностью и двусмысленностью. Требования России так и остались неопределенными, а соглашение не достигнутым ни с одной из магнатских группировок. Единственным новым мотивом, прозвучавшим в инструкциях первой половины 1766 г., была идея использовать в интересах "диссидентского дела" соперничество Потоцких и Чарторыских и образовать в случае необходимости "патриотическую" конфедерацию под покровительством России.

Некоторые подробности российской тактики в "диссидентском деле" в этот период раскрывал Сольмс в депеше Фридриху II от 8 июля/27 июня 1766 г.¹⁰⁹ Он писал, что вопрос о восстановлении прав диссидентов в Польше был снова поставлен после возвращения в Петербург Ф.Ржевуского. По его словам, Панин желает, чтобы Репнин подал в Варшаве от своего имени записку Станиславу Августу о том, что "императрица не может считать спокойствие вполне восстановленным в Польше, прежде чем будут уважены справедливые жалобы диссидентов". На это польский двор должен будет ответить мемориалом за подписью министров и выразить благодарность Екатерине II за покровительство в отношении республики, а также обещать "употребить все меры и оказать всевозможное содействие для окончания этого дела по желанию её и.в. и к удовольствию заинтересованных в нем лиц. Этим будут ограничены все официальные действия до открытия сейма, на котором будут выдвинуты более подробные требования России. До этого времени Петербург намерен действовать подкупам, а также прибегнуть к военной демонстрации, придвинув к границам войска для поддержки возможной конфедерации диссидентов". Эти меры, по словам Сольмса, в России считают достаточными, надеясь также на содействие Чарторыских. Прусский посол, однако, выразил сомнение в осуществимости этого плана, заметив, что, по его мнению, с которым в Петербурге ранее все были согласны, надлежит внести соответствующее положение в королевский универсал для получения необходимых инструкций послам от сеймиков. Но принятие мер для этого все откладывалось, а после приезда Ф.Ржевуского было принято другое решение: не объявлять о "диссидентском деле" в универсале, чтобы не допустить возможного разрыва сеймиков и неявки из-за этого послов на сейм, а провести на сейме вопрос о диссидентах с помощью подкупа и угроз. Это замечание Сольмса весьма красноречиво свидетельствует о том, что на изменение правительственных планов в России повлиял не только приезд Ржевуского, но и позиция самой Екатерины II, ибо только ее мнение

могло перевесить всеобщее согласие в Петербурге относительно мер, которые надлежало предпринять в диссидентском вопросе.

Некоторые сведения о переговорах Ржевуского в Петербурге летом 1766 г. мы находим в депеше Н.В.Репнина от 23/12 июня 1766 г.¹¹⁰ Посол сообщал, что король показал ему проект польской ноты по диссидентскому вопросу, которую Ржевуский должен будет вручить в Петербурге от имени польского правительства. Высказываясь о проекте, Репнин сказал Станиславу Августу, что в нем ничего не говорится "о преимуществах диссидентского дворянства, но он (король. – *Б.Н.*) рассудил так его оставить, отзываясь, что всего вдруг сделать не можно".

Депеша Сольмса добавляет к характеристике планов Петербурга четыре существенных обстоятельства. Первое. Она недвусмысленно свидетельствует о наличии колебаний в принятии решения, в частности по вопросу о роли Чарторыхских и короля, отношение к которому имело для Петербурга исключительное значение. Во-вторых, очевидно, что планы были согласованы с Ф.Ржевуским, а следовательно, и со Станиславом Августом, и в-третьих, что магнатским группировкам, как и на сеймах 1764 г., предоставлялась фактически полная свобода в проведении сеймиков и формировании состава послов. Наконец, Сольмс сообщал о приезде в Петербург с миссией от диссидентов барона Гольца и о возможности диссидентской конфедерации. Правда, остается неясным, планировалась ли такая конфедерация в действительности или же задумывалась как угроза. В изложении Сольмса мотивы колебаний Петербурга связаны исключительно с оценкой внутреннего положения Польши и поиском адекватных путей разрешения "диссидентского дела", однако следует заметить, что такая внешняя, с точки зрения России, неопределенность должна была иметь и свою оборотную, внутреннюю, сторону. Отсутствие определенного решения, вероятно, свидетельствовало о столкновении мнений и среди русских деятелей, определявших политику в отношении Польши.

Говоря о российской тактике в диссидентском вопросе, следует также отметить, что она была рассчитана на его разрешение по возможности путем сделки России только с магнатами, без участия шляхты, не говоря уже о других сословиях Речи Посполитой. Не случайно, обсуждая с королем и Ржевуским проект решения по делу о диссидентах в конце 1765 г., Репнин подчеркивал желательность уладить все без сейма, лишь бы это имело законную силу. Все планы Петербурга в первой половине 1766 г. подчинялись замыслу оставить шляхту в неведении относительно тех решений, которые предстояло навязать сейму. Однако

вопреки этому, стремясь оказать давление на польское правительство, а может быть, преследуя и иные цели, в России сделали немало для подъема движения православного населения в Белоруссии и на Украине. Именно деятельность Георгия Конисского и Мелхиседека Яворского, открыто поддержанная и поощряемая в Петербурге, привела к массовым выступлениям против униатской церкви на Украине.

В начале 1766 г. Мелхиседек добился королевской привилегии, подтверждавшей старинные права православных в Короне и в Литве. Ко времени его возвращения на Украину, как об этом свидетельствуют материалы архива Синода, там развернулось массовое движение по переходу униатских приходов в православие. Обращенное в унию население просило епископа Гервасия о своем присоединении к Переяславской епархии. В ответ было разрешено избрание vikарных священников, что нарушало право магнатов и шляхты назначать священников в свои приходы. Центром движения на Украине становился Матренинский монастырь. Для противодействия отходу населения от унии на Украину, в Корсунь, был отправлен официал Г. Мокрицкий. "Выбор этот, – писала М. Лубеньска, – не мог быть более фатальным. Мокрицкий взял на себя роль нерассуждающего инквизитора, сурово карал всех, и светских, и духовных, подозреваемых в связях с границей"¹¹¹. Он пытался с помощью польских войск и пограничной стражи пресечь контакты православных священников и мирян с Переяславлем и арестовывал всех, переправлявшихся через Днепр и обратно. 3 августа/23 июля был арестован и сам Мелхиседек Яворский. Летом 1766 г. на Украину вступил польский отряд, около тысячи человек, под командованием региментария Воронича. Этот отряд стал укрепленным лагерем у местечка Ольшаны и начал репрессии против православных священников¹¹².

События первой половины 1766 г. на Украине не могли не повлиять на позицию шляхты и духовенства в диссидентском вопросе. Если в 1764 и 1765 гг. шляхта относилась к "диссидентскому делу" индифферентно, главным образом потому, что вопрос этот обсуждался тайно и не затрагивал ее повседневную жизнь, то подъем крестьянского движения, который наблюдался на Украине и находил отклики в Малой Польше и в Литве, касался непосредственно интересов шляхты и духовенства, а следовательно, неизбежно должен был усилить и негативное отношение с их стороны и к диссидентской политике русского правительства.

Противники уравнивания в правах диссидентов находили поддержку со стороны римской курии. В марте 1766 г. А.Е. Висконти писал в

Рим о необходимости противодействовать Георгию Конисскому. Для этого он предлагал опереться на кого-либо из представителей униатского духовенства ("наших рутенов"), ориентированного не на Петербург, а на Варшаву. На эту роль, по его мнению, наиболее подходил И.А.Шептицкий, епископ полоцкий, обладавший сильным характером и пользовавшийся расположением при дворе. Его миссия должна быть основательно подготовлена и подкреплена деньгами, и тогда, утверждал нунций, можно ожидать благоприятного исхода дела на будущем конгрессе (термин Висконти) прелатов и клира православного обряда, на который нунций возлагал большие надежды¹¹³.

Однако задуманный Висконти "конгресс" никак не удавалось собрать. В июне 1766 г. он с раздражением писал кардиналу Торрижиани о посылке войск против схизматиков, рекомендуя войскам действовать решительно, осторожно и умно, "дабы российская императрица умерила свои наглости, чтобы русские не осмелились войти в Польшу и поколебать незыблемость господствующей религии и общественного спокойствия". Об этом, как сообщал нунций, он уже написал обстоятельный отчет префекту по пропаганде, видимо желая, чтобы римская курия соответствующим образом известила об этом европейские столицы. Что же касается разрешения проблем между православными и униатами, то, по словам Висконти, несмотря на шумные требования "московского посольства" ускорить этот процесс, "наши рутены не смогут быть готовыми раньше". И, как заканчивал нунций, у него есть причина надеяться, что король не захочет торопить с этим решением¹¹⁴.

Видимо, у Висконти были все основания придерживаться такого мнения. Еще за два года до этого он отмечал, что именно рядовая шляхта заняла на сеймах 1764 г. гораздо более непримиримую позицию по отношению к диссидентам и одержала верх над магнатами, руководившимися в этом вопросе преимущественно конъюнктурными соображениями. Так, и в начале 1766 г. нарастание антидиссидентских и антиросийских настроений шляхты и духовенства вызвало неуверенность и колебания, проявленные варшавским двором в диссидентском вопросе.

3 февраля/23 января 1766 г. Н.В.Репнин доносил в Петербург о противодействии короля в связи с требованиями Георгия Конисского, к чему Станислава Августа подталкивал Михал Чарторьский, который соглашался только послать письмо униатским епископам о неприкосновенности неуниатов, хотя ранее король, по словам Репнина, был готов удовлетворить требования епископа белорусского полностью¹¹⁵. 12/1 марта

1766 г. в реляции Екатерине II Репнин сообщал о том, что он обратился с требованием ко двору в соответствии с высочайшим рескриптом, полученным через игумена Мелхиседека¹¹⁶. В ответ на это А.Млодзиевский, подканцлер коронный, отправил письма униатскому митрополиту Ф.Володковичу, князю Любомирскому – воеводе брацлавскому, А.Яблоновскому – воеводе познанскому, князю Сангушко – старосте черкавскому и другим лицам¹¹⁷. В письмах Млодзиевский от имени короля предлагал прекратить незаконные действия, направленные против православного населения, подчеркивая, что такие поступки "с политическими резонами сходствовать не могут".

Однако политическая ситуация на Украине быстро обострялась. В депеше Панину от 30/19 апреля 1766 г. Репнин изложил свою версию развития украинских событий. По его словам, крестьянские волнения в Киевском воеводстве, около Белой Церкви и в Поднепровье возникли вследствие агитации пришлых православных священников, не имевших в тех местах своих приходов, "диких попов", как их называл посол. В изложении Репнина события на Украине представлялись несколько иными, нежели в материалах синода. По решению Военной комиссии на Украину был отправлен отряд Воронича. Репнин сообщал об объявлении им королю в присутствии Чарторьских, что "надлежит, мне кажется, накрепчайше г-ну Вороничу подтвердить, чтоб он с крайнею осторожностью и без малейшего пристрастия поступки свои учреждал, дабы как из оного не произошли несправедливые притязания исповедникам греческого закона"¹¹⁸. Из заявления Репнина можно со всей очевидностью заключить, что русское посольство в Варшаве, в отличие от православного духовенства в Белоруссии и на Украине и его покровителей в Петербурге, не стремилось представить поляков врагами православия, а напротив, пыталось сохранить зыбкую почву для соглашения по "диссидентскому делу".

От этой возможности, видимо, не хотели отказываться и в Варшаве. Об осознании опасности политических последствий крестьянских волнений на Украине свидетельствует мемориал, официально врученный русскому послу 6 мая/25 апреля 1766 г. от имени канцлеров А.Замойского и М.Чарторьского. В нем, в частности, выдвигалась просьба не рассматривать меры, принятые для восстановления порядка на Украине как направленные на преследование диссидентов¹¹⁹. Однако осторожные попытки польского правительства и русского посольства в Варшаве сгладить противоречия между Россией и Польшей в связи с движением православного населения на Украине и в Белоруссии не нашли

понимания в Петербурге. В конце июня 1766 г. Н.В.Репнину был отправлен рескрипт¹²⁰, в котором говорилось, что Георгий Конисский предлагает для избежания проволочек и судов по делам о насильно привлеченных в унию епархиях требовать от будущего сейма решения о свободном возвращении в православие всех желающих. Послу предписывалось "действовать по силе того представления".

Таким образом, первая половина 1766 г. не принесла определенности русской политике в диссидентском вопросе. А между тем, приближалось время сеймиков, когда решение должно было быть наконец принято. Вот какие рекомендации в связи с этим давал Н.В.Репнин в конце мая – начале июня 1766 г. Его депеша была отправлена на следующий день после отъезда в Петербург Ф.Ржевуского. Репнин сообщал, что, по словам Ржевуского, его инструкция целиком соответствует предложениям Станислава Августа по диссидентскому вопросу, которые были ранее согласованы с русским послом и отправлены им в Петербург. Однако Репнин замечал, что, как ему известно, Ржевуский будет добиваться вывода из Польши русских войск. На прямой вопрос Репнина об этом сам Ржевуский сказал, что король поступает так только для вида, подчиняясь давлению своего министерства. В связи с этим Репнин без обиняков писал о нежелании Чарторыхских содействовать осуществлению целей России, в особенности в диссидентском вопросе, видя, что такая многозначительная пассивность сильнейшей магнатской группировки может привести к тому, "что партия духовенства, коя вся противна сему будет, приметя, что войски российские здесь находятся для исполнения наших дел, потребуют вышупления оных". Поэтому, по мнению Репнина, следует заранее подготовить ответ, что, пока диссидентское дело не будет решено в соответствии с желаниями России, русские войска останутся в Польше. Более того, Репнин настаивал на их усилении, по меньшей мере двумя полками, и предлагал в случае неудачи на сейме ввести войска в деревни Чарторыхских, "которые наши дела сделать и испортить могут"¹²¹.

Необходимость активизации усилий в диссидентском вопросе накануне открытия сеймиков осознавалась и в Петербурге. Об этом свидетельствовали не только переговоры с Ржевуским и донесения Сольмса в Берлин. 15/4 июля 1766 г. Панин написал письмо Михалу и Августу Чарторыхским¹²², в котором обвинял их в непоследовательности и подчеркивал, что будущий сейм должен на деле продемонстрировать их готовность содействовать осуществлению планов России, в том числе и по вопросу о диссидентах.

Помимо давления на Чарторыских, было решено воздействовать и на других магнатов. Так как большинство из них летом находилось в своих поместьях, то для переговоров с ними в Литву в августе 1766 г. были посланы О.Игельстрём и В.Кар. В рескрипте им¹²³ подчеркивалось, что доброжелательность русского правительства к магнатам и благодеяние Речи Посполитой будет зависеть от их позиции в диссидентском вопросе. О том, что ожидает противников России, свидетельствовала депеша Панина Репнину от 19/8 августа 1766 г.¹²⁴, в которой послу предоставлялось право расквартировать русские войска в имениях Мас-сальских и К.Солтыка. Наконец, как мы уже отмечали выше, в первой половине 1766 г. Н.В.Репнин, в соответствии с инструкциями из Петербурга, вел переговоры с противниками Чарторыских Т.Весселем и Е.Мнишеком о привлечении Потоцких на сторону России.

Рассчитывая осуществить на сейме 1766 г. свои замыслы в диссидентском вопросе, русское правительство, как и в 1764 г., положило исключительно на магнатскую олигархию. Однако неудача на сейме 1764 г. должна была уже показать, что этого недостаточно. Следовало также принять во внимание, что попытка привлечь в союзники практически всех магнатов была обречена на провал, хотя бы потому, что быть в союзе со всеми означало вовсе не иметь союзников. Тем более, что никто в Польше не знал, до каких, собственно, пределов простираются требования России в диссидентском вопросе. До конца августа 1766 г. об этом не знал и главный исполнитель планов Петербурга в Варшаве Н.В.Репнин.

Только в сентябре он получил императорский рескрипт № 6 от 4 сентября/24 августа 1766 г.¹²⁵, в котором были определенно сформулированы требования России по диссидентскому вопросу. В нем Репнину поручалось взять на сейме публичную аудиенцию и выступить с декларацией, в которой потребовать предоставления диссидентам полного равенства с католиками в вопросах вероисповедания и "возвращения диссидентам сколько можно больше из общих в вольном правлении вольному согражданину принадлежащих светских прав и преимуществ"¹²⁶. Говорилось также о том, что Россия готова согласиться только на исключительное право католиков занимать должности гетманов и сенаторов, но в том только случае, если диссиденты будут избираться послами на сеймы и депутатами в трибуналы. При этом от некоторых воеводств (Познанского, Калишского, Сандомирского, Краковского, Мариенбургского) в Померании, Польской Пруссии и в Литве треть послон на сейм должны будут составлять диссиденты. В качестве крайней меры усту-

пок России в диссидентском вопросе предлагалось "всемерно одержать для диссидентов способность владеть городскими староствами, дабы они тем или другим образом некоторое участие в земском правлении, а через то самое и вящую, нежели ныне, сами по себе важность приобрести могли, с совершенною свободою исправления их религии во всех пунктах до церкви касающихся"¹²⁷. В рескрипте указывалось на то, что в России полагаются на содействие в "диссидентском деле" короля и поручают Репнину сообщить ему и Чарторьским о названных требованиях в тот момент, который он сочтет наиболее удобным, а также, говорилось, что, в случае отклонения требований Петербурга, диссиденты, предварительно собранные ко времени сейма в Варшаву, должны будут подать формальный протест, чтобы потом составить конфедерацию и просить покровительства России. Черновой вариант рескрипта редактировался Н.И.Паниным. Им были сделаны вставки о допустимости уступок в малосущественных религиозных вопросах, о законном характере требований диссидентов также и с точки зрения польского права, что, в частности, признавалось и польским двором, и, наконец, о возможности диссидентской конфедерации¹²⁸. Правка Панина, по-видимому, свидетельствовала о его желании смягчить тон рескрипта, придать его содержанию больше обоснованности и убедительности, а вопрос о возможности диссидентской конфедерации, существенно корректировавший саму позицию Петербурга, очевидно указывал на то, что сам Панин сохранял определенные сомнения в успехе "диссидентского дела" на сейме 1766 г.

Об этом же свидетельствует недатированный проект его докладной записки Екатерине II с предложением разорвать генеральную конфедерацию еще до открытия сейма¹²⁹, что одновременно указывало на намерение вице-канцлера окончательно переориентировать политику России на союз с Потоцкими, не дожидаясь рассмотрения требований Петербурга на сейме 1766 г.

Еще очевиднее зыбкость шансов на успех "диссидентского дела" была в Варшаве. Весной 1766 г. Стапислав Август отправил сенаторам письма *de liberatoris** с вопросами, предлагаемыми к обсуждению на будущем сейме. Ответы части сенаторов стали известны в русском посольстве и были присланы в Петербург в июне 1766 г. Всего в приложении к депеше Репнина¹³⁰ приведены точки зрения 36 сенаторов; некото-

* Письма *de liberatoris* польские короли направляли сенаторам перед опубликованием универсала о созыве сейма.

рые из них, например Ф.С.Потоцкий, ответили, что все вопросы для сейма оставляют на усмотрение короля. Вопрос о диссидентах и предоставлении им свободы вероисповедания был поставлен королем в связи с приглашением в Польшу иностранцев, купцов и ремесленников, для развития мануфактур и торговли. Предложение Станислава Августа о приглашении иностранцев поддержали девять сенаторов, однако только четверо связали его с предоставлением им свободы вероисповедания. Солтык, воевода ленчицкий, подчеркнул, что свобода вероисповедания для диссидентов стала бы поводом к несогласию. Гуровский, каштелян пшементский, предложил запретить диссидентам строить новые церкви, помимо тех, что возводятся на старых местах. Залусский, епископ киевский, считал, что приезжающим иностранцам-некатоликам надлежит запретить публичные богослужения. И только Яблоновский, каштелян вислицкий, предусматривал для иностранцев свободное отправление их обрядов в соответствии с законом. Семеро из сенаторов высказались за нерушимость господствующего положения и привилегий католической церкви. Среди них был и К.Солтык, который писал, что "ввиду возможных представлений диссидентов надлежит, чтобы воеводства в инструкциях послам им никаких вольностей не дозволяли". Наконец, Хоранн, каштелян брест-литовский, предлагал, чтобы для безопасности при короле служили только природные шляхтичи-католики, чтобы ими были укомплектованы все полки и особенно командирские должности. Таким образом, даже несмотря на завуалированный характер королевских вопросов, ответы сенаторов недвусмысленно свидетельствовали о том, что диссидентское дело должно неизбежно встретить на сейме решительное противодействие магнатов, независимо от их политической ориентации, ибо негативные ответы на вопрос о веротерпимости дали как сторонники короля и Чарторыхских, так и их противники. Возможно, что именно это обстоятельство объясняет, в частности, желание Станислава Августа как можно дольше не раскрывать в Польше содержанияготавливаемых решений по "диссидентскому делу".

Эта позиция короля находила поддержку и в Петербурге, когда вместе с депешей от 23/12 июня 1766 г.¹³¹ Репнин прислал Панину для рассмотрения проект королевского универсала¹³². Вице-канцлер написал на полях депеши: "Сей универсал так хорош, что ничего к нему прибавить невозможно, ибо король в нем не подаст повода ни к каким прихотливым специальным предписаниям от поветов в инструкциях нонсам"¹³³. Универсал¹³⁴, объявлявший о собрании 6 октября ординарного сейма, был разослан из Варшавы несколько ранее, 16/5 июня. Ни в тек-

сте универсала, ни в приложенном к нему¹³⁵ королевском письме относительно содержания инструкций послам не было ничего, помимо общих слов, выражавших заботу о благосостоянии Речи Посполитой. В них ни единым словом не упоминались вопросы, поставленные в апреле перед сенаторами. Также в самых общих выражениях было составлено и июльское письмо к сеймикам примаса В.Лубенского¹³⁶.

Итак, диссидентский вопрос в Варшаве и в Петербурге решено было на сеймиках не поднимать. Однако сомнение в разумности такой позиции разделяли не только граф Сольмс, как мы об этом писали выше, но и Репнин со Станиславом Августом. Отправляя Панину проект универсала и сообщая о начале сеймиков, Репнин писал о намерении короля побудить некоторые сеймики включить в инструкции "в общих терминах" диссидентский вопрос¹³⁷. Невозможно ответить на вопрос, считали ли они оба эти обещания достаточными, но очевидно, что заверения Станислава Августа едва ли могли сыграть в диссидентском деле какую-либо иную роль, кроме очередной попытки успокоить Петербург и не довести дела до открытого конфликта короля и Чарторыхских с Росней.

Вместе с тем, ситуация, сложившаяся на сеймиках, открывшихся 25/14 августа 1766 г., определенно свидетельствовала, что относительно мирно провести "диссидентское дело" на сейме вряд ли удастся. На это указывала, во-первых, развернувшаяся во время сеймиков антидиссидентская агитация духовенства. Ранее, 16/5 июля, Репнин сообщал в Петербург о том, что епископ виленский И.Массальский и его отец гетман литовский распространяют в Литве сочинение, направленное против диссидентов, русских войск и пограничной комиссии, и предлагал разместить в имениях Массальских русские войска¹³⁸. Спустя 5 дней он извещал о намерении К.Солтыка, епископа краковского¹³⁹, выступить против диссидентов, о том, что Массальский и Солтык добиваются на сеймиках включения в инструкции послам антидиссидентских требований¹⁴⁰, а позднее прислал в Петербург письмо Солтыка от 31/20 июля 1766 г., опубликованное в его епархии¹⁴¹. Наконец, К.Солтык обратился с письмом к католическим государям с просьбой о защите католической веры в Польше¹⁴². Репнин писал в связи с этим, что такое обращение частного лица к иностранным державам запрещено польским законодательством, но, по его мнению, нельзя выступать с протестом по этому поводу, так как аналогичные нарушения позволяют себе почти все магнаты, а такой протест затруднил бы отношения России со своими сторонниками. Описывая проведение сеймика в Кракове, русский посол со-

общал, что агитация Солтыка привела к тому, "что в Кракове из сеймика все диссиденты католическим дворянством нагло выгнаны были, не позволяя им не только голоса свои давать, которое неоспоримо им следует, но и присутствие их не хотя терпеть в месте держания сеймика. Инструкция же данная там земским послам... сходна с сею наглою неумеренною против диссидентов несправедливостию"¹⁴³.

Агитация духовенства на сеймиках была направлена не только против диссидентов, но и против сторонников Станислава Августа. По сведениям Репнина, в Галиче, в Польской Руси и на Волыни, куда он отправил для подкупов 3 тыс. червонных, против православных выступили К.Коссаковская (Потоцкая), кастелянша Каминьская, и Чацкий, подчаший коронный, которые также препятствовали избранию послом чешника коронного Дзедушицкого, которого король прочил в маршалы сейма¹⁴⁴. Эти события уже в августе 1766 г. предвещали будущую грозу Барской конфедерации. Не случайно даже лояльно относившиеся к требованиям России магнаты – как сторонники, так и противники "фамилии" – страшились "диссидентского дела". Об этом говорили Репнину Т.Вессель¹⁴⁵, С. Любомирский, стражник коронный, обещавший включить в инструкции Сандомирского воеводства что-либо в пользу диссидентов, но не поручившийся за успех, так как воеводство входило в епархию Солтыка. Репнин все же надеялся на исполнение своей просьбы, имея в виду, что "Любомирский в своем воеводстве все может", однако расчетам его не суждено было оправдаться¹⁴⁶.

Именно в период сеймиков 1766 г. целый ряд магнатов, кто тайно, а кто открыто, решительно выступили против диссидентской политики России. Очевидной причиной этого было неприятие веротерпимости. Но далеко не всегда именно она имела решающее значение. Характерна в связи с этим позиция епископа краковского К.Солтыка, который с легкой руки Екатерины II и под пером С.М.Соловьева превратился в хрестоматийный образец религиозного фанатика. Однако его поведение в 1764–1765 гг. не подтверждает этого мнения. Во время элекции Станислава Августа он ни разу не выступил по диссидентскому вопросу. Будучи сторонником Ф.С.Потоцкого и Е.Мнишека, Солтык не прочь был при определенных условиях поддержать короля против Чарторыских и даже стать на сторону России против "фамилии". Обращение Солтыка к антидиссидентской теме произошло, когда он окончательно убедился в ложности слухов о разрыве Станислава Августа и Чарторыских и сделал борьбу за привилегии католической церкви в Польше зна-

менем своей войны против короля и "фамилии". Со всей очевидностью эта роль Солтыка проявилась во время Радомской конфедерации 1767 г.

В целом итоги сеймиков оказались для "диссидентского дела" крайне неблагоприятны. 1 сентября/21 августа 1766 г. Репнин доносил в Петербург¹⁴⁷, что, хотя в Белеке обер-камергером коронным Понятовским, в Галиче К.Браницким, в Гродно надворным казначеем литовским Забелло в инструкции послам и внесены положения в интересах диссидентов, на многих других сеймиках "против всякого им освобождения наставления даны", даже в тех местах, где, как писал Репнин, "все главные согласно обещались диссидентов подкреплять". Это обстоятельство стало особо важным, если учесть, что в подавляющем большинстве земскими послами были избраны ставленники Чарторыских и Станислава Августа¹⁴⁸.

Таким образом, уже в августе 1766 г. сеймики однозначно продемонстрировали, что магнатство во главе с "фамилией" твердо занимает негативную позицию по отношению к планам России в диссидентском вопросе. С особенным возмущением Репнин писал в связи с этим о поведении Т.Чарторыского, епископа познанского, который через своих ставленников провел антидиссидентские инструкции на сеймиках в Великой Польше. Август Чарторыский убеждал Репнина, что он с братом Михалом не имеет к этому никакого отношения. Такого же мнения была и Екатерина II¹⁴⁹. Мы не можем его ни подтвердить, ни опровергнуть. Однако обращает на себя внимание одно обстоятельство, а именно близость епископа познанского к прусскому посольству в Варшаве. Он наиболее часто упоминается Бенуа в качестве информатора, сведения которого прусский резидент сообщал в Берлин.

Итоги сеймиков недвусмысленно доказывали, что единственной, хотя и призрачной возможностью осуществления на сейме планов России в диссидентском вопросе было соглашение со Станиславом Августом и Чарторыскими. Надежда на него сохранялась еще в период проведения сеймиков. Об этом свидетельствовала договоренность короля с Репниным отложить выступление посла с русской нотой по диссидентскому вопросу до окончания сеймиков, при этом Репнин замечал, что Станислав Август не отказывается поддержать требования России¹⁵⁰. В конце августа 1766 г., когда результаты сеймиков были уже в основном известны, сообщал в Петербург о своем разговоре с Августом Чарторыским, который обещал содействие в "диссидентском деле", но без особой веры в его успех. Тогда же Репнин обсудил с ним проект конституций сейма о диссидентах¹⁵¹. В окончательном виде проект был привезен

королем к Репнину 10 сентября/30 августа 1766 г., а на следующий день русский посол в присутствии короля и Чарторыхских заявил о его неприемлемости. По его словам, "оной прожект менее полезен, как вреден... потому что все в авантаж диссидентам, в оном назначенное, говорено глухо и в генеральных терминах, а все противное подробно и ясно выражено". Главным же предметом разногласий стал, как и прежде, вопрос об уравнивании диссидентов в сословных правах с католиками. Вопреки требованию Репнина, в проект было включено положение о том, что никогда впредь диссиденты не будут допущены в правительство и в гражданские чины. "Об чем, – как писал Репнин, – я им советовал совсем умолчать как об такой вещи, которую особой негоциации предоставить надлежит"¹⁵².

Таким образом, польское правительство сделало существенный шаг назад по сравнению с проектом решения диссидентского вопроса конца 1765 г., когда решение о гражданских правах для некаатоликов откладывалось на будущее. Теперь же, в сентябре 1766 г., король и Чарторыхские однозначно отвергли подобный подход. Отвергли, несмотря на то, что с русской стороны от них требовалось только молчание, но даже на это Станислав Август и Чарторыхские не могли решиться. Такое положение могло бы показаться странным, ибо за все время, когда Россия предъявляла требования в пользу диссидентов, начиная с 1764 г., никогда еще уступки Н.В.Репнина не были столь значительны, и вместе с тем домогательства русского посла не были никогда ранее, как осенью 1766 г., с такой твердостью отвергнуты Станиславом Августом и "фамилией". Но смягчение тона Репнина в разговорах о диссидентах вовсе не означало изменение позиции Петербурга. Там уже заверили представителей польских протестантов, что некаатоликам будут предоставлены все права, которыми обладает католическая шляхта, в том числе и право участия в государственном управлении. Об этом А.С.Гольц писал в промемории от 17/6 сентября 1766 г., объявляя, что диссиденты с удовлетворением узнали о намерении короля и императрицы добиться возвращения их неотъемлемых прав¹⁵³.

Несомненно, что решающую роль в обострении противостояния Петербурга и Варшавы в деле диссидентов сыграло не только давление со стороны русского двора, но и рост внутривосточной напряженности в Польше, развертывание крестьянского движения, негативная позиция католического духовенства, шляхты и магнатов, что со всей определенностью нашло выражение на сеймиках. Положение дел вынуждало Чарторыхских и короля проявлять твердость в той же мере, в какой оно

подталкивало к уступкам русского посла. В уже не раз цитированной депеше от 1 сентября/21 августа 1766 г. Репнин писал Панину: "Истинно исполнение сего дела столь тяжело, столь запутано и столь трудно, что я часто в отчаяние прихожу"¹⁵⁴.

За два года переписки с Репниным по диссидентскому вопросу, хотя посол неоднократно выражал свое отрицательное отношение к политике Петербурга в этой области, Н.И.Панин впервые сообщил об этом Екатерине II. Сообщил, когда окончательное решение было уже принято. Эта и последующие депеши конца августа – начала сентября 1766 г. были только на пути в Петербург, а навстречу им в Варшаву уже следовал рескрипт № 6 с ультиматумом России в диссидентском вопросе. Период почти двухлетних колебаний завершился.

V

В сентябре 1766 г., со времени окончания сеймиков и до открытия сейма, главной задачей Н.В.Репнина стало выяснение позиции магнатских группировок, и в первую очередь короля и Чарторьских, по отношению к ультиматуму России в диссидентском вопросе. Для этого он просил Панина написать письмо к Чарторьским с открытой датой, чтобы он мог его вручить в подходящий момент¹⁵⁵. В письме Панина, одобренном императрицей 29/18 сентября 1766 г., содержалась неприкрытая угроза "отделить свои интересы от интересов республики и поступать по отношению к ней подобно как относительно всякой державы, которая внушала бы ей (Екатерине II. – *Б.Н.*) опасения, или, по крайней мере, относительно которой она не была бы уверена"¹⁵⁶. Эти угрозы были еще более усилены Репниным, когда он заявил Станиславу Августу, что требования по "диссидентскому делу" "есть последнее наше слово, и что, если всего одного на нынешнем Сейме не исполнят, командированы уже 40 тысяч войска на границы для подкрепления сих наших требований и для наказания тех, кои сему делу противны будут, прибавя и то примечание, что когда уже силою единою, может быть, к концу намерения нашего дойдем, то тогда, следовательно, за успех одного никому благодарны не будем, а, может быть, и отменности, полагаемой теперь господствующей религии, уже в ту пору не сделаем"¹⁵⁷. (Речь идет о сохранении права католиков занимать должности гетманов и сенаторов.) Переговоры Н.В.Репнина со Станиславом Августом и Чарторьскими в сентябре 1766 г., накануне сейма, подробнейшим образом описаны у С.М.Соловьева¹⁵⁸. Наконец, 5 октября/24 сентября 1766 г. посол донес в

Петербург, что все его сомнения "по диссидентскому делу на короля и на князей Чарторыхских превратились в неприятную и совершенную точность". "Ибо они все прямо мне объявили, – писал Репнин, – что они противны введению диссидентов не только в правление, но и в гражданские чины"¹⁵⁹.

Причины упорного сопротивления Станислава Августа и Чарторыхских планам России в диссидентском вопросе объяснялись не только непримиримой позицией шляхты и духовенства. Накануне открытия сейма, после предъявления Репниным ультимативных требований России, король дважды, 25 и 26 сентября 1766 г., писал в Петербург Ф.Ржевускому, пытаясь побудить Екатерину II изменить свою позицию. Во втором письме, которое часто цитируется в литературе, он предполагал, что в противном случае "доставленная ею мне порфира сделается для меня одеянием Несса – я сгорю в ней и конец мой будет ужасен". Но в этом письме Станислав Август называл, помимо очевидной угрозы собственному царствованию, еще одно обстоятельство, не позволявшее ему принять требования российской императрицы. "Если Россия будет настаивать на допущении диссидентов к участию в законодательстве, – писал польский король, – то сколько бы их там ни было (всего 10 или 12), все же это будет столько же законных вождей партии, которая не может смотреть на государство и правительство Польши иначе, как на врагов, против которых она по необходимости и постоянно должна искать опоры вне страны"¹⁶⁰. Видя, что надежды на согласие с магнатами в диссидентском вопросе больше нет, Репнин в тот же день отдал приказ генерал-майору Н.И.Салтыкову ввести войска в деревни епископов И.Массальского и К.Солтыка¹⁶¹.

Таким образом, накануне сейма позиции сторон в диссидентском вопросе были выяснены. Однако в Петербурге еще надеялись добиться хотя бы частичного успеха. Происхождение этих надежд можно объяснить только нежеланием Екатерины II признать свое поражение, чего, естественно, вслед за императрицей не могли сделать и ее приближенные, а также отдаленностью Варшавы от Петербурга, где Ф.Ржевуский и Н.Панин еще продолжали искать соглашение или, что вероятнее, каждый из них пытался предоставить другому возможность сделать первый шаг к разрыву, чтобы потом возложить ответственность за него на противную сторону. Так, 13/2 октября 1766 г. Н.Панин еще писал русскому послу, что, уступая убеждениям Ф.Ржевуского, он предлагает Репнину собственную идею, т. е., как должен был понять последний, идею, не известную императрице и, следовательно, ею пока не одобренную. Речь

шла о том, чтобы предложить польской стороне допустить "диссидентов в достоинстве дворянском, хотя к одним чинам земским, оставляя в молчании все те чины, которые по существу своему составляют государственное правительство"¹⁶². О получении этой депеши Репнин сообщил Панину на пятый день работы сейма. А накануне его открытия в депешах Репнина постоянно говорилось о нежелании представителей шляхты давать диссидентам гражданские чины, "что (они. – Б.Н.) готовы лучше дойти до крайности, но не допустить этого"¹⁶³, о "умножении ферментации умов... что без самого употребления важной силы к успеху одного дела дойти не вижу надежды"¹⁶⁴.

В середине сентября 1766 г. в Варшаву приехали епископы: краковский К.Солтык, каменецкий А.Красиньский, виленский И.Массальский. Репнину тогда же стало известно о намерении духовенства держать особые советы по "диссидентскому делу"¹⁶⁵. Несомненно, что усилия духовенства, направленные против русской политики в диссидентском вопросе, координировались и прежде, однако сейчас, накануне сейма, епископы открыто продемонстрировали, что будут действовать согласованно. Это, с одной стороны, должно было неизбежно повлиять на позицию примаса В.Лубеньского, а с другой – показать магнатам, что церковные иерархи не намерены даже внешне устраниваться от самостоятельной роли в решении "диссидентского дела" и рассматривать его только в пределах компетенции светской власти.

Заседания сейма открылись в Варшаве 6 октября и продолжались до 29 ноября 1766 г. Главным вопросом на сейме стало обсуждение программы реформ Чарторьских. Однако "диссидентское дело", в отличие от сеймов 1764 г., оказало во многом решающее влияние на его результаты. Об этом свидетельствовало уже первое заседание сейма, на котором маршалом почти единогласно был избран сторонник Чарторьских и короля Целестын Чаплиц. По словам Репнина, при выборах кричали, "что он добрый католик и защищать свою веру до крайности будет". В тот же день нунций А.Е.Висконти в частном разговоре с королем сообщил, что будет требовать аудиенции на сейме, если таковая будет предоставлена Репнину¹⁶⁶.

Первые дни работы сейма однозначно свидетельствовали о решительности намерений противников равноправия диссидентов. Это побудило Н.В.Репнина предпринять новую попытку добиться от Станислава Августа и Чарторьских содействия в осуществлении целей России. В депеше от 11 октября/30 сентября 1766 г.¹⁶⁷ посол сообщил в Петербург, что вручил Чарторьским подготовленное заранее письмо Н.И.Панина

Станиславу Августу, в котором Репнин поставил дату и запечатал его печатью Панина. На следующий день состоялся его разговор с королем и Чарторьскими. Как писал Н.В.Репнин, канцлер литовский и воевода русский признали, что могут провести через сейм любое дело, кроме диссидентского, но не только не могут его сделать, но и не хотят, так как не считают это полезным для нации, и готовы терпеть все последствия такого отказа. Станислав Август же заявил, что "пропасть для него разверзлась", однако, "он первого своего ответа совершенно держаться должен". Возражая ему, Репнин предложил разорвать отношения с Чарторьскими и соединить усилия России и влияние собственных сторонников короля, подчеркнув, что "он один (Станислав Август. – *Б.Н.*) с Россиею более сочиняет, нежели все достальное число здешней нации". Однако, несмотря на все уговоры Репнина, позиция короля и Чарторьских в диссидентском вопросе осталась неизменной.

Противники "диссидентского дела" уже на 6-й сессии, 11 октября, начали обсуждение вопроса о диссидентах, не дожидаясь официального представления сейму российской декларации и королевского проекта. В этот день волынский посол Чацкий заявил, что имеет инструкции своего воеводства о сохранении господствующего статуса и привилегий католической церкви в Польше. Его поддержал М.Вильгурский, после чего маршал предоставил слово К.Солтыку¹⁶⁸. Речь его почти целиком приведена у С.М.Соловьева, закончил ее епископ краковский, прочитав проект постановления сейма, предостерегавшего, чтобы впредь ни на одном сейме никто под страхом жестокого наказания не дерзал бы поднимать диссидентского вопроса¹⁶⁹. В тот же день Солтыка поддержал епископ куявский А.Островский, а 16 октября с речью против диссидентов выступил Ю.А.Залусский, епископ киевский. Речь его была выдержана в самых резких выражениях и, хотя не нашла поддержки на сейме, по положила начало широкой антидиссидентской агитации¹⁷⁰.

Таким образом, положение дел на сейме не оставляло места для сомнений, что "диссидентское дело" нельзя было провести никак иначе, нежели открыто применив военную силу. Об этом Н.В.Репнин вновь, уже в который раз, писал в Петербург 21/10 октября 1766 г.¹⁷¹ Однако там еще надеялись добиться от Станислава Августа и Чарторьских угодного России решения диссидентского вопроса. Для этой цели в депеше Н.И.Панина от 13/2 октября были предложены уступки, а в письмах Екатерины II и Н.И.Панина Станиславу Августу от 16/5 октября¹⁷² содержались неприкрытые угрозы применения военной силы и даже

войны между Россией и Польшей. Казалось бы, угрозы императрицы возымели действие. 30/19 октября 1766 г. Репнин доносил о смягчении позиции короля и Чарторьских по "диссидентскому делу", что выразилось в согласии Августа Чарторьского на предоставление диссидентам гражданских прав. Но, как писал Репнин, воевода русский убежден в невозможности принятия такого решения на сейме и поэтому никому об этом ничего не будет говорить и делать для этого ничего не будет. Однако для придания видимости движения навстречу требованиям России Чарторьские предложили подать от имени диссидентских депутатов прошение королю, которое после рассмотрения министерством должно было быть представлено для обсуждения на сейме. Тогда же была назначена Репнину и аудиенция на сейме¹⁷³.

Именно в это время в Петербурге окончательно осознали бесперспективность расчетов на Чарторьских в осуществлении целей русской политики в Польше в целом, а следовательно, и в диссидентском вопросе. 16/5 октября 1766 г. Репнин сообщил Панину о рассмотрении на сейме королевского проекта, содержавшего в себе план реформ государственного устройства Речи Посполитой¹⁷⁴. 27/16 октября 1766 г., в день получения депеши в Петербурге, послу был отправлен императорский рескрипт № 8, в котором констатировалось, что Чарторьские стремятся отменить вольность голосов на сейме, "которая есть и должна всегда быть основанием конституции". Репнину поручалось, во-первых, разрушить то, что было сделано для Чарторьских, и разорвать генеральную конфедерацию, во-вторых, привлечь на сторону России всех четырех гетманов, в-третьих, указать королю на необходимость разрыва с Чарторьскими¹⁷⁵. Рескрипт сопровождало письмо Н.И.Панина с выражением полного одобрения действий посла¹⁷⁶.

Таким образом, в полной мере проявилась зависимость "диссидентского дела" от вопроса о конституционных реформах Речи Посполитой, т. е., со всей очевидностью русское правительство продемонстрировало, что гражданское равноправие не католиков в Польше, к достижению которого оно с завидным упорством стремилось в течение двух лет, было в планах Петербурга самым теснейшим образом связано с намеченными государственными преобразованиями в шляхетской республике. Права диссидентов интересовали петербургский двор не сами по себе и не только в контексте укрепления международного авторитета России в протестантских государствах Севера Европы, хотя эти мотивы и присутствовали в русской политике. В первую очередь диссидентский вопрос должен был стать средством влияния на сословный и политичес-

кий строй Речи Посполитой, и именно в этой области коренились разногласия Петербурга со Станиславом Августом и партией Чарторыхских. Разумеется, следует иметь в виду, что на рост этих разногласий повлияло во многом и общее негативное отношение католической шляхты и духовенства к какому-либо расширению прав диссидентов.

По сути дела, после рескрипта № 8 начался новый этап диссидентской политики России. Однако ее переориентация до окончания сейма 1766 г. представлялась неудобной. Поэтому Репнин писал в Петербург 23/12 октября 1766 г. о нужности аудиенции на сейме, хотя и без малейшей надежды на успех, но только для подтверждения лояльности России к республике и готовности действовать в рамках польского законодательства¹⁷⁷.

Аудиенция состоялась в полном соответствии с разработанным церемониалом. Ответ Репнину от имени сейма был дан канцлером коронным А.Замойским¹⁷⁸. Декларация России по "диссидентскому делу", поданная Репниным на аудиенции, обсуждалась на сейме 21–22 ноября 1766 г. и вызвала, как пишет Репнин, "безрассудный и сумасбродный шум, что николи такого еще в Сенате в присутствии королевском не помят, крича, чтоб конечно прежде всего материю закона (католической веры. – *Б.Н.*) трактовали и чтоб без всякой перемены по оному подписан был прожект епископа краковского"¹⁷⁹. Однако на сейме не решились утвердить проект конституции, предложенный К.Солтыком, а передали дело на рассмотрение коллегии епископов, которая совместно с министерством представила свой проект. Он предусматривал введение для диссидентов церковных податей за крещение, погребение и бракосочетание в пользу католических епископов, отныне с их разрешения допускались постройка и ремонт диссидентских церквей. Бракосочетание диссидентам позволялось теперь только в присутствии католических священников. Против этого проекта высказался только епископ виленский И.Массальский, что, по мнению Чарторыхских, было связано с тем, что постановления эти, хотя и уравнивали формально диссидентов с католиками, по вместе с тем ухудшали их положение.

От имени диссидентов Речи Посполитой были написаны замечания на постановление коллегии епископов¹⁸⁰, автором которых, вероятно, был П.Грабовский. В них принятые решения объявлялись деспотическими, а передача сеймом дела в руки католических иерархов – незаконной. Однако диссиденты в целом одобрительно отнеслись к предусмотренным постановлением мерам по введению веротерпимости, хотя и заявили об их недостаточности. Правда, замечания, сделанные

ими, касались только церковных вопросов и не затрагивали проблему сословного и политического равноправия иноверцев. Это косвенно свидетельствовало, что диссиденты готовы были удовлетвориться режимом веротерпимости при учете сделанных ими замечаний.

Коллегия епископов представила также и проект ответа сейма на декларацию Репнина по диссидентскому вопросу. Главным обоснованием отказа удовлетворить требования России в нем называлось их несоответствие конституциям 1717 г.¹⁸¹ Обращает на себя внимание, что этот тезис впервые, еще в сентябре 1766 г., был выдвинут М.Чарторыским.

Сейм не решился принять в качестве конституции проект коллегии епископов под тем предлогом, что он носит сугубо церковный характер и не подлежит поэтому закреплению светским законодательством. Вместе с тем, решение коллегии было включено в метрику¹⁸² и в соответствии с ним был подготовлен официальный ответ сейма на декларацию России и других держав в пользу диссидентов, в котором подтверждались в полной мере конституции 1717 г.¹⁸³ Таким образом, вновь, как и в 1764 г., "диссидентское дело" на сейме 1766 г. осталось неразрешенным. С одной стороны, сейм не сделал и шага навстречу требованиям России, а с другой – не принял никакого закона, определявшего религиозный и сословный статус диссидентов, ограничившись лишь подтверждением уже действовавших конституций. Тем самым удалось сохранить взаимоотношения России и Польши в связи с диссидентским вопросом в рамках существующего законодательства и избежать открытого конфликта между Петербургом и Варшавой.

Одновременно с попытками провести "диссидентское дело" на сейме важным направлением в деятельности Н.В.Репнина осенью 1766 г. была подготовка диссидентской конфедерации. Инструкция о ее образовании в случае неудачи русской политики в вопросе о диссидентах на сейме была прислана в Варшаву в рескрипте № 6 от 4 сентября/24 августа 1766 г. Сразу же по ее получении посол начал переписку с представителями диссидентов, предлагая им прислать своих депутатов в Варшаву для согласования позиций и совместного выступления на сейме. Но в середине сентября еще никто не приехал. Вместе с тем, Репнин писал, что не предпримет без высочайшего повеления образования диссидентской конфедерации¹⁸⁴. Ответы от диссидентов с обещанием приехать в Варшаву были получены только в конце сентября. Это совпало по времени с неудачей миссии О.Игельстрёма и В.Кара и свидетельствовало об определенном росте напряженности в провинции после проведе-

ния сеймиков в августе 1766 г.¹⁸⁵ О приезде диссидентских делегаций (из Польской Пруссии – Гольцы, из Великой Польши – Брониковский, из Малой Польши – Грабовский, из Литвы – также Грабовские) Репнин сообщал 5 октября/24 сентября 1766 г., заметив при этом, что "ферментация здешняя приводит их в некоторый страх"¹⁸⁶. Он разделял эти опасения и подчеркивал, что представители диссидентов готовы образовать конфедерацию, но без прикрытия русских войск не смогут этого сделать, "ибо при начала самом без сей подкрепки были б католиками и здешними войсками как бунтовщики перерезаны". В депеше говорилось также, что в случае начала конфедерации диссиденты готовы послать делегацию в Петербург с просьбой о покровительстве со стороны Екатерины II¹⁸⁷.

О разработке конкретного плана образования конфедерации диссидентов Репнин сообщал в депеше от 11 октября/30 сентября 1766 г.¹⁸⁸, уже после открытия сейма и своего разговора со Станиславом Августом, в котором король подтвердил неизменность своей позиции и подчеркнул невозможность для него пойти навстречу требованиям России. План предусматривал образование диссидентской конфедерации одновременно в четырех регионах (в Польской Пруссии, в Великой и Малой Польше и в Литве). Конфедерация должна быть образована протестантами с последующим присоединением к ней православных. Для ее поддержки, по крайней мере на первое время, необходимо было, по плану Репнина, разделить все имеющиеся войска на четыре части (три из них – по батальону, а четвертая состояла бы из двух гренадерских рот, с приданной им кавалерией Чугуевского казачьего полка). Необходимо также выделить деньги для поддержки присоединившегося к конфедерации мелкого дворянства, которое не сможет содержать себя на собственные средства. "Диссидентов, – писал Репнин, – здесь сколь возможно более собрал. И подано от них будет прошение ... Только от всех греков один белорусский, называемый здесь могилевским, архиерей под оным подпишется. Ибо никого из них здесь нет, да по несчастию и привезти некого, быв всё почти греческое дворянство в такой бедности, что сами землю пашут".

Прошение диссидентов, о котором писал посол, было представлено на сейме и приложено им к реляции, направленной Екатерине II в ноябре 1766 г.¹⁸⁹ Оно состояло из девяти статей, каждая из которых содержала подробные ссылки на польское законодательство, служившее обоснованием требований диссидентов. При этом свидетельства хронистов рассматривались как источник права. Девятая статья прошения бы-

ла специально посвящена вопросу о сословном равенстве дворян-некатоликов и католического дворянства, при этом авторы прошения ссылались на соответствующее законодательство, начиная от Казимира Великого и кончая сеймом 1650 г. Подписи диссидентских представителей под прошением Репнин сообщил в приложении к депеше Панину 30/19 октября 1766 г.¹⁹⁰ Всего подписались 38 человек. Первой стоит подпись Георгия Конисского от имени соединенного дворянства православного вероисповедания. Очевидно, что отсутствие других подписей православных указывает на то, что все поиски православных шляхтичей, о чем писал ранее Репнин, оказались безрезультатными. От имени диссидентов Великой Польши подписался Адам Брониковский, от Малой Польши – подполковник Зеленский. 22 человека из подписавшихся имели офицерские чины коронного войска, а шестеро были земскими старостами. Весьма скромное число подписей определенно свидетельствовало о том, что никакой серьезной силы диссиденты собой не представляли, что с ними могли считаться только как с офицерами коронного войска. На это косвенно указывали отдельные попытки литовской военной комиссии в 1766 г. отказать шляхтичам-протестантам в назначении на должности в войске и королевской гвардии, а также предложение одного из сенаторов накануне сейма о допущении к офицерским должностям только природных шляхтичей-католиков.

Малочисленность диссидентской шляхты делала весьма проблематичным её самостоятельное выступление даже при получении помощи со стороны России. Сознвая это, диссиденты, как показал В.Кригзайзен, дабы не утратить поддержки зарубежных протекторов, стремились скрыть подлинные сведения о количестве дворян-некатоликов в Польше¹⁹¹. В архивном фонде русского посольства в Варшаве сохранился документ 1766 г., озаглавленный "Список диссидентских фамилий"¹⁹², причем трудно сказать, идет ли речь в нем о родах или же о семьях. Согласно списку в Великой Польше была 51 шляхетская протестантская фамилия; в Малой Польше – 42; в Королевской Пруссии – 40; в Великом княжестве Литовском – 202 протестантские и 32 православные фамилии. Достоверность списка, по крайней мере в отношении православных, вызывает сомнение, так как, кроме Георгия Конисского, подписаться под "Прошением" было некому, а все поиски Репниным православных дворян оказались безрезультатными.

Во всяком случае, выступление диссидентов с конфедерацией могло послужить не более чем поводом к вмешательству России. Это

обстоятельство заставило Репнина сначала скорректировать план конфедерации, а потом и отложить сроки его осуществления.

30/19 ноября 1766 г. он направил депешу Н.И.Панину¹⁹³, в которой уведомлял, что противники России в Польше строят свои расчеты на обострении кризиса в стране и во взаимоотношениях Польши и России, чтобы использовать его как повод "к полезной революции для восстановления сил здешнего правления", что в случае объявления диссидентской конфедерации диссиденты-офицеры будут изгнаны из войска, а все ее участники объявлены злодеями отечества. Король и его окружение, по словам Репнина, рассчитывают на сплочение шляхты вокруг Станислава Августа, что откроет путь к проведению преобразований в Польше вопреки воле России, "за чем последовать может посполитое рушение".

Косвенным свидетельством намерений Станислава Августа пойти на крайние меры для проведения задуманных преобразований в Речи Посполитой стало получение королем 100 тыс. червонцев, занятых им в генуэзском банке и доставленных из Вены в Варшаву в ноябре 1766 г. Причем намерения короля в это время, вероятно, вполне разделяли его дяди Чарторыские, так как за предоставленный заем были заложены не только королевский соляной завод, но и их деньги, хранившиеся в римском банке. В связи с этим Репнин писал: "Я истинно понять не могу, на какой копец и с какою надеждой король в такие неумеренные долги входит."¹⁹⁴

Об опасности открытого конфликта Польши с Россией Репнин предупреждал еще в сентябре 1766 г., выражая опасения, "чтоб от чрезвычайного упрямства все в начале еще сейма не разъехались, разорвав возмутительным образом как оный, так и конфедерацию"¹⁹⁵. Такое развитие событий посол считал возможным и предлагал его предотвратить. По его словам, имеющихся в Польше войск хватит для поддержки конфедераций диссидентов в течение не более первых четырех недель после их образования. Поэтому необходимо ввести русские войска в Польшу и занять Волынское и Сандомирское воеводства, встав между Львовом и Сандомиром, а отрядом из Лифляндии и от Смоленска вступить в Литву, направив два корпуса, по семь-восемь тыс. человек каждый, – один к Слуцку, а другой к Торуню. По плану конфедерации¹⁹⁶, составленному в Варшаве Репнинным и представителями диссидентов 26 ноября 1766 г. (он приложен к депеше от 30/19 ноября), вместо запланированных ранее четырех конфедераций образовывались две – в Торуне и Слуцке. Первая насчитывала бы до 250 человек кавалерии от Великой и

Малой Польши, вторая – 300–400 человек и два эскадрона кавалерии. Для их поддержки предполагалось выделить 12–15-тысячные русские войска, кроме того, русские офицеры были бы прикомандированы к конфедерациям. От их имени в Петербург и Берлин предполагалось отправить депутации. Конфедерации должны представлять Пильтенский округ в Курляндии и города Польской Пруссии. Петербургу предстояло также выделить "на всякий случай" 20 тыс. дукатов для поддержки конфедератов. После избрания маршалов и секретарей конфедераций им следовало бы направить к королю, министерству и сенату депутатов, которым предписывалось действовать в Варшаве совместно с русским послом. В плане особо оговаривалось, что прусские войска не будут введены в Польшу, что само соседство государства Фридриха II является достаточным для оказания необходимого воздействия на польское правительство. В своей депеше Н.В.Репнин просил инструкций из Петербурга о начале исполнения представленного плана. Однако в депеше обращает на себя внимание один весьма существенный мотив, свидетельствовавший о том, что сам русский посол не был сторонником осуществления этого плана, по крайней мере в таком первоначальном виде. Составление его предписывалось из Петербурга императорским рескриптом № 6 от 4 сентября/24 августа 1766 г., что русский посол в точности и исполнил. Вместе с тем, описывая план, он указывал на очевидные трудности его реализации. Малочисленность и слабость диссидентских конфедераций, возможность сплочения всей шляхты вокруг короля и опасность объявления посполитого рушения тайли в себе угрозу открытой войны России и Польши с последующим вмешательством в нее Турции, Австрии и Франции, т. е. создания ситуации, которой Россия всеми средствами стремилась избежать, начиная с 1763 г., когда стала гарантом государственного строя Речи Посполитой, и в соответствии с полномочиями, полученными от генеральной конфедерации 1764–1766 гг. Поэтому Репнин считал, что для успеха "диссидентского дела" необходимо добиться раскола магнатов и католической шляхты, привлеки на свою сторону противников двора и Чарторьских обещанием выполнить их требования, но только с тем условием, что вначале надлежит осуществить планы России в диссидентском вопросе¹⁹⁷. В этом случае, по мнению Репнина, сопротивление Речи Посполитой будет парализовано, ибо короля и Чарторьских, с одной стороны, и "патриотов" – с другой объединяет только неприятие равноправия диссидентов.

В связи с этим вполне определенно вновь проявилась та немало-важная черта диссидентской политики русского правительства, которую

в Петербурге намеренно или не совсем обдуманно старались не замечать. Имеем в виду связь диссидентской политики с вопросом о реформах политического строя Речи Посполитой. Еще в сентябре 1766 г. Репнин сообщал Панину о распространенном в Варшаве мнении, что в ответ на требования России по диссидентскому вопросу надлежит добиваться, "чтоб она не токмо позволила, но и помогала республике в умножении войск и прочих авантажах, нужных для сей земли"¹⁹⁸. Репнин замечал при этом, что он избегает подобных разговоров. На эту же связь намекал Стапислав Август, когда в октябре 1766 г. упрекал Репнина в том, что Россия отказалась от своих обещаний содействовать реформам в Польше¹⁹⁹. И на этот раз русский посол уклонился от ответа по существу. Теперь же увязка "диссидентского дела" и преобразований государственного строя Речи Посполитой, вернее, противодействия преобразовательным планам двора и Чарторьских обнаружилась со всей определенностью. Намек на такой поворот содержался уже в рескрипте № 8 от 27/16 октября 1766 г., в котором Репнину предписывалось "привести в наши виды всех четырех гетманов"²⁰⁰. Эта идея Н.И.Панина и была развита русским послом в Варшаве в ноябре 1766 г.

Контакты Репнина с противниками Чарторьских берут свое начало с января 1766 г., однако накануне открытия сейма он не видел возможности их использования в интересах России, во-первых, потому, что Потоцкие, Мнишек и Вессель не пользовались необходимым влиянием в сравнении с Чарторьскими; во-вторых, они ориентировались на Австрию, Францию и Саксонию, страны, занимавшие враждебную позицию по отношению к России; в-третьих, к этой группировке принадлежали епископы Солтык и Массальский, самые непримиримые противники диссидентов; в-четвертых, общее негативное отношение к диссидентскому вопросу делало тогда невозможным для России соглашение ни с одной из магнатских партий²⁰¹.

Определенные затруднения для русской политики в диссидентском вопросе во второй половине 1766 г. создавала и позиция Пруссии.

Впервые тезис о двуличной политике Фридриха II в деле о равноправии диссидентов был обоснован С.М.Соловьевым. Он без указания даты и источника привел отрывок из письма прусского короля, в котором последний предписывал своему резиденту в Варшаве скрыто противодействовать русским усилиям, подчеркивая, что он, вопреки официальным заявлениям, вовсе не будет огорчен, если "диссидентское дело" окончится неудачей²⁰². С.М.Соловьев объяснил такую позицию Пруссии опасениями, что кризис в Польше может повлечь за собой нежела-

тельное обострение международной ситуации в Европе в целом, а также сопротивлением Фридриха II усилиям России по созданию так называемой "северной системы". Мнение, высказанное С.М.Соловьевым, было воспринято российской, а позже и советской историографией как доказательство прусской враждебности интересам и политике России. Однако вопрос этот нуждается в более детальном анализе.

До августа 1766 г. диссидентская тема не занимала заметного места в переписке Фридриха II и прусского министерства со своими представителями в Варшаве и в Петербурге. Так, в начале этого года прусский король просто оставил без ответа сообщения Сольмса о планах России в диссидентском вопросе²⁰³. И даже когда 5 марта 1766 г. Г.Бенуа настоятельно сообщал королю свое мнение, что диссидентский вопрос неизбежно приведет к гражданской войне в Польше²⁰⁴, Фридрих II в письме ему от 12 марта ограничился тем, что назвал достижение свободы вероисповедания для диссидентов общим делом России и Пруссии²⁰⁵. В ответном послании на депешу Сольмса из Петербурга с изложением плана Н.И.Панина по диссидентскому вопросу он одобрял намерения России придвинуть войска к границам для устрашения поляков и обещал послать инструкции Бенуа действовать в согласии с русским послом в Варшаве и представить сейму декларацию, аналогичную российской²⁰⁶.

Ситуация изменилась в самом начале августа 1766 г., когда в Берлине была получена депеша графа Сольмса от 18 июля. Она не сохранилась, поэтому о ее содержании мы можем судить лишь по ответному письму Фридриха II от 4 августа 1766 г.²⁰⁷ Касаясь переговоров с Ф.Ржевуским в Петербурге, король подчеркивал, "что русский министр (Н.И.Панин. — *Б.Н.*) поступает с поляками слишком деспотично и слишком строго". По его словам, проведение "диссидентского дела" военным путем повлечет за собой большие неприятности, как только русские войска будут выведены из Польши, а это рано или поздно придется сделать. Поэтому Пруссия постарается не вмешиваться в решение диссидентского вопроса. Говоря об ожидаемых неприятностях, Фридрих II имел в виду усиление австрийской враждебности, возможность антиросийской конфедерации и гражданской войны в Польше, чем бы Австрия непременно воспользовалась. Свое письмо он закончил словами: "Мне кажется, что эти соображения заслуживают некоторого внимания России". Это недвусмысленно указывает на то, что содержание депешы было доведено Сольмсом до сведения Н.И.Панина, а через него и Екатерины II.

Ответ петербургского двора на увещевания Фридриха II, сделанные через Сольмса, содержался в депеше прусского посла от 22/11 августа 1766 г., полученной в Берлине 5 сентября²⁰⁸. В ней говорилось, что Н.И.Панин не считает вопрос о свободе вероисповедания для диссидентов предметом переговоров с Польшей, требования в этой области должны быть удовлетворены сеймом безусловно. Вопрос же о гражданских правах может быть предметом обсуждения, в ходе которого, по мнению Панина, надо требовать большего, чтобы потом пойти на уступки. Эти сведения Сольмса, однако, вступают в противоречие с рескриптом № 6 Н.В.Репнину от 4 сентября/24 августа 1766 г., в котором вопрос о сословном равноправии диссидентов был также поставлен в ультимативном порядке. Прусский посол приводил слова Панина о том, что вопрос о доступе диссидентов к гражданским чинам не будет включен в российскую декларацию и что Петербург не настаивает, чтобы соответствующая прусская декларация была составлена в тех же выражениях, что и российская, лишь бы Фридрих II согласился "сохранить смысл ее и не касался в ней ничего другого, кроме вопроса о восстановлении прав диссидентов". По сути дела, только в вопросе о редакции текста декларации содержалось едва заметное и тем более унижительное для Пруссии движение навстречу пожеланиям Фридриха II. Это несомненно ощущал Сольмс, пустившийся далее в рассуждения о том, что в России чувствуют свою силу и поэтому позволяют себе высокомерие по отношению к другим дворам, хотя Екатерина II не корыстолюбива и стремится прославиться, будучи полезной своим друзьям.

После такого панегирика русской политике, за строками которого вполне прозрачно угадываются рассуждения самой императрицы и Н.И.Панина, Сольмс перешел к изложению ответов на наиболее существенные вопросы Фридриха II. Эти ответы таковы: русские войска в Польше контролируют положение в стране; даже если они будут выведены после окончания сейма и роспуска генеральной конфедерации, их можно будет ввести вновь, тогда в течение недели Смоленская дивизия, поддержанная войсками в Лифляндии и на Украине, будет в Варшаве (что такой план существовал в действительности, свидетельствует переписка Репнина с Паниным в ноябре 1766 г.); в России не опасаются вмешательства Австрии в польские дела, как и попыток поляков найти поддержку в Вене, а если в Варшаве и пойдут на "прямой разрыв с Россией", что мало вероятно, то последняя, как писал Сольмс, "будет в состоянии отомстить им самым чувствительным для них образом". Как показали последующие события, опасения прусского короля были го-

раздо более обоснованы, нежели самоуверенность Петербурга. Вместе с тем, довольно демонстративное игнорирование Екатериной II и Н.И.Паниным мнения своего ближайшего союзника свидетельствовало не только о том, что в Петербурге нередко недоставало дипломатического такта, но и о том, что в России не желали, чтобы участие Пруссии в "диссидентском деле" выходило за сугубо декларативные рамки, и, более того, намеренно подталкивали Фридриха II занять позицию фактического невмешательства.

Опасения прусского короля, связанные с "диссидентским делом", нашли выражение не только в его переписке с Сольмсом, но и в инструкциях, отправленных Бенуа в Варшаву. 17 августа 1766 г. Фридрих II, в частности, писал, что князю Репнину следует вежливо сообщить, что единственная забота Пруссии – это сохранение мира и что он, король, убежден, что к этому устремлены и мысли императрицы, и "поэтому ему было бы очень приятно, если она не будет толкать к определенной точке дела т.н. диссидентов и не даст повода к новой войне из-за такого ничтожного предмета"²⁰⁹.

Таким образом, в депеше, адресованной Бенуа, Фридрих II, не дожидаясь ответа от Сольмса, предписал выполнить все пожелания России относительно декларации Пруссии в пользу диссидентов и одновременно подтвердил свое нежелание непосредственно вмешиваться во внутренние конфликты в Польше, которые могут стать следствием попыток России решить диссидентский вопрос военным путем. Как и в письме Сольмсу, в инструкции Бенуа главным из опасений прусского короля была угроза войны, которая могла бы возникнуть вследствие кризиса, вызванного желанием России уравнивать диссидентов в сословных правах с католиками. Позиция Пруссии в свете переписки Фридриха II со своими послами представляется вполне откровенной и лояльной по отношению к России. Однако нежелание Петербурга принять во внимание обоснованные соображения своего ближайшего союзника, выразившееся в ответе Панина Сольмсу, и побудило Фридриха II пойти на тайное противодействие политике России, что и отразилось в приведенной С.М.Соловьевым инструкции Бенуа от 11 сентября 1766 г.²¹⁰ Неудача "диссидентского дела", с точки зрения Пруссии, могла бы предотвратить кризис, которого так опасались в Берлине, и тем самым послужить на пользу обоим союзникам. Инструкция Бенуа поэтому вовсе не свидетельствует о двуличии и тем более враждебности прусской дипломатии по отношению к России, а отражает лишь эпизодическое частное противоречие, возникшее между двумя странами в результате недально-

видной позиции, занятой правительством Екатерины II. Это подтверждается тем, что вплоть до конца 1766 г. Пруссия оказывала полную официальную поддержку всем мерам русского правительства в интересах "диссидентского дела" и, вместе с тем, не переставала предупреждать Петербург об опасности обострения кризиса в Польше.

Одновременно Фридрих II упорно настаивал на своем нежелании усилить прусское вмешательство во внутренние дела Польши в интересах диссидентов²¹¹. Критический момент в русско-прусских отношениях в связи с событиями в Польше наступил в октябре 1766 г. Финкенштейн и Гертцберг писали Сольмсу, что, по их сведениям, "дело диссидентов идет как нельзя хуже... что умы (в Польше. — Б.Н.) раздражены до такой степени, что ни угрозы, ни даже появление русских войск в имениях людей неблагонамеренных не произведут того действия, которого ожидали от этих попыток"²¹². Аналогичного мнения придерживался и Сольмс, когда 14/3 октября сообщал Фридриху II, что "дела Польши достигли в настоящее время такого кризиса, что у русского министерства полны руки хлопот". Он передал просьбу Панина произвести передвижение прусских войск вблизи польских границ, что, как мы видели ранее, входило в планы Репнина по образованию диссидентской конфедерации; на такую просьбу Сольмс ответил решительным отказом²¹³. Наконец, 17/6 октября 1766 г. посол доносил в Берлин об уверениях Панина, "что Ваше величество (Фридрих II. — Б.Н.) ничем не будете рисковать, если, в случае образования в Польше диссидентской конфедерации, пожелаете принять более непосредственное в ней участие, приказав ввести в это королевство свои войска для поддержания ее. Он убежден, что войскам достаточно будет тронуться, чтобы напугать поляков, и что австрийцы, опасаясь, не имеют ли оба двора тайных видов вовлечь их в ссору и тем доставить себе повод напасть на них, воздержатся от всякого вмешательства, чтобы не обратить эти дворы против себя. Граф Панин часто говорит мне это, причем указывает на выгоды, которые Ваше величество могли бы прежде доставить, вознаградив себя в самой стране за незначительные издержки, сопряженные с передвижением войска, и затем приучив поляков исполнять на будущее время с большею готовностью то, чего от них требуют. Наконец, он многого ожидает от того впечатления, которое будет произведено на другие державы предприятием, сообщая обдуманном и исполненным Вашим величеством и Россней"²¹⁴. Н.Д.Чечулин усматривал в этих словах Н.И.Панина один из первых намеков российского министра на возможный раздел Польши²¹⁵.

Однако в Берлине в данном случае совершенно не поняли "намёка". В своем ответе Сольмсу Финкенштейн и Гертцберг от имени короля писали: "Не скрою от вас своего крайнего удивления видеть, что русский двор, получив от меня в делах Польши всё, что только могла требовать от моей лобезности самая тесная дружба, заходит в своих претензиях в этом отношении всё далее и теперь даже желает, чтобы в случае образования диссидентской конфедерации я ввел в Польшу свои войска. Гр.Панин должен бы был вспомнить, что, согласно всему сказанному и несколько раз повторенному им вам от имени его государыни, она требовала от меня только деклараций, способных убедить поляков в тождестве наших взглядов на восстановление прав диссидентов и что, если окажется необходимым подкрепить декларации действиями более серьезными, то русский двор один берет на себя исполнить это и не попросит моего соучастия. Между тем гр.Панин... высказывается и желает теперь склонить меня на открытые враждебные действия против республики... Гр.Панин легко может ошибаться в своем взгляде, рассчитывая на равнодушие венского двора к таким угрожающим зрелищам и придавая ему так мало значения в будущем. Но если бы даже императорский двор и закрыл глаза на поступки, которые злоба может представить в таком прискорбном свете, то уверено ли петербургское министерство, что Оттоманская Порта не испугается их и будет спокойно взирать на смуты в соседнем государстве. Как бы то ни было, но вам достаточно известны мои намерения в этом отношении и мое удаление от всего того, что могло бы снова разжечь в Европе огонь... Поэтому вы будете по-прежнему отклонять всякое предложение гр.Панина вроде того, о котором вы мне доносите, и скажете, хотя как можно вежливее, что вы впредь уверены в бесполезности обращаться с ними ко мне и что я надеюсь, что императрица должна быть уже более чем довольна содействием, оказанным мною до сих пор в делах Польши"²¹⁶. Не следует думать, что депеше Сольмса просто не придали значения и ограничились лишь изложением вновь ранее определенной позиции, так как, помимо ответа своих министров, сам Фридрих II днем ранее, 3 ноября 1766 г., счел нужным написать своему послу в Петербург, подробно описывая военные приготовления Австрии и вновь, вопреки показному оптимизму Н.И.Панина, настоятельно выражая сомнение в успехе "диссидентского дела"²¹⁷. Наконец, на рубеже 1766–1767 гг., после того как сейм в Варшаве завершил свою работу, прусский король в ответ на настояния Петербурга продолжить усилия для достижения равноправия диссидентов подтвердил неизменность своей позиции²¹⁸.

Нельзя сказать, что в России не считались с возможностью вмешательства Австрии в польские дела в связи с "диссидентским делом". Русский посол в Вене Д.М.Голицын внимательно следил за изменениями в австрийской политике, за военными приготовлениями Вены. Однако только в ноябре 1766 г. он смог совершенно успокоить петербургский двор, сообщив, что Австрия "никакого поныне не оказывает намерения к принятию участия в делах настоящего варшавского сейма", что хотя сношения об этом между Австрией и Францией и происходили по просьбам польского двора, но такое вмешательство противоречило бы интересам обоих государств. Голицын сообщал также, что на письма К.Солтыка ни Австрия, ни Франция отвечать не будут, так как письма эти были посланы от частного лица, а не от республики²¹⁹.

Несогласованность позиции России и Пруссии в диссидентском вопросе не могла не проявиться и в Варшаве в отношениях между Н.В.Репниным и Г.Бенуа. О значении, придаваемом в Петербурге совместным действиям представителей России и Пруссии в Польше в связи с делом диссидентов, свидетельствует депеша Панина от 21/10 сентября 1766 г., в которой Репнину предписывалось "вступить... в теснейшее с прусским резидентом согласие и стараться довести его до того, чтоб он вместе с вами или скоро после вас учинил такой же торжественный пред республикою поступок, какой и вы учинить иместе. Если г.Бенуа извиняться станет недостатком инструкций, убеждайте его испросить оных как наискорее от двора своего, дабы во всех обстоятельствах диссидентского дела всячески вам содействовал и подвиги ваши подкреплял по точной силе принятых в том его прусским величеством особливых с нами обязательств... дабы из того поляки единожды навсегда заключить могли, что король прусский сугубо обязан содействовать намерениям Е.И.В. в пользу диссидентов"²²⁰.

Однако, несмотря на внешнюю демонстрацию русско-прусского единодушия, в донесениях Репнина всё настойчивее звучала настороженность в связи с поведением Бенуа. 22/11 сентября 1766 г. он доносил в Петербург, что прусский резидент получил текст прусской декларации по диссидентскому вопросу и инструкцию взять публичную аудиенцию на сейме. "Но кажется мне, – продолжал Репнин, – он в сем колеблется, ища затруднений (от себя ли или по тайному повелению своего двора, того не знаю), говоря, что тяжело будет в церемониях согласиться... однако я стану его склонять к оной сколь возможно, ибо важности и силы в публике сие много придало диссидентскому делу"²²¹. Эта депеша была отправлена в Петербург уже после получения прусским резидентом от

Фридриха II инструкции о тайном противодействии усилиям России в диссидентском вопросе, из чего можно заключить, что справедливы подозрения Репнина об инсценировке затруднений самим Бенуа с получением аудиенции на сейме. А это в свою очередь свидетельствует о степени влияния прусского посланника в сенате и в окружении Станислава Августа, так как вопрос об аудиенции решался королем и канцлерами А.Замойским и М.Чарторыским. Отказ в аудиенции Бенуа получил и после открытия сейма, несмотря на повышение его дипломатического ранга и энергичные протесты по этому поводу²²². В конце концов аудиенция Бенуа на сейме состоялась 12 ноября 1766 г. после выслушания папского нунция²²³, но добиться привлечения прусских войск для поддержки диссидентской конфедерации ни Панину в Петербурге, ни Репнину в Варшаве не удалось.

Вопрос этот в переписке Н.И.Панина и Н.В.Репнина был поставлен еще в сентябре 1766 г., ранее, нежели он начал обсуждаться между Петербургом и Берлином. 21/10 сентября 1766 г. Панин наставлял Репнина внушать полякам, что неуступчивость в деле диссидентов не только корпус Салтыкова, "но и гораздо большее число войск обоих соседних дворов, нашего и берлинского, в земли республики вовлечь может"²²⁴. Угроза, прозвучавшая в депеше Панина, была передана Репниным Станиславу Августу. Но, как писал посол, "сие столь же мало помогло, как и прочие мои представления"²²⁵. Судя по донесениям Репнина, ни польский король, ни Чарторыские никоим образом не проявили обеспокоенности в связи с опасностью вступления прусских войск в Польшу. Это тем более удивительно, что обычно в Варшаве всегда чрезвычайно болезненно реагировали на любое проявление прусской военной активности на границе между двумя странами. Безразличная реакция польского двора на угрозу Репнина могла иметь только одно объяснение: король и Чарторыские были, вероятно, вполне уверены, что в данном случае эта угроза не будет иметь последствий, а источником такой уверенности могли быть только действия Бенуа.

Вопрос об активизации поддержки "диссидентского дела" был вновь поднят Репниным в связи с планом составления конфедерации диссидентов. Сообщая о своих беседах с Бенуа по этому поводу, русский посол в депеше от 30/19 ноября 1766 г. доносил, что прусский резидент убеждал его отказаться от организации диссидентской конфедерации, "представляя опасности, уже выше изъясненные, и все следствии духовной войны, которое, думаю, не без наставления делает". "И, следовательно, — продолжал Репнин, — надлежит от прусского двора требовать,

чтоб немедленно к нему сюда наставлении были присланы согласно со мной поступать, то же письменно и словесно отзываться. А я, видя его от сего дела отдаление, с ним не весьма об оном открываюсь и только в генеральных терминах (понеже он уже через графа Сольмса оное знает)²²⁶. Как видно из этой депеши, возражая против образования диссидентской конфедерации, Бенуа повторил Репнину аргументы Фридриха II, сообщенные через Сольмса петербургскому двору.

Как бы ни относилось русское правительство к доводам прусского короля, оно должно было обязательно принять в расчет позицию своих возможных противников Австрии, Франции и Турции, а также выяснить отношение к диссидентской конфедерации Англии и Дании, которые, хотя и весьма опосредованно, но поддержали демарш России на сейме 1766 г., представив свои декларации в поддержку диссидентов. Их участие или неучастие на стороне России в "диссидентском деле" в будущем могло бы иметь немаловажное значение, ибо предоставляло Варшаве возможность дипломатического маневра: истолковать возможное молчание Лондона и Копенгагена для ослабления международных позиций России. На важность дипломатической подготовки будущей конфедерации Репнин также указывал Панину²²⁷. Таким образом, требовалось время для определения нового плана России в диссидентском вопросе и подготовки условий для его реализации. Поэтому образование диссидентской конфедерации после сейма 1766 г. было отложено на следующий, 1767 год.

* * *

Подводя итоги усилий России в диссидентском вопросе по окончании Варшавского сейма 1766 г., можно заключить, что истекший год завершился для русской политики еще более неудачно, чем два предыдущих, хотя, как и ранее, домогательства России не были отвергнуты полностью и, главное, бесповоротно. Большинство требований диссидентов в собственно религиозных вопросах было удовлетворено, хотя и с оговорками, а антидиссидентский проект К.Солтыка не был принят. Это обстоятельство и дало повод Фридриху II заявить, что единственным основанием для жалоб диссидентов остается то, что их не допускают к общественным должностям, но, по мнению прусского короля, которое он хотел внушить и Н.И.Панину, "подобные пустяки, право, не заслуживают таких больших хлопот"²²⁸. Казалось бы, что в Петербурге

могли удовлетвориться достигнутым успехом или, по крайней мере, изобразить видимость такого удовлетворения, что, собственно, и предлагал сделать Фридрих II.

Однако, несмотря на это, неудача русской политики в диссидентском вопросе воспринималась и в России, и в Польше весьма болезненно и со всей серьезностью. И в Петербурге, и в Варшаве были убеждены в неизбежности дальнейшей конфронтации по вопросу о политических правах диссидентов, в ходе которой Россией будет открыто применена военная сила. Решение действовать таким образом было принято петербургским двором еще на рубеже 1765–1766 гг., но оно пока осталось не осуществленным. Внешне временный отказ России от применения силы связывался с переговорами, проведенными в Петербурге в июне–июле 1766 г. Ф.Ржевуским, когда, казалось, правительство Екатерины II согласилось с доводами Станислава Августа и его представителя и пошло на польского короля и Чарторьских в деле достижения равноправия диссидентов. Однако, разумеется, не уговоры Ржевуского сыграли при этом решающую роль. Думается, что нерешительность в действиях Петербурга в диссидентском вопросе в определенной мере стала отражением внутренних разногласий в российских правящих кругах относительно тактики реализации польской политики. Об этом косвенно свидетельствовала несогласованность в действиях русского посольства в Варшаве и Георгия Конисского и стоящих за ними соответственно Коллегии иностранных дел и Синода. О разногласиях в Петербурге по польским делам догадывались в Варшаве. Не случайно К.Солтык обратился к Г.Г.Орлову с жалобой на действия Репнина²²⁹, а Станислав Август направил Ф.Ржевуского в Петербург, надеясь добиться смягчения позиции России в диссидентском вопросе, хотя ему было, несомненно, хорошо известно, что сам Н.В.Репнин не был сторонником предоставления диссидентам сословного и гражданского равенства с католиками. Его переписка с Паниным по этому вопросу содержит недвусмысленную критику действий Петербурга. Однако сам Н.И.Панин не только избегал докладывать его мнение Екатерине II, но и сам не стремился вплоть до конца августа 1766 г. открыто определить собственную позицию. Поэтому можно со значительной долей уверенности констатировать, что решающее влияние на направление русской политики в диссидентском вопросе оказывало не столько давление коллективного мнения правящих кругов России, сколько собственная позиция Екатерины II, которая в решающий момент высказалась за ориентацию на Чарторьских.

Следует признать, что такая позиция не была необоснованной. Несмотря на недовольство поведением Чарторьских, постепенно накапливавшееся в Петербурге, начиная с 1765 г., там отдавали себе отчет, что в Польше нет другой магнатской группировки, которая могла бы служить проводником политики России. Потоцкие и их сторонники не обладали достаточным влиянием, тем более невозможно было опираться на них в диссидентском вопросе. Таким образом, решение об опоре на "фамилию" не было ошибочным. Причина неудачи коренилась не в выборе той или иной магнатской группировки, а в самой ориентации на магнатство, в стремлении путем соглашения с одной из магнатских партий решить диссидентский вопрос при сохранении пассивного и безучастного отношения к нему шляхты. Подъем антидиссидентских и антироссийских настроений в Польше, прежде всего в среде рядовой шляхты, определенно свидетельствовал о несостоятельности такой политики. Со всей очевидностью это проявилось в ходе сеймиков и особенно на сейме 1766 г.

Разумеется, именно негативное отношение католического духовенства и шляхты к российской диссидентской политике стало решающим условием, определившим нежелание Чарторьских, как и других магнатских группировок, пойти навстречу требованиям России и удовлетворить ее ультиматум, фактически предъявленный Станиславу Августу и "фамилии" в сентябре 1766 г. Однако переговоры Н.В.Репнина с королем и Чарторьскими в Варшаве и Ржевуского в Петербурге осенью 1766 г. недвусмысленно выявили связь между диссидентским вопросом, с одной стороны, и проблемами реформирования государственного строя Речи Посполитой и русско-польского союза – с другой. Вследствие этого попытка России представить диссидентский вопрос как абсолютно самостоятельное направление русской политики в Польше, продиктованное якобы только стремлением "в духе времени" добиться справедливости и равноправия для иноверцев, оказалась неудачной. О том, что именно эти цели прокламировались в Петербурге, свидетельствовали не только официальные декларации, но и вполне доверительные беседы Панина с Сольмсом, который потом доносил в Берлин о бескорыстных намерениях русской императрицы. Вопрос о том, было ли это бескорыстие искренним или мнимым, имеет значение только с точки зрения оценки степени субъективного осознания петербургской дипломатией содержания собственной политики. Объективно же тесная связь диссидентского вопроса со всем комплексом военных и политических мероприятий России в Польше указывает, что цели "диссидентского де-

ла" отнюдь не ограничивались просто достижением сословного и гражданского равноправия для дворян-некатоликов в Речи Посполитой.

Наконец, колебания и непоследовательность диссидентской политики России объяснялись не только внутренними коллизиями в Петербурге и в Варшаве, не только обстоятельствами развития собственно российско-польских отношений, но и проведением европейских держав. Открыто враждебная позиция Австрии, Франции и Турции польской политике Петербурга, поддержанная также папским престолом, таила в себе опасную возможность открытого военного вмешательства. Хотя Англия и Дания формально и поддерживали политику России в диссидентском вопросе, выступив с соответствующими декларациями, но в Петербурге отнюдь не были уверены в том, до каких пределов будет простирается эта поддержка, особенно при обострении кризиса в Польше и тем более в случае, если он приобретет международный характер. И даже ближайший союзник России, Фридрих II, не только стремился убедить её не предпринимать дальнейших активных действий в диссидентском вопросе, не только пытался уклониться от вмешательства во внутренние дела Польши в интересах русской политики в пользу диссидентов, но и скрытно ей противодействовал в период Варшавского сейма 1766 г.

Примечания

¹ См., например: *Lubińska M.C.* Sprawa dysydencka 1764–1766. Kraków – Warszawa, 1911; *Rudnicki K.* Biskup Kajetan Sołtyk 1715–1788. Kraków, 1906; *Kraushar A.* Książę Repnin a Polska. Kraków, 1898. Т. I.

² *Korzona T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794). Kraków – Warszawa, 1897. Т. I. S. 163–216.

³ *Konopczyński W.* Dzieje Polski nowożytnej. W-wa, 1986. Т. I. S. 182–183; *Idem.* Fryderyk Wielki a Polska. Poznań, 1947. S. 118–119.

⁴ *Michalski J.* Początki panowania Stanisława Augusta (1764–1772) // Historia dyplomacji polskiej. W-wa, 1982. Т. II. S. 10.

⁵ *Cegielski T., Kądziała L.* Rozbiory Polski 1772–1793–1795. W-wa, 1990. S. 95–101.

⁶ *Kriegseisen W.* Ewangelicy polscy i litewscy w epoce saskiej (1696–1763). W-wa, 1996.

⁷ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805.

⁸ *Соловьев С.М.* История падения Польши. М., 1863. Далее ссылки даются по современному изданию: *Соловьев С.М.* Соч. В 16 кн. М., 1995. Кн. XVI. С. 405–468; *Он же.* История России с древнейших времен // Там же. В 16 кн., М., 1994. Кн. XIV; *Щебальский П.К.* Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II. М., 1864; *Каялович М.О.* История воссоединения западно-русских униатов старых времен. М., 1873.

⁹ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1896; *Ключевский В.О.* Соч. М., 1858. Т. 5. С. 39–64.

¹⁰ См.: История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 3. С. 518–519.

¹¹ История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1983. С. 349.

¹² См.: История Белорусской ССР. Минск, 1977. С. 82–85; История Украинской ССР. Киев, 1983. Т. 3. С. 510–520.

¹³ История Польши. М., 1956. Т. 1. С. 378–380 (в вышедшей недавно в свет "Краткой истории Польши" этот вопрос из-за ограниченного объема издания не затрагивается).

¹⁴ Дружинина Е.И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 г. (Его подготовка и заключение). М., 1955; Гендель Г.М. Австрийская дипломатия во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Ученые записки Саратовского ун-та. 1947. Вып. 43; Юсупов Р.Р. Речь Посполитая и русско-турецкие войны второй половины XVIII в. МГУ. 1980 (Дисс... канд. ист. наук).

¹⁵ Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. СПб., 1880. Т. V. Трактаты с Германией. С. 327–328.

¹⁶ Архив князя Воронцова. М., 1875. Т. VII. С. 542–567.

¹⁷ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. V. С. 389–408.

¹⁸ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Краткое известие претензиям, какие Россия имеет на Королевстве Польском по заключенному с оным в 1686 году мирному трактату. Ф.80. Оп.1. Д.607. Л.115–166 об.

¹⁹ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч. С. 320.

²⁰ Шебальский П.К. Указ. соч. С. 26–27.

²¹ См. Ucheimes Staatsarchiv. Preußischer Kulturbesitz (далее – GStA). HAI. Abt. 9 (Polen). N 9n 49 – 9n 52. Religionssachen in Polen.

²² GStA. HAI. Abt. 9 (Polen) N 9n 59. См. переписку Фридриха II с П.Грабовским, старостой чехенским. 1761–1762 гг.

²³ Российский государственный архив древних актов. Ф.12. Оп. 1. Д. 111. Л. 11–14 об.

²⁴ Там же. Л. 15–18 об.

²⁵ Там же. Л. 1–4.

²⁶ Там же. Л. 5.

²⁷ Саловьев С.М. Соч. М., 1994. Кн. XIII. С. 123–124.

²⁸ Бантыш-Каменский Н.Н. Указ. соч.; Мтпр. Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-русской церкви. СПб., 1827. Т. II. С. 596; Григорович И. [Биография Георгия Конисского] // Конисский Георгий. Собр. соч. СПб., 1861.

²⁹ Lubieńska M. С. Op. cit. S. 7.

³⁰ АВПРИ. Ф.80. Оп.1. 1757 г. Д.5; 1762 г. Д.4.

³¹ Саловьев С.М. Соч. Кн. XIII. С.347; Кн. XVI. С.425.

³² Kriegseisen W. Op. cit. S.252–254.

³³ АВПРИ. Ф.80. Оп.1. Д.665. Л.120–121.

³⁴ Biblioteka Czartoryskich. Dz. Ręk. III. 3852. S. 65–67.

³⁵ GStA. HAI. Abt. 9 N 9n 53. S.13–14.

³⁶ [Friedrich II] Politische correspondenz Friedrichs des Großen. Berlin, 1896. Bd. 23. S.160.

³⁷ GStA. HAI. Abt. 9. N 9n 53. S.30–31.

³⁸ См.: *Michalski J. Sprawa dysydencka a zagadnienia gospodarcze w opinii publicznej w pierwszych latach panowania Stanisława Augusta // Przegląd Historyczny. 1949. N 40. S. 156–163.*

³⁹ [*Friedrich II*] *Politische correspondenz...* Bd.23. S.398, 407, 426–427.

⁴⁰ Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1878. Т.22. С.129–130.

⁴¹ Там же. С.180.

⁴² Там же. С.199.

⁴³ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.839. Л.19; Сб. РИО. СПб., 1886. Т.51. С.496.

⁴⁴ Сб. РИО. Т.22. С.257.

⁴⁵ Там же. Т.51. С.273–274.

⁴⁶ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.849. Л.36.

⁴⁷ *Archivio Segreto Vaticano* (далее – ASV). *Polonia. Vol. 275. P.128**.

⁴⁸ *Мартенс Ф.Ф.* Указ.соч. Т.V. С.408.

⁴⁹ *Łubierska M. C.* Op. cit. S. 20–21.

⁵⁰ ASV. *Polonia. Vol. 277. P.272–273.*

⁵¹ *Łubierska M. C.* Op. cit. S. 21–22.

⁵² ASV. *Polonia. Vol. 277. P.284–286.*

⁵³ АВПРИ. Ф.80. Варшавская миссия. Оп.1. Д.759. Л.12–16.

⁵⁴ Там же. Л.1–11.

⁵⁵ Сб. РИО. Т.22. С.261.

⁵⁶ Там же. Т.51. С.399.

⁵⁷ Там же. Т.22. С.302–304.

⁵⁸ Там же. С.257.

⁵⁹ Там же. Т.51. С.426–428, 485–487.

⁶⁰ Там же. Т.22. С.304.

⁶¹ Там же. СПб., 1901. Т.109. С.88–89.

⁶² ASV. *Polonia. Vol. 277. P.301–302.*

⁶³ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.850. Л.15 об.

⁶⁴ *Volumina legum.* СПб., 1860. Т.7. *Konfederacja generalna.* S.8.

⁶⁵ *Ibid.* Т.7. *Articuli ractorum conventorum.* S.98.

⁶⁶ *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ.соч. С.325–326. Прим.1.

⁶⁷ Сб. РИО. СПб., 1887. Т.57. С.8.

⁶⁸ Там же. С.19–20.

⁶⁹ Там же. С.34.

⁷⁰ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.850. Л.69–70 об.

⁷¹ Там же. Д.65. Л.1–2 об.; Частично письмо процитировано С.М. Соловьевым (См.: *Соловьев С.М.* Соч. Кн. XVI. С.419–420).

⁷² АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.850. Л.81–81 об.

⁷³ *Rudnicki K.* Op. cit. S.87–88.

⁷⁴ ASV. *Polonia. Vol. 277. P.457–458.*

⁷⁵ *Łubierska M. C.* Op. cit. S. 39.

⁷⁶ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.850. Л.106–109 об.; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. XIII. С.350–352.

⁷⁷ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.872. Л.123–124 об.

* Материалы Секретного архива Ватикана были предоставлены нам Консультационным центром Папского института церковных исследований в Варшаве.

- ⁷⁸ Сб. РИО. Т.57. С.171.
- ⁷⁹ Там же. С.180.
- ⁸⁰ Там же. Т.22. С.355–356.
- ⁸¹ Там же. С.367–370.
- ⁸² Там же. Т.57. С.334–340.
- ⁸³ Там же. Т.22. С.303–304.
- ⁸⁴ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.865. Л.49–49 об.
- ⁸⁵ Сб. РИО. Т.57. С.180.
- ⁸⁶ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.866. Л.26–26 об.
- ⁸⁷ Там же. Л.74–80 об.
- ⁸⁸ Там же. Л.78 об.
- ⁸⁹ Там же. Д.849. Л.29–30 об.
- ⁹⁰ Там же. Д.868. Л.57–61.
- ⁹¹ Там же. Д.870. Л.161–172.
- ⁹² Там же. Д.871. Л.47–50.
- ⁹³ Там же. Л.102–104 об.
- ⁹⁴ Там же. Л.105–106 об.
- ⁹⁵ *Коялович М.О.* Указ.соч. С.22.
- ⁹⁶ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.868. Л.79–80.
- ⁹⁷ См.: Там же. Д.872. Л.74–77. – Доношение Георгия Конисского с примечаниями Н.В.Репнина; *Саловьев С.М.* Соч. Кн. XIII. С.428–429; Кн. XVI. С.425–426.
- ⁹⁸ *Lubieńska M. C.* Op. cit. S. 53.
- ⁹⁹ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.872. Л.76 об.–77.
- ¹⁰⁰ Сб. РИО. СПб., 1889.Т.67. С.267–268.
- ¹⁰¹ *Коялович М.О.* Указ.соч. С.18–27.
- ¹⁰² Сб. РИО. Т.57. С.338.
- ¹⁰³ Там же. Т.22. С.415–420.
- ¹⁰⁴ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.882. Л.27–29. – Постскрипtum к депеше Н.В.Репнина – Н.И.Панину, 20/9 января 1766 г.; *Саловьев С.М.* Соч. Кн. XIV. С.135–136.
- ¹⁰⁵ Сб. РИО. Т.57. С.448–449.
- ¹⁰⁶ Там же. С.501–502.
- ¹⁰⁷ Там же. С.542–543.
- ¹⁰⁸ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.883. Л.157 об.
- ¹⁰⁹ Сб. РИО. Т.22. С.455–458.
- ¹¹⁰ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.885. Л.12–20.
- ¹¹¹ *Lubieńska M. C.* Op. cit. S. 76.
- ¹¹² *Коялович М.О.* Указ.соч. С.27–40.
- ¹¹³ ASV. Polonia. Vol. 276. P.38–39.
- ¹¹⁴ *Ibid.* P.70–71.
- ¹¹⁵ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.882. Л.60–61 об.
- ¹¹⁶ Там же. Д.879. Л.35–35 об.
- ¹¹⁷ Там же. Л.36–47 об.
- ¹¹⁸ Там же. Д.883. Л.97.
- ¹¹⁹ Там же. Д.879. Л.55–56 об.
- ¹²⁰ Там же. Д.882. Л.60–61 об.
- ¹²¹ Там же. Д.883. Л.153–157 об.
- ¹²² Сб. РИО. Т.67. С.9–20.
- ¹²³ Там же. С.49–52.
- ¹²⁴ Там же. С.41–43.

- ¹²⁵ Там же. С. 76–84.
¹²⁶ Там же. С. 77.
¹²⁷ Там же. С. 78–79.
¹²⁸ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 877. Л. 34 об.–36 об., 39–39 об.
¹²⁹ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 592. Л. 5–8 об.
¹³⁰ Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 884. Л. 13–27 об.
¹³¹ Там же. Л. 6–9.
¹³² Там же. Л. 10–11.
¹³³ Там же. Л. 9.
¹³⁴ Там же. Л. 86.
¹³⁵ Там же. Л. 81.
¹³⁶ Там же. Д. 885. Л. 25–26 об.
¹³⁷ Там же. Д. 884. Л. 6–9.
¹³⁸ Там же. Д. 885. Л. 3–6.
¹³⁹ Там же. Л. 10–11 об.
¹⁴⁰ Там же. Л. 32–39.
¹⁴¹ Там же. Л. 53–55 об.
¹⁴² Там же. Д. 886. Л. 123–123 об.
¹⁴³ Там же. Л. 125–126.
¹⁴⁴ Там же. Л. 1–4.
¹⁴⁵ Там же. Д. 885. Л. 10–11 об.
¹⁴⁶ Там же. Д. 886. Л. 13–14, 46 об.
¹⁴⁷ Там же. Л. 46–48.
¹⁴⁸ Там же. Л. 71 об.
¹⁴⁹ Там же. Л. 46–47 (см. резолюцию Екатерины II на л. 46 об.); Сб. РИО. Т. 67.

С. 100.

- ¹⁵⁰ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 51–61.
¹⁵¹ Там же. Д. 887. Л. 4–5 об.
¹⁵² Там же. Л. 1–3.
¹⁵³ Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 759. Л. 84–87.
¹⁵⁴ Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 886. Л. 47.
¹⁵⁵ Там же. Д. 887. Л. 18–24.
¹⁵⁶ Сб. РИО. Т. 67. С. 130.
¹⁵⁷ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 68–73 об.
¹⁵⁸ *Соловьев С.М.* Соч. Кн. XIV. С. 141–144.
¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 92.
¹⁶⁰ Сб. РИО. Т. 22. С. 520.
¹⁶¹ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 102–103. – Копия письма Н.В.Репнина генерал-майору Салтыкову от 5 октября/24 сентября 1766 г.
¹⁶² Сб. РИО. Т. 67. С. 144–146; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. XIV. С. 146.
¹⁶³ АВПРИ. Ф. 79. Оп. 6. Д. 887. Л. 62 об.–63.
¹⁶⁴ Там же. Л. 86.
¹⁶⁵ Там же. Л. 58–60.
¹⁶⁶ Там же. Л. 125–126 об.
¹⁶⁷ Там же. Л. 130–137.
¹⁶⁸ Там же. Д. 880. Л. 1–3. – Приложение к реляции Н.В.Репнина от 16/5 октября 1766 г.
¹⁶⁹ *Соловьев С.М.* Соч. Кн. XIV. С. 146–147.
¹⁷⁰ *Łubieńska M.* С. Ор. cit. S. 109–118.

- ¹⁷¹ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.888. Л.16 об.
- ¹⁷² Сб. РИО. Т.67. С.149–155, 160–163.
- ¹⁷³ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.888. Л.88–93.
- ¹⁷⁴ Сб. РИО. Т.67. С.174–176.
- ¹⁷⁵ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.155. Л.20–27 об.; Сб. РИО. Т.67. С.178–182.
- ¹⁷⁶ Сб. РИО. Т.67. С.176–178.
- ¹⁷⁷ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.888. Л.73–80.
- ¹⁷⁸ О ходе аудиенции Н.В.Регнин сообщил Екатерине II в реляции от 8 ноября/28 октября 1766 г. (См.: АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.880. Л.36–39); О церемониале аудиенции см.: Там же. Л.38–43; Речь А.Замойского, вел. канцл. кор. см.: Там же. Л.44–47.
- ¹⁷⁹ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.889. Л.49–52.
- ¹⁸⁰ Там же. Ф.80. Оп.1. Д.759. Л.94–95.
- ¹⁸¹ Там же. Ф.79. Оп.6. Д.889. Л.89–90 об.
- ¹⁸² Там же. Л.97–98.
- ¹⁸³ Там же. Д.881. Л.81–81 об.
- ¹⁸⁴ Там же. Д.887. Л.23–23 об.
- ¹⁸⁵ Там же. Л.89 об.–90.
- ¹⁸⁶ Там же. Л.123–124.
- ¹⁸⁷ Там же. Л.129–129 об.
- ¹⁸⁸ Там же. Л.134 об.–136.
- ¹⁸⁹ Там же. Д.881. Л.22–26.
- ¹⁹⁰ Там же. Д.888. Л.114–117 об.
- ¹⁹¹ *Kriegseisen W.* Op. cit. S.70–74.
- ¹⁹² АВПРИ. Ф.80. Оп.1. Д.759. Л.89–90.
- ¹⁹³ Там же. Ф.79. Оп.6. Д.889. Л.65–70 об.
- ¹⁹⁴ Там же. Л.48; Ф.32. Оп.6. Д.455. Л.50–52 об.
- ¹⁹⁵ Там же. Ф.79. Оп.6. Д.887. Л.73 об.
- ¹⁹⁶ Там же. Д.889. Л.83–84 об.
- ¹⁹⁷ Там же. Л. 67 об.–68.
- ¹⁹⁸ Там же. Д.887. Л.73 об.
- ¹⁹⁹ Там же. Д.888. Л.77 об.–78.
- ²⁰⁰ Сб. РИО. Т.67. С.178–182.
- ²⁰¹ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.887. Л.138–138 об.; Д.888. Л.107 об.–108; Д.889. Л.5–7 об.
- ²⁰² *Соловьев С.М.* Соч. Кн. XIV. С.152.
- ²⁰³ [*Friedrich II*] Politische correspondenz Friedrich des Großen. Berlin, 1896. Bd.25. S.33–36; Сб. РИО. Т.22. С.415–420.
- ²⁰⁴ GStA. HAI. Abt. 9 (Polonia). N 27–176. S.20–21.
- ²⁰⁵ [*Friedrich II*] Politische correspondenz... Bd. 25. S.59–60.
- ²⁰⁶ Ibid. S.172–173. (Ответ Фридриха II Сольмсу отсутствует в публикации Русского исторического общества.)
- ²⁰⁷ Ibid. S.182–183; См. также: Сб. РИО. Т.22. С.462–463.
- ²⁰⁸ Сб. РИО. Т.22. С.469–472.
- ²⁰⁹ [*Friedrich II*] Politische correspondenz... Bd. 25. S.193–194.
- ²¹⁰ Ibid. S.214.
- ²¹¹ Ibid. S.260.
- ²¹² Сб. РИО. Т.22. С.486–487.
- ²¹³ Там же. С.493–496.
- ²¹⁴ Там же. С.499–500.

²¹⁵ Чечулин Н.Д. Указ.соч. С.378–379.

²¹⁶ Сб. РИО. Т.22. С.501–502.

²¹⁷ [Friedrich II] Politische correspondenz... Bd. 25. S.285–286.

²¹⁸ Сб. РИО. Т.22. С.568–572; 573–576; [Friedrich II] Politische correspondenz... Bd. 25. S.343–346.

²¹⁹ АВПРИ. Ф.32. Оп.6. Д.455. Л.40–42 об.

²²⁰ Сб. РИО. Т.67. С.113–114.

²²¹ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.887. Л.62–62 об.

²²² Там же. Д.888. Л.1–2 об.

²²³ Там же. Д.881. Л.4–4 об.

²²⁴ Сб. РИО. Т.67. С.113.

²²⁵ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.887. Л.106.

²²⁶ Там же. Д.889. Л.68 об.

²²⁷ Там же. Л.69.

²²⁸ Сб. РИО. Т.22. С.574. (Депеша Фридриха II Сольмсу от 28 декабря 1766 г.).

²²⁹ Соловьев С.М. Соч. Кн. XIV. С.138.

Проблема русско-польского союза в первые годы правления короля Станислава Августа

Когда под конец жизни Станислав Август Понятовский писал мемуары, на страницах которых размышлял, в частности, о возможных, открывавшихся перед Польшей во время его правления, ему, видимо, представлялось, что особо значительным (но не реализованным) шансом мог стать антитурецкий союз Речи Посполитой и России¹. В плане данной проблемы наиболее важными годами истории считают начальный этап правления Понятовского, так как лишь применительно к этому периоду существуют доказательства инициативы Петербурга, нацеленной на альянс с Варшавой². Настоящая статья посвящена более пристальному рассмотрению таких доказательств под двойным углом зрения: во-первых, чтобы выяснить, каковы были действительные шансы на заключение союза, и во-вторых, чтобы попытаться определить те выгоды, которые он мог бы дать обеим сторонам.

Упоминание о союзе России и Польши впервые появилось в донесении прусского посла в Петербурге Виктора Сольмса от 18 сентября 1764 г. Сообщение касалось беседы посла с руководителем российской внешней политики Н.И.Паниным: рассуждали о представленном Францишком Жевуским, дипломатическим представителем Речи Посполитой в России, предложении Станислава Августа частично ограничить право "либерум вето". "Граф Панин, – говорилось в донесении Сольмса Фридриху II, – одобрил это предложение. Ему кажется, что установленная между его двором и Вашим Величеством система выиграет, если Польша достигнет положения, в котором она может быть сколь угодно полезна для своих союзников, а по отношению к России – в состоянии будет хотя бы частью возместить, в случае войны с Портою, потерю, которую она почувствует, лишившись искренней помощи Австрии... Поэтому, имея целью поставить Польшу на ту ступень могущества, при которой она могла бы с пользой поддерживать систе-

102

му, он полагает, что, допустив там введение большего порядка в управление правосудия и в устройство торговли и внутренней полиции, эта цель будет достигнута без того, чтобы предстояло опасаться, что подобная реформа сделает Польшу государством, могущество которого будет грозным для ее соседей нового союза, так как последние своим согласным и одинаковым образом действий по отношению к Республике всегда будут сохранять значительную долю участия в управлении ею". В продолжение беседы Панин старался успокоить Сольмса, говоря, что должен еще обсудить представленное Жевуским предложение, о котором, якобы, еще не успел сообщить Екатерине II, и что лишь после возможного одобрения императрицы посол России в Варшаве получит приказ начать переговоры. Он при этом заверил Сольмса, "что ни к чему не будет приступлено прежде, чем состоится формальное соглашение об этом обоих дворов"³.

Тема, затронутая в середине сентября 1764 г., имела продолжение в последующих беседах Панина с прусским послом, которые проходили уже после того, как Берлин отверг возможность проведения даже малейших изменений в государственном устройстве Речи Посполитой⁴. Шеф российской дипломатии полемизировал с мнением прусского монарха и старался убедить Сольмса, что известная модификация внутреннего строя Польши могла бы быть полезной для ее соседей. Декларируя свою уверенность в прочности российско-прусского альянса, Панин подчеркивал, что "присоединение Польши было бы, несомненно, весьма выгодно для этого союза, а в особенности для северной системы; но чтобы ожидать сколько-нибудь действительной пользы от этого государства, ему кажется, что не усиливая его существенно, следует, однако, поставить его в такое положение, при котором оно могло бы сделать некоторые усилия, когда общий интерес нашего союза заставит к ним прибегнуть". Вновь и вновь заверяя, что даже в случае частичного ограничения права "вето" Россия и Пруссия смогут влиять на ход польских сеймов, Панин заявлял, что относительно обсуждаемого вопроса Петербург еще не принял решения и никаких попыток переговоров с поляками не предпринималось⁵.

Лишь в середине ноября 1764 г. Сольмс узнал, что не все польские предложения, касающиеся реформ, были благосклонно приняты Екатериной II. Она категорически отвергла идею голосования большинством на сеймиках, созываемых для избрания депутатов, "выставляя причиною, что теперь не время думать о том, что мы будем делать, если когда-нибудь нам придется заключить союз с Польшей". Что же касает-

ся вопроса о частичном ограничении права "либерум вето" на сеймах, императрица, по словам Сольмса, была склонна согласиться на просьбу поляков⁶.

За две недели до открытия коронационного сейма в Варшаве, который должен был заседать с 3 по 20 декабря 1764 г., тон рапортов Сольмса вдруг коренным образом изменился. К великому сожалению Панина (как считал прусский посол), Екатерина II отвергла все польские предложения и запретила проводить на сейме какие бы то ни было изменения государственного строя. Как доносил Сольмс Фридриху II, императрица доказывала, "что Россия не может согласиться на него теперь, одновременно с предложением о возобновлении союзного трактата, издавна существовавшего между Россией и Республикой, который в настоящее время мог бы быть усилен участием в нем Вашего Величества, и *дав надежды* (курсив мой. – З.З.), что при этом случае можно будет условиться относительно изменений, желаемых Республикою для улучшения внутреннего своего устройства"⁷.

В последней фразе цитированного текста необходимо отметить, что категорически исключая в данный момент согласие на проведение польских реформ, Екатерина "давала надежды" на возможное, но не твердо определенное разрешение провести их в будущем. Возможность эту императрица связывала с будущим вероятным заключением российско-польского союза, причем предусматривала участие в нем Пруссии.

В свете донесения Сольмса выдвигавшаяся Петербургом идея российско-польского союза выполняла две различные функции. В изложении Панина, которого прусский посол считал сторонником соглашения на проведение польских реформ, идея союза служила обоснованием для такого согласия; связь между альянсом и реформами была тесной. В высказываниях Екатерины II эта связь сохранялась, но идея союза служила обоснованию отказа в согласии на реформы; отодвигая заключение союза на неопределенный срок, императрица откладывала также и реформы. В последнем случае идея союза играла не только негативную, но и позитивную роль: альянс становился мерцающим далеко на горизонте манящим призраком, с помощью которого поддерживались надежды поляков на позволение в неопределенном будущем провести реформы. Такой способ отклонения польских обращений по вопросу о реформах должен был с этих пор применяться постоянно.

Судя по донесениям Сольмса, позиция Панина серьезно отличалась от позиции императрицы. Было ли так на самом деле? Пытаясь ответить на этот вопрос, обратимся сначала к мнению С.М.Соловьева.

Упомянув о предложении Жевуского, русский историк писал: «Панин готов был уступить, представляя, что Польша, избавленная от сеймового беззакония, поправивши свою торговлю, юстицию и полицию, может быть полезною союзницею и заменить Австрию относительно турок. Но Сольмс получил из Берлина приказ: "Сохрани Вас Бог помогать предложению Ржевуского!"». Далее Соловьев добавлял, что к огорчению Панина Екатерина II, которую убедили аргументы Фридриха II, запретила проводить преобразование государственного строя Речи Посполитой³.

В свете цитированных выше рапортов Сольмса представляется, что комментарий Соловьева грешит упрощениями. Самое значительное из них заключается в утверждении, что "Панин готов был уступить", тогда как следовало написать, что *Панин выказывал Сольмсу готовность уступить*, т.е. речь шла о *возможности*, а не об уже принятом решении дать согласие России на удовлетворение польских пожеланий. Тот факт, что заявление о "готовности уступить" руководитель российской внешней политики сопровождал оговорками, имеет важное значение и говорит о многом. Поскольку был оставлен открытым вопрос о том, какое решение в конце концов примет Россия, постольку его высказывания в беседах с Сольмсом нельзя трактовать как доказательство того, что Панин действительно был готов согласиться на предложение реформировать государственный строй Речи Посполитой. Реляции Сольмса лишь свидетельствовали, что *Панин хотел, чтобы пруссаки думали, будто Россия может допустить проведение таких реформ*. Может, но еще неизвестно, допустит ли. То, что желательно представить Пруссии в качестве возможности, не обязательно должно соответствовать подлинным желаниям российского руководства. Его настоящие намерения должны были обнаружиться только после принятия Россией окончательного решения.

Если учесть эти соображения, то реален следующий вывод: на основании донесений Сольмса можно заключить, что Панин либо действительно пребывал пока в нерешительности, нужно ли принимать польские предложения, либо же считал невозможным принятие их Россией, но был заинтересован в том, чтобы до поры до времени пруссаки об этом не знали. Второй вариант тем более нужно иметь в виду, что во всех инструкциях, направлявшихся российским послам в Польшу еще до появления меморнала Жевуского, главным принципом было сохранение строя Речи Посполитой в неизменном состоянии⁹.

Часть вопросов, о которых доносил Сольмс, уже 10 октября 1764 г. нашла отражение в инструкции, полученной российским посланником Н.В.Репниным и касавшейся его задач в связи с коронационным сеймом. Императрица давала послу наказ – наряду с усилиями по разрешению проблемы диссидентов в желательном для России духе приложить старания, чтобы через принятие специального акта решить еще четыре вопроса, и прежде всего вопрос о возобновлении либо подтверждении польско-российских договоров 1686 и 1717 гг. "Нам весьма желательно, – говорилось далее в инструкции, – когда бы в том акте и наша гарантия конституции, прав и вольности польской внесена, вышеупомянутая комиссия о границах установлена и особливая негоциация о союзном и оборонительном трактате определена была"¹⁰. Поскольку вопрос о союзном договоре, в отличие от остальных трех пунктов "особливого" акта, никогда раньше не включался в инструкции российским послам в Польшу, наказ, данный Репнину, сопровождался необходимым комментарием: "Ваше собственное в делах знание и искусство несомненно Вам открывают политическую надобность иметь в союзе и оборонительных обязательствах против турок своего и их непосредственного соседа, который по натуре и положению своих земель ... нам и помощником и непосредственною опорой действующим против турок нашим войскам и, наконец, иногда по обстоятельствам и самим театром той войны служить может. Мы полагаем, что таковые выгоды сего союза нам с избытком наградят потерянное противу турок в нашей системе разведением наших интересов с австрийским домом ... Для укрепления здесь определяемой системы необходимо надо иметь в общем союзе его прусское величество, ибо не имея его в том союзе, поляки всегда находиться будут в опасности позади спины своей. Почему и можете Вы купно с его министрами стараться об общей с ним гарантии польской конституции по предписанному здесь Вам плану"¹¹.

Включение в инструкции идеи союза России и Речи Посполитой (который, как и в беседах Панина с Сольмсом, обосновывался тем, что Польша может быть полезна России, принимая во внимание Турцию) сопровождалось и другими важными фактами. Россия имела в виду, что Пруссия *обязана* участвовать в этом союзе, и за такое участие предусматривала для нее награду в форме совместной гарантии польского государственного строя.

Что касается согласия или отказа в вопросе о проведении реформ, то инструкция от 10 октября 1764 г. вызывает удивление, ибо в ней нет ни слова о разрешении реформ. Союз совершенно иначе, чем в донесе-

ниях Сольмса, фигурирует без связи с намерением разрешить корректировку государственного устройства Речи Посполитой. Это означает, что и данный документ, предназначенный лишь для внутреннего пользования, не дает доказательств того, будто кто-либо в Петербурге был готов одобрить польские реформы.

Однако молчание по поводу согласия на реформы не может быть истолковано и как доказательство неразрешения их проводить. Таким доказательством могло бы стать открыто выраженное запрещение реформ. Отсутствие же такого запрета является *argumentum ex silentio*^{*} и как бы косвенным доказательством в пользу предположения, что в Петербурге, вероятно, рассматривалась (по крайней мере, в течение какого-то времени) возможность согласия на преобразования в Польше. Учитывая предыдущие однозначные запреты всяких реформ, следует признать это умолчание слишком слабой уликой, к тому же ее значение снижает и тот факт, что Репнин также не истолковал ее как сигнал, свидетельствующий о произошедшем в Петербурге изменении прежней негативной позиции по вопросу о корректировке внутреннего строя Речи Посполитой.

Прежде чем с невских берегов пришло окончательное решение, посол доносил, что Станислав Август намерен добиться утверждения коронационным сеймом принципа принятия постановлений на сеймиках большинством голосов. Надежды короля на благожелательное отношение Петербурга к этим замыслам основывались на том, что, по его словам, мемориал Жевуского был "с уважением принят и что надежда ему подана о согласии на то, что в оном мемориале изъясняется"¹². Вскоре Репнин начал подозревать, что Варшава думает также об увеличении численности армии, и просил Панина в случае негативного отношения Петербурга к этим планам определенно и твердо заявить об этом Жевускому¹³. Пересылая императрице письмо Станислава Августа от 15 ноября 1764 г., содержавшее просьбу о согласии на введение принципа голосования большинством на сеймиках¹⁴, Репнин советовал Екатерине II лично ответить польскому монарху, "чтобы тем сдержать его патриотический пыл". Посол сообщал, что до получения от императрицы инструкций он намерен активно препятствовать упомянутому проекту Станислава Августа¹⁵. Добавим, что в этом противодействии Репнин руководствовался духом всех прежних инструкций, исходивших из

^{*} Молчаливый аргумент (латин.).

принципа недопущения в Польше каких бы то ни было преобразований государственного устройства.

Окончательное "вето" Петербурга в отношении всех предложений Станислава Августа содержалось в рескрипте Панина, направленном Репнину 22 ноября 1764 г. Отказ обосновывался тем, что неумеренные реформаторские стремления польского короля, возбуждая недовольство враждебных держав, могут "завести в дальнейшие трудности состояние общей северной системы, в которой польский двор сам значную роль иметь может средством его с нами союза". По мнению Панина, отказываясь от проведения реформ на коронационном сейме, Станислав Август должен направить усилия на то, что поручалось Репнину еще в предыдущих инструкциях, т.е. стараться "о благополучном и скором окончании средством одного сейма общих дел между областей наших и о установлении с нами системы особливой дружбы и союза трактатом. Таким образом определяя интересы российские и польские, его величество, конечно, более найдет твердости и силы в своем правлении, нежели всеми другими столь скоровременными поправлениями и новостями в конституции польской"¹⁶. Вновь напоминая, что "особливый" акт, принятия которого коронационным сеймом ожидает Россия, должен включать в себя пункты о возобновлении договора 1686 г., создании комиссии для разрешения пограничных споров и "о заключении особливого трактата дружбы и союза на основании постановляемой в том акте гарантии прерогативам, правам, вольности и конституции польской с настоящим владением земель и областей обеих держав", Панин поручил Репнину "стараться, чтобы негоциация союзного трактата была сюда перенесена и к находящемуся бы здесь польскому министру отправлены были потребные потому инструкции и полна мочь"¹⁷. Явной целью этого последнего поручения было установление Петербургом полного контроля за ходом переговоров.

В рескрипте, обнаружившем подлинную позицию России, реформы исключались, а союз превращался в приманку, в приз, получить который предстояло в неопределенном будущем. Эта приманка должна была в той же мере подсластить горечь отказа, полученного в ответ на просьбу о проведении реформ, насколько и облегчить проведение на коронационном сейме решений, действительно важных для России.

Проблема реформ и проблема союза разделялись, последняя связывалась с вопросом о гарантии, но трактовались они явно неравноценно. Принятие "особливого" акта, которого желала императрица, сделало бы гарантию свершившимся фактом, тогда как в отношении

сделало бы гарантии свершившимся фактом, тогда как в отношении альянса этот акт должен был лишь выразить согласие на открытие переговоров, а привели бы они к заключению союза или нет – неизвестно. Неравноценность трактовки обоих упомянутых вопросов еще ярче проявилась в проектах "особливого" акта, написанных Репниным накануне открытия коронационного сейма или в начале его работы. В одном из этих черновых текстов говорилось: "Поскольку для обоих государств выгодно связать себя крепчайшими узами самой прекрасной дружбы и самого тесного союза, следует помыслить о путях к этому и не теряя времени трудиться, используя первую благоприятную возможность для укрепления этих связей посредством договора о дружбе и оборонительном союзе. Россия же, считая уже Польшу своим другом и союзником и заботясь о ее благоденствии и сохранении как таковой, торжественно гарантирует ее конституцию, права и свободы"¹⁸. В более раннем варианте проекта "особливого" акта этот пункт имел несколько иную концовку, так как завершался утверждением, что "Россия настоящим актом (курсив мой. – З.З.) торжественно гарантирует Польше все принадлежащие ей в данный момент владения равно как и ее конституцию, прерогативы, права и свободы"¹⁹. В обоих вариантах Россия становилась гарантом государственного строя Речи Посполитой взамен даже не за союз, а лишь за *обещание* его возможного заключения.

Анализирувавшиеся выше источники могут быть дополнены секретным свидетельством людей, игравших важнейшую роль в вопросе о союзе. Речь идет об адресованных Екатерине II заметках Панина, которые он сделал на донесении Репнина от 3 декабря 1764 г. Если иметь в виду, что путь из Варшавы в Петербург курьер обычно преодолевал за 11 дней, то эти заметки датируются серединой декабря 1764 г., т.е. временем, когда в Варшаве еще заседал коронационный сейм.

Докладывая о хлопотах по делам, порученным ему для реализации на сейме, Репнин писал о представлении Станиславу Августу мемориала, содержавшего перечень вопросов, которые Россия и Польша должны были урегулировать между собой. Мемориал ссылался на якобы уже ставшее фактом гарантирование Екатериной II польского государственного строя и на польско-русский договор 1686 г., в силу которого надлежало создать полномочную комиссию по разрешению спорных вопросов, касающихся границы между двумя государствами. Посол подчеркивал, что поляки очень страшатся формального возоб-

новления договора Гжимултовского*, но его утешало следующее соображение: "Когда на основании и во исполнение сего трактата комиссия назначится, тоже и ежели мой мемориал войдет в конституцию сего сейма, то тем самым уже признается мирный трактат и гарантия России"²⁰.

Комментируя этот фрагмент донесения Репнина, Панин несколько дистанцировался от оптимизма посла. "Однако ж сверх сего, – писал он, – можно и надобно будет сыскать другой турниор альянсею для большего утверждения того трактата, в чем, может быть, тогда сами поляки найдут свою пользу"²¹.

Значение панинского комментария заключается в том, что он подтверждает намерение России заключить с Польшей альянс, рассматриваемый как особый для нее шанс. В то же время, однако, союз и в этом случае играет роль инструмента, призванного облегчить достижение одной из давно намеченных Россией целей, о которых много раз напоминали российским послам, – подтверждения договора Гжимултовского. Это укрепляет мнение о принципиальном различии в трактовке петербургскими политиками идеи союза, с одной стороны, а с другой – всех остальных вопросов, перечисленных в инструкции от 10 октября 1764 г. (проблема диссидентов, возобновление договора 1686 г., создание комиссии по пограничным делам, российская гарантия государственного строя Польши).

Что означала бы реализация этих, столь последовательно повторявшихся Россией требований?

Что касается вопроса о диссидентах, который вскоре оказался наиболее значимым для отношений Варшавы и Петербурга, российские требования должны были в общественном мнении просвещенной Европы создать Екатерине II репутацию поборницы религиозной терпимости, а в глазах собственных подданных – славу усердной защитницы православных единоверцев; сами же эти единоверцы в Польше становились преданными сторонниками России²².

Разрешение пограничных проблем Петербург понимал прежде всего как включение в Российскую империю территории, которой, по распространенному на певских берегах мнению, Польша владела незаконно, а также возвращение беглых российских подданных.

* В польской историографии договором Гжимултовского по традиции именуется польско-русский договор о Вечном мире 1686 г. (Ред).

Договор Гжимултовского, дававший России право заступаться за польских православных, узаконивал вмешательство Петербурга в профессиональные проблемы Речи Посполитой, а гарантия польского государственного строя означала российский контроль за темпами и масштабом внутреннего реформирования Польши²³.

Таким образом, предварительным условием для начала переговоров о союзе должны были стать не только территориальные приобретения России на границе с Польшей, но и усиление зависимости Речи Посполитой от царской империи. Признав "особливым" актом российскую гарантию своего внутреннего устройства, Польша уже не только фактически, но и формально опустила бы до положения российского протектората.

В то время как Станислав Август воображал, что готовность Петербурга заключить с Польшей альянс создаст для нее шанс на ограничение права "либерум вето" в сейме, реформирование сеймиков и увеличение численности армии (именно такие реформы король хотел провести уже на коронационном сейме), российская дипломатия в качестве предварительного условия для начала переговоров о союзе (а не самого его заключения) потребовала отказа от этих реформ и принятия акта, отдалявшего надежды на совершенствование внутреннего устройства Речи Посполитой, ставившего реформу в зависимость от решения императрицы.

Станислав Август болезненно воспринял необходимость отказаться от намеченной корректировки системы²⁴, но сейм выполнил большую часть требований России. Хотя и не в виде "особливого" акта, а в форме конституции был подтвержден договор 1686 г., была назначена комиссия для разрешения спорных пограничных вопросов и, наконец, польский посол в Петербурге Францишек Жевуский получил полномочия на вступление в переговоры "в целях заключения нового договора о дружбе и союзе, о защите на основе взаимной гарантии владений обоих государств, а также прав, привилегий и свобод Речи Посполитой". Результаты переговоров должен был утвердить сейм²⁵.

Однако до начала переговоров об альянсе дело не дошло, так как в отношениях между Варшавой и Петербургом возникла напряженность из-за невыполнения требований России по вопросу о диссидентах. Удивление, раздражение и разочарование, вызванное на невских берегах позицией князей Чарторыхских, не прислушавшихся к пожеланиям императрицы в данном вопросе²⁶, свидетельствовали не только о значении, которое ему придавал Петербург. Они подтверждали также, что

выполнение своих требований Екатерина II рассматривала как сам собой разумеющийся долг "благодарности" "фамилии" и связанного с ней родственными узами короля за избрание последнего на польский трон и исключала возможность сопротивления. Масштаб негативной реакции императрицы доказывал, что неукоснительное исполнение Варшавой приказов Петербурга являлось предварительным условием добрых отношений между Россией и Речью Посполитой. А возможное заключение союза, которое Екатерина считала уступкой Польше, тем более должно было обуславливаться полным послушанием.

Дошло ли бы дело хоть до начала переговоров об альянсе, не говоря уже о заключении самого союза, если бы поляки оказались более уступчивы в вопросе о диссидентах? В этом нет уверенности. Такой альянс, даже при том, что его условия продиктовали бы в Петербурге, должен бы был обеспечить определенные уступки со стороны России для Польши. То, что благодаря союзу Речь Посполитая получила бы шансы на некоторые улучшения в своем внутреннем устройстве, предполагал не один Станислав Август. Связь между союзом и реформами была очевидна и для Панина, раз он таким образом излагал данный вопрос Сольмсу. Между тем в российских документах, отразивших истинную позицию России в вопросе о польских реформах и являющихся источниками, которые нельзя заподозрить в намеренной дезинформации (как это может иметь место в отношении сведений, преподносившихся Сольмсу в расчете его убедить), о согласии на реформы нет ни слова. Более того, каждая попытка провести реформы в Польше встречала решительный отказ в Петербурге. Так обстояло дело с отрицательным решением Екатериной II этого вопроса накануне коронационного сейма, так было и в случае умолчания о реформах в инструкции Репнину от 10 октября 1764 г., об этом же, наконец, свидетельствовала приписка Панина для императрицы на донесении Репнина в декабре того же года.

Зато во всех документах, касавшихся вопроса об альянсе с Польшей, говорилось о выгодах, которые должна была получить Россия, не только от самого союза, но уже от самого факта начала переговоров о нем или вследствие даже одного его упоминания. В последнем случае речь идет о появившемся впервые осенью 1764 г., а затем многократно повторявшемся варианте, в соответствии с которым отказ в согласии на проведение задуманных Станиславом Августом реформ подслащивался утешительной надеждой, что исправление государственного строя

Польша станет возможным лишь после заключения ею союза с соседями.

В первоначальной версии, сообщенной Паниным Солмсу, союзный договор имел упрощенную форму. В обмен на оказание Польшей выгодной для России военной помощи российское руководство должно было разрешить проведение в Речи Посполитой определенных реформ государственного устройства, что в Петербурге рассматривали если не как ущерб, то, по крайней мере, как риск для себя. Когда же дошло до конкретных деталей, то российская сторона не только отвергла вариант, на который наивно рассчитывал Станислав Август (согласие на реформы уже на коронационном сейме и одновременное одобрение им заключения союза), но и представила другой. В нем само заключение союза ставилось в зависимость от выполнения Польшей всех требований России, в том числе и такого, как принятие гарантии, возводившей заслон на пути реформирования польского государственного строя. Только в этом случае в Петербурге начались бы переговоры об альянсе, положительный результат которых отнюдь не был предreshен.

Создается впечатление, что сосредоточив внимание на ожидаемых выгодах для России, Петербург оставил в стороне вопрос о цене, которую нужно было бы заплатить за них в случае заключения союза с Польшей. Если учесть далее, что ценой должно было стать позволение провести некоторые реформы внутреннего устройства Речи Посполитой, против чего в Петербурге столь последовательно выступали до сентября 1764 г. (а в ноябре того же года Екатерина II еще раз подтвердила эту позицию), то возникают сомнения, существовала ли на берегах Невы готовность заплатить такую цену, а значит и заключить с Польшей союзный договор. Во всяком случае нет никаких доказательств подобной готовности. К тому же все рассмотренные выше источники и выводы, которые они позволяют сделать, относятся ко времени, когда коронационный сейм еще не завершился и разочарование императрицы и Панина в Станиславе Августе и "фамилии" Чарторьских на почве диссидентской проблемы еще не наступило.

* * *

Вопреки ожиданиям Панина, считавшего, что российское заявление о готовности заключить союз с Польшей Варшава сочтет за выгодный для себя шанс, ни Чарторьские, ни польский король не стремились к этому договору, так как, принимая во внимание зависимое положение

Польши, опасались условий, которые Россия захочет навязать Речи Посполитой в союзном трактате. По свидетельству Репнина, опасения эти касались прежде всего гарантии государственного строя Польши и предполагаемого участия в союзе Пруссии²⁷. Осторожность польской стороны проглядывала как в присланной Жевускому инструкции (в которой ему разрешалось приступить к переговорам о союзе лишь в случае новой российской инициативы по этому вопросу), так и в дополнительных секретных указаниях послу, данных королем²⁸. Во всех документах, освещавших позицию польского монарха, согласие на союз с Россией рассматривалось как уступка планам императрицы. Так писал об этом Станислав Август Екатерине II по поводу упомянутой выше конституции коронационного сейма, такая же оценка преобладала в его переписке с канцлером Михалом Чарторыским, наконец, это должно было найти красноречивое выражение в гарантийном обязательстве, которое король рассчитывал получить от Екатерины II в обмен на подписание с Репниным тайного соглашения по диссидентскому вопросу. Рабочий текст этого документа предусматривал, что в ответ на готовность короля к уступкам иноверцам и к заключению альянса с Россией императрица вознаградит его согласием на такое увеличение доходов и военных сил Речи Посполитой, которое позволит Польше стать полезным союзником России, "выйдя из немощного состояния"²⁹.

Хотя Панин и не преминул упрекнуть поляков за неконкретный характер официальной инструкции Жевускому³⁰, но, как представляется, целью такого шага являлось лишь намерение переложить на польскую сторону ответственность за то, что переговоры о союзе так и не были начаты. Ибо примечательно, что второй раз тот же упрек прозвучал в письме, написанном Паниным по просьбе Репнина и предназначенном для передачи Станиславу Августу. Руководитель русской внешней политики внушал королю, будто именно по этой причине Петербург не представил конкретных условий союза³¹. Однако, когда в связи с сеймом 1766 г., императрица решила продемонстрировать притворное доверие Чарторыским, тогда уже сама конституция коронационного сейма 1764 г. стала рассматриваться в Петербурге как вполне достаточное полномочие польской стороны для ведения переговоров о союзе в момент, который Россия сочтет подходящим³².

Впрочем, об инструментальном подходе Петербурга к вопросу альянса в течение всего 1765 г. и в начале 1766 г., когда Россия была занята проблемами Швеции и заботами о союзе с Данией и Англией, свидетельствуют все случаи, когда этот вопрос появлялся в том или

ином контексте. Так, Панин неоднократно предупреждал Станислава Августа, что говорить о реформах можно будет только тогда, когда Польша укрепит свои международные позиции на основе союза с соседями³³, и в то же время отказывался сформулировать условия альянса. На такой отказ наталкивались не только соответствующие просьбы Жевуского (в марте и июле 1765 г.) и Станислава Августа³⁴, но и обращения Репнина по данному вопросу³⁵. Как отговорка для последнего с некоторых пор стали служить якобы имевшие место опасения Турции, не признававшей избрания на престол Станислава Августа³⁶. Это был лишь предлог, поскольку отказ Панина относился не к заключению союза, действительно способному (особенно в связи с интригами прусского посла в Стамбуле К.А.Рексина) встревожить Порту, а только к переговорам о нем, которые могли и должны были проводиться тайно. Подчеркивая необходимость особо считаться с Турцией в польском вопросе, Панин писал: "Другое было б дело, если б у вас (в Варшаве. – 3.3.) сначала лучше познали свой существительный интерес и тогда бы вдруг решился (вопрос. – 3.3.) в сделанных от нас представлениях для политической системы"³⁷. Удобным сроком для такого "начала" должен был явиться момент "скоро после выбора королевского", когда, якобы, и "можно было начать и производить их (польские дела. – 3.3.) под одним шумом, если б с польской стороны лучше узнан был их истинный интерес и, следовательно, с их стороны тогда там больше податливости показано было"³⁸. Последние слова свидетельствуют, что предварительным, хотя неизвестно, достаточным ли условием начала переговоров о союзе должно было стать выполнение Варшавой всех требований, выдвинутых Петербургом перед коронационным сеймом.

Внезапная перемена тона российского руководства в высказываниях о союзе произошла весной 1766 г. и была связана с визитом в Польшу голштинца Каспера Сальдерна. В Варшаве этот ближайший советник Панина лучше ознакомился с положением дел и пришел к выводу, что у России в Польше нет альтернативы партии Чарторыхских. Такой вывод опровергал мнение Репнина, рассчитывавшего на возможность противопоставить партию короля и его братьев (их он считал более уступчивыми по отношению к России) старым князьям Чарторыхским, по его мнению, более непреклонным. Учитывая, с одной стороны, приближавшуюся дату созыва сейма, а с другой – заверения Чарторыхских о желании улучшить отношения с Петербургом и готовности сотрудничать с Россией в диссидентском вопросе, Сальдерн советовал

принять эти заявления за чистую монету в надежде, создав видимость доверия, привести Россию к достижению своих целей³⁹.

В совместных рапортах Репнина и Сальдерна, относящихся к периоду пребывания последнего в Варшаве, проблема союза занимала небольшое место. Сначала российские дипломаты сообщали о давлении на Станислава Августа с целью добиться скорого возвращения в Петербург Жевуского с соответствующими конкретными инструкциями как по проблеме диссидентов, так и по вопросу об альянсе⁴⁰. Затем они извещали о своей встрече с польскими министрами для обсуждения этих дел. Во время беседы канцлеры представили русским дипломатам письменную декларацию, содержащую заверения в готовности сотрудничать и в диссидентском вопросе, и в деле союза, обещали приложить усилия, чтобы Жевуский как можно скорее вернулся на невские берега, и, наконец, заявили, что посол будет снабжен инструкцией, позволяющей "провести совместно с министрами петербургского двора предварительную разработку проекта, приемлемого и выгодного как для России, так и для Польши"⁴¹. Эти заверения сопровождалось соответствующим подтверждением Станислава Августа в письме Екатерине II, отпущенном накануне отъезда Сальдерна из Варшавы⁴².

Ответ императрицы был проникнут оптимизмом по поводу шансов взаимного сотрудничества: его результатом, как предвидела Екатерина II, станет участие Польши в большом союзе, а в итоге – укрепление позиций как Речи Посполитой, так и короля⁴³. Вероятно, на волне этих настроений как знак доверия Станислав Август получил из Петербурга текст замечаний, которыми обменивались Екатерина II и Фридрих II, насчет будущих участников "северной системы". И императрица, и прусский король признавали за Польшей несомненное право на место в системе⁴⁴. Зато рапорт о беседах, состоявшихся между Фридрихом II и Сальдерном в Шарлоттенбурге, не дошел до Станислава Августа, а как раз в одной из бесед голштинец активно уверял прусского монарха, что Россия никогда не помышляла об отмене права "либерум вето" в Польше. В целом же шарлоттенбургский обмен мнениями свидетельствовал о принципиально негативном отношении Фридриха II к участию Польши в большом союзе⁴⁵.

О месте альянса с Польшей в российских планах в связи с сеймом 1766 г. Панин информировал Чарторыхских, отвечая на их письмо, полученное после визита Сальдерна. Он начинал с не требующей доказательств истины, что для изолированной Польши, к тому же лишенной и той слабой защиты, какую давали ей личные связи саксонской

династии Веттинов в Европе, принятие предложений России составляло бесспорную выгоду. При этом все три проблемы, т.е. требования по вопросу о диссидентах, пограничные претензии и предложение союза, рассматривались в пакете, и Панин неоднократно подчеркивал, что только реализация всех требований может стать базой для проведения реформ внутреннего устройства Речи Посполитой⁴⁶. В разрешении диссидентской проблемы шеф Коллегии иностранных дел видел принципиальный критерий преданности Чарторьских России. Пограничные вопросы он ставил на второе место, успокаивая поляков, что Россия отнюдь не стремится к аннексии их территории. Предупреждая, что лишь после урегулирования этих проблем можно будет говорить о тесной связи Варшавы и Петербурга, Панин переходил к вопросу о союзе: "Что же касается союза, то следует быть уверенным, что будут стараться приспособить его условия к положению, форме и конституции Республики; поэтому нет поводов опасаться, что такой союз скажется для нее отяготительным"⁴⁷.

Этот посвященный союзу фрагмент, представлявший собой всего лишь общую фразу, ясно доказывал, что дело, переговоры о котором откладывались до времени урегулирования двух других проблем, было вопросом будущего. Панин вскоре наглядно подтвердил это в посланной Репнину инструкции, носившей принципиальный характер и определявшей задачи в связи с сеймом 1766 г. Подчеркивая, что союз больше отвечает личным интересам Станислава Августа, чем интересам российской политической системы, он высказывал недоверие в отношении господствовавших в Варшаве замыслов и откладывал начало переговоров на неопределенное время⁴⁸. Это был вместе с тем решительный отказ представить условия, позволявшие начать переговоры о союзе. Выдвигая такую негативную программу, Панин в очередной раз напоминал Репнину о недопустимости вообще каких-либо реформ в Речи Посполитой, прежде чем она не окажется более тесно связанной с соседями⁴⁹.

Впрочем, об этом главном принципе Репнину не раз напоминали летом 1766 г. Запрещая, в частности, даже минимальное увеличение численности польской армии, Панин выражал надежду, что умудренный политическим опытом старые Чарторьские будут в этом вопросе более чувствительны к настояниям России, чем охваченный реформаторской лихорадкой молодой монарх. Он также рассчитывал, что, опасаясь за свое господствующее положение в государстве, старые князья сами будут сдерживать стремление Станислава Августа к преобразованиям,

осуществление которых укрепило бы позиции короля⁵⁰. В этом, как представляется, заключался для Петербурга более глубокий смысл ставки на Чарторыхских.

Не менее важно, что Панин заявил об отсрочке переговоров по поводу альянса еще до открытия сейма 1766 г., т.е. *прежде*, чем Петербург сумел убедиться в крахе расчетов на проведение через сейм нужных ему решений по вопросу о диссидентах. И, наконец, вспомним еще раз, что на неопределенное время откладывалось не заключение альянса, а только начало переговоров о нем. Это означало, что вновь, как и в 1764 г., реализовался следующий вариант: если Польша выполнит выдвинутые Россией требования, то последняя, *возможно*, согласится когда-нибудь начать переговоры о союзе. Но не было гарантии, что переговоры начнутся, а тем более, что они приведут к положительному результату. Реальным оказывался только принцип недопущения в Речи Посполитой никаких реформ.

Лишь на этом фоне становится видно, как далеки были намерения России от польских надежд. В то самое время, когда Панин исключал возможность внесения даже малейших изменений в государственное устройство Речи Посполитой, король и коронный канцлер Анджей Замойский намечали план действий на будущем сейме. Сразу после первого шага – отмены генеральной пошлины сейм должен был приступить к "ратификации союзного договора, предложенного Россией коронационному сейму ... по вопросу о котором г. Жевуский уполномочен поставить последнюю подпись". Далее предусматривалось введение ряда других налогов для увеличения доходов польской казны, а затем – провозглашение терпимости в отношении диссидентов и возвращение им старых привилегий, проверка деятельности российской и польской пограничных комиссий и выработка окончательных инструкций для последней, увеличение численности армии, повышение расходов на ее нужды и введение нового воинского устава, принятие постановления о продлении генеральной конфедерации (после получения согласия России на это), утверждение принципа голосования большинством⁵¹.

Неизвестно, был ли данный проект, относящийся к июлю или началу августа 1766 г.⁵², уже тогда передан Репнину: во всяком случае в архивном фонде он находится среди посольских документов. Однако, его должен был представить Жевуский в Петербурге. Можно предполагать, что именно на эти пункты инструкции польского посла реагировал Панин, когда пытался отделаться увертками, общими фразами, избегая входить в подробности переговоров, так что Жевуский почувствовал

его неискренность⁵³. Скорее всего, именно представленная Панину инструкция Жевуского, поручавшая последнему предпринять окончательное согласование вопроса об альянсе, и стала непосредственной причиной открытого отказа России от своих обещаний относительно проведения переговоров о союзе. О таком решении Репнин узнал из рескрипта от 26 августа (6 сентября) 1766 г.⁵⁴

До сих пор мы не касались вопроса о предполагаемом содержании польско-русского альянса. Обращает на себя внимание, что Панин старательно избегал представить даже предварительные его условия. Более полную их реконструкцию приходится оставить до другого случая, а здесь лишь отметим несколько упоминаний в источниках, показывающих, как представлял себе этот альянс Репнин. Предупреждая Панина, что вопреки его советам Станислав Август обдумывал план направить посла во Францию, Репнин предостерегал, что "как уже директная корреспонденция начнется между здешним, венским и французским дворами, то трудно будет тогда во внутренность оной проникнуть. И так надлежит, кажется, поспешить, если желаете какие обязательства взять, дабы здешнее место с рук не выпустить"⁵⁵. Несколько дней спустя, сообщая о явном стремлении Станислава Августа к улучшению отношений с Францией и Австрией, посол вновь убеждал, что "во исполнение намеряемых нами обязательств поспешать нам должно", и просил Панина "предписать" ему "все, что принадлежит до инструкции о союзных обязательствах, также включить ли в оную диссидентское дело или здесь о том конвенцию особую стараться заключить"⁵⁶.

Мысль о включении диссидентского вопроса в "союзные обязательства" имела непосредственную ближайшую цель – облегчить его проведение на сейме⁵⁷. Исключая, таким образом, проблему иноверцев, можно сделать вывод, что "союзные обязательства" кроме статей, подтверждавших действие договора Гжимултовского и вводивших гарантию России в отношении польского политического строя, а также вовлекавших Польшу в возможный русско-турецкий конфликт, должны были, – по крайней мере, в представлении Репнина – позволить России осуществлять жесткий контроль над внешней политикой Речи Посполитой⁵⁸.

Возникает вопрос, как в этих рамках должны были выглядеть подробности союзнических обязательств Польши, чтобы Россия, а, возможно, также и Пруссия признали, что им не стоит опасаться усиления Речи Посполитой, поскольку это усиление лишь по видимости, а не по

существо. Размышления на этот счет могли бы стать темой специально-исследования, особенно, если бы удалось привлечь новый документальный материал, который бы более детально раскрывал дипломатическую кухню, закулисную сторону внешней политики государств – основных действующих лиц драмы, разыгранной 200 лет назад.

Примечания

¹ *Stanislas-August. Mémoires*. SPb., 1914. Т. I. S. 615.

² О союзе Речи Посполитой с Россией в начале правления Станислава Августа см.: *Michalski J. Problematyka aliansu polsko-rosyjskiego w czasach Stanisława Augusta. Lata 1764–1766 // Przegląd Historyczny*. 1984. Т. LXXV. S. 695–721. В настоящей статье дана несколько иная трактовка этого вопроса.

³ Сборник императорского Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1878. Т. 22. С. 316–318. – В. Сольмс Фридриху II, 18.IX 1764 г. (Оригиналы этого и других донесений Сольмса написаны по-французски; даты даются по новому стилю.)

⁴ Первый рескрипт, касающийся этого вопроса, Фридрих II направил Сольмсу 6.X 1764 г. См.: Там же. С. 319–321.

⁵ Там же. С. 326–327, 331–332. – В. Сольмс Фридриху II, 30.X и 9.XI 1764 г. См. также: *Michalski J. Op. cit.* S. 699–700.

⁶ Сб. РИО. Т. 22. С. 333–335. – В. Сольмс Фридриху II, 13.XI и 16.XI 1764 г.

⁷ Там же. С. 336–338. – В. Сольмс Фридриху II, 20.XI и 23.XI 1764 г. См. также: *Geheimes Staatsarchiv HA I, Abt. 96. N 56/H, S. 191; Michalski J. Op. cit.* S. 700.

⁸ *Саловьев С.М. История России с древнейших времен*. М., 1883. Т. 26. С. 77. См. также: *Michalski J. Op. cit.* S. 700.

⁹ Ср.: Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 51. С. 22, 54, 55, 61, 393–394.

¹⁰ Там же. СПб., 1887. Т. 57. С. 7–10.

¹¹ Там же. С. 10. См. также: *Michalski J. Op. cit.* S. 695–696.

¹² Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 6. Д. 850. Л. 47–49 об. – Н.В. Репнин Н.И. Панину, 11/22.X 1764 г.

¹³ Там же. Л. 61–62. – Н.В. Репнин Н.И. Панину, 27.X/7.XI 1764 г.

¹⁴ *Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie* (далее – AGAD). *Archiwum Królestwa Polskiego*. N 226. K. 7. – Станислав Август Екатерине II, 15.XI 1764 г. См. также: *Lubieńska M.C. Sprawa dysydencka 1764–1766. W-wa, 1911. S. 37–38.*

¹⁵ АВПРИ. Ф. 80. Варшавская миссия. Оп. 1. Д. 745. Л. 349. – Н.В. Репнин Екатерине II, 15.XI 1764 г. (текст на франц. яз.). См. также: Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 71–74. – Н.В. Репнин Н.И. Панину, 8/19.XI 1764 г.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 57. С. 84–85. – Н.И. Панин Н.В. Репнину, 22.XI 1764 г. См. также: *Michalski J. Op. cit.* S. 700.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 57. С. 85–86. – Н.И. Панин Н.В. Репнину, 22.XI 1764 г.

¹⁸ АВПРИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 681. Л. 287. – Черновой текст на французском языке.

¹⁹ Там же. Л. 291.

²⁰ Там же. Ф. 79. Оп. 6. Д. 850. Л. 87–88 об. – Н.В. Репнин Н.И. Панину, 3.XII 1764 г. См. также: Там же. Ф. 80. Оп. 1. Д. 745. Л. 498–499. – Н.В. Репнин Екатерине II, 22.XI/3.XII 1764 г. Текст мемориала Репнина см.: Там же. Л. 500–502.

²¹ Там же. Ф.79. Оп.6. Д.850. Л.88об. – Приписка Н.И.Панина на полях донесения Н.В.Репнина от 22.XI/3.XII 1764 г.

²² *Łubieńska M.C.* Op. cit. S.9–10, 29, 134–135.

²³ *Michalski J.* Op. cit. S.695.

²⁴ См.: АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.850. Л.87–88об. – Н.В.Репнин Н.И.Панину, 22.XI/3.XII 1764 г.; Д.869. Л.70. – Постскриптум, б.д. (вероятно, от 5.XII 1764 г.). См. также: *Соловьев С.М.* Указ.соч. Т.26. С.69; *Łubieńska M.C.* Op. cit. S.38.

²⁵ *Volumina legum.* СПб., 1860. Т.VII. F.360; *Michalski J.* Op. cit. S.701–702.

²⁶ *Соловьев С.М.* Указ.соч. Т.26. С.157, 161–162; *Michalski J.* Op. cit. S.704; *Łubieńska M.C.* Op. cit. S.43. См. также: Российская государственная библиотека. Отд. рукописей. Ф.222 (Паниных). Д.Ш/4. Л.22. – Екатерина II Н.И.Панину, б.д. (около середины января 1765 г.).

²⁷ *Соловьев С.М.* Указ.соч. Т.26. С.70; *Michalski J.* Op. cit. S.701, 704–705. Нет никаких доказательств того, что между королем и его дядьями существовали какие-либо расхождения во взглядах на этот вопрос.

²⁸ *Michalski J.* Op. cit. S.703.

²⁹ *Ibid.* S.701–703, 708. Текст проекта гарантийного обязательства императрицы в отношении Станислава Августа см.: АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.1467. Л.4. К указанным Е.Михальским письмам из переписки Станислава Августа с М.Чарторыским нужно добавить также письмо последнего от 11.VI 1765 г. (*Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.* Rkp. 659. S.56).

³⁰ *Michalski J.* Op. cit. S.705. В адресованном Репнину рескрипте Панина от 29.III/9.IV 1765 г. говорилось не только о проблеме союза, но и обо всех вопросах, которые должны быть включены в желанный для императрицы "особливый" акт (Сб. РИО. Т.57. С.226).

³¹ Сб. РИО. Т.57. С. 341. – Н.И.Панин Н.В.Репнину, 16.IX 1765 г. О том, что это письмо не раскрывало подлинную позицию петербургского двора, см.: *Zielińska Z.* Początek rosyjskiej nielaski Czartoryskich i "słabość" Stanisława Augusta // *Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane prof. Jerzemu Michalskiemu w 70-tą rocznicę urodzin.* W-wa, 1994. S.63–64.

³² Сб. РИО. СПб., 1889. Т.67. С.81. – Н.И.Панин Н.В.Репнину, 26.VIII/6.IX 1766 г.

³³ Там же. Т.57. С.179, 182, 336–367. – Н.И.Панин Н.В.Репнину, 12/23.II, 5/16.IX, 28.IX/9.X 1765 г.; *Соловьев С.М.* Указ.соч. Т.26. С.158–159, 171.

³⁴ *Michalski J.* Op. cit. S.705, 707–708; AGAD. Archiwum Królestwa Polskiego. 226. K.389. – Ф.Жевуский Н.И.Панину, 12.VII 1765 г. Черновик этого письма написан рукой Станислава Августа (*Ibid.* K.398).

³⁵ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.868. Л.57–61; Д.870. Л.51–55об., 161–172; Д.872. Л.110–114. – Н.В.Репнин Н.И.Панину 4/15.VII, 5/16.IX, 21.IX/2.X, 12/23.XII 1765 г.

³⁶ Там же. Ф.80. Оп.1. Д.840. Л.30. – Н.И.Панин Н.В.Репнину б.д. (на письме помечена дата отправки его почтой – 20/31.VII 1765 г.). См. также: Сб. РИО. Т.57. С.339. – Н.И.Панин Н.В.Репнину 5/16. IX 1765 г. Этот "турецкий" аргумент Станислав Август использовал впоследствии в беседах с Сен-Сафороном, датским резидентом в Варшаве (*Michalski J.* Op. cit. S.708).

³⁷ АВПРИ. Ф.80. Оп.1. Д.840. Л.30. – Н.И.Панин Н.В.Репнину б.д.; *Соловьев С.М.* Указ.соч. Т.26. С.167.

³⁸ Сб. РИО. Т.57. С.339. – Н.И.Панин Н.В.Репнину, 5/16.IX 1765 г.

³⁹ *Соловьев С.М.* Указ.соч. М., 1881. Т.27. С.164; *Zielińska Z.* Op. cit. S.67–70.

⁴⁰ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.883. Л.56–59об. – Н.В.Репнин и К.Сальдерн Н.И.Панину, 3/14.IV 1766 г. Польский посол покинул Петербург 24.V 1765 г., а вернулся туда 24.VI 1766 г. (*Michalski J. Rzewuski Franciszek // Polski słownik biograficzny. Wrocław, 1992–1993. T.XXXIV. S.103.*)

⁴¹ Текст декларации польских канцлеров на французском языке см.: АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.883. Л.93–94. См. там же донесение Н.В.Репнина и К.Сальдерна Н.И.Панину, 17/28.IV 1766 г. (Л.65–68).

⁴² *Michalski J. Problematyka... S.710–711.*

⁴³ *Ibid. S.713.* Как Екатерина, так и Панин повторяли эти заверения после приезда Жевуского в Петербург (*Ibid. S.713–714.*)

⁴⁴ *Ibid. S.710.* В том же тоне официального оптимизма относительно участия Польши в "северной системе" была выдержана переписка Михала Чарторьского со Станиславом Августом летом 1766 г. Письма полны хвалебных тирад в адрес императрицы и, вероятно, рассчитаны на то, что их прочтет Репнин (*Ibid. S.711–712.*)

⁴⁵ *Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen. Berlin, 1899. Bd.25. S.351–352, 361–363. Соловьев С.М. Указ.соч. Т.27. С.192.*

⁴⁶ *Michalski J. Problematyka... S.704;* Сб. РИО. Т.67. С.11–14. – Н.И.Панин князьям Чарторьским, 4/15.VII 1766 г.

⁴⁷ *Michalski J. Problematyka... S.714;* Сб. РИО. Т.67. С.17–19. – Н.И.Панин князьям Чарторьским, 4/15.VII 1766 г.

⁴⁸ Сб. РИО. Т.67. С.81–82. – Н.И.Панин Н.В.Репнину, 26.VIII/6.IX 1766 г.; *Michalski J. Problematyka... S.715.*

⁴⁹ Сб. РИО. Т.67. С.82.

⁵⁰ Там же. С.44–45. – Н.И.Панин Н.В.Репнину 8/19.VIII 1766 г. См. также: *Zielińska Z. Op. cit. S.71.*

⁵¹ АВПРИ. Ф.80. Оп.1. Д.953. Л.280–282. В написанном по-французски тексте "Пунктов, которые должны быть обсуждены на ближайшем сейме [...] 1766 г.", в частности, предусматривалось: "1) Отмена генеральной пошлины; 2) ратификация союзного договора, предложенного Россией коронационному сейму ... и который г.Жевуский... уполномочен подписать. Известно, что Россия требует от Польши ясного и чистосердечного присоединения к союзу, заключенному между ней и Пруссией ...; 3) терпимость к диссидентам и возвращение их старинных привилегий. Нет сомнения, что этот пункт не пройдет без препятствий как со стороны духовенства, так и значительной части шляхты; 4) обсуждение действий российских комиссаров Веймарна и Бибилова относительно положения на границе и того, что нужно делать этим летом недавно назначенным для тех же целей польским комиссарам...".

⁵² Упомянутое в тексте "Пунктов" "недавнее назначение" польских комиссаров по пограничным делам состоялось в начале июня 1766 г. (*Michalski J. Problematyka... S.713.*), а поскольку предполагалось, что свою работу они выполнят уже "этим летом", то можно думать, что до конца летнего сезона было еще далеко.

⁵³ Позднее в аппарате Станислава Августа было сделано конспективное изложение донесения Жевуского. Французский текст этого документа гласил, в частности: "Когда граф Жевуский начал входить в объяснения с графом Паниным, следуя плану своих инструкций, он без труда заметил, что избегают деталей и продвигаются с осторожностью и что, наконец, этот министр ради столь важного дела не проявляет столько же искренности в образе действий, сколько проявил ее король, предложив средства, которые он считал наиболее верными" (Цит. по: *Michalski J. Problematyka... S.715.*)

⁵⁴ Сб. РИО. Т.67. С.81–82. – Н.И.Панин Н.В.Репнину, 26.VIII/6.IX 1766 г. Учитывая позицию Панина в отношении Жевуского, нужно весьма осторожно подходить к информации, будто летом 1766 г. в беседах вице-канцлера с польским послом шла речь об увеличении польской армии до 60 тыс. человек, а бюджета Речи Посполитой – до 60 млн. золотых. Эти сведения содержатся в донесении священника Гийо д'Юсьера французскому министру Э.Ф.Шуазелю о беседе с Жевуским, состоявшейся осенью 1767 г. в Голландии. Даже если этот священник верно изложил содержание высказываний Жевуского и если последний говорил правду, утверждая, что предложение о таком увеличении численности армии и пополнении казны он еще летом предыдущего года представил императрице, все равно это не может быть доказательством положительного отношения Екатерины II и Панина к этим предложениям. В достоверности источников данной информации сомневаются и другие историки (см.: *Michalski J. Problematyka... S.175; Konopczyński W. Konfederacja barska. W-wa, 1991. T.I S.124*).

⁵⁵ АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.869. Л.61–70об. – Н.В.Репнин Н.И.Панину, 31.VIII/10.IX 1765 г.

⁵⁶ Там же. Д.870. Л.51–55об. – Н.В.Репнин Н.И.Панину, 5/16.IX 1766 г.

⁵⁷ Репнин открыто заявлял об этом Панину в донесении от 24.V/4.VI 1766 г. (АВПРИ. Ф.79. Оп.6. Д.883. Л.153–157об.).

⁵⁸ Михальский высказывает сходное мнение относительно очертаний союза в момент его рождения: "Но и концепция согласия на некоторое укрепление Польши предусматривала в качестве условия усиление контроля над ней. Чтобы обеспечить это, предполагалось посадить на трон "Пяста", лишённого всякой, кроме российской, внешней поддержки, передать власть партии Чарторыхских, которые считались клиентелой России, и достичь положения формального гаранта государственного устройства Речи Посполитой ... Тем, чем во внутривполитическом отношении должна была стать гарантия, тем во внешнеполитическом плане должен был наверняка стать союз, формально дающий право контролировать отношения Польши с другими государствами и использовать ее территорию и армию (возможно, усиленную) в соответствии с интересами петербургского двора" (*Michalski J. Problematyka... S.695*).

ЗАГОВОР ПРОТИВ ПОЛЬШИ

О роли русско-пруско-австрийского альянса 1772–1773 гг. в разделе Польского государства

Несомненно, что еще в конце XVI в., да и в XVII в. (по крайней мере, на протяжении доброй половины) Польша по восточноевропейским меркам была региональной великой державой. Она являлась важным фактором европейской политики, а в 1683 г. благодаря подвигу армии короля Яна Собеского у стен осажденной османами Вены, сыграла едва ли не решающую роль в спасении христианской Европы от угрозы турецко-исламского порабощения. А после этого всего несколько десятилетий прошло, и страна оказалась во власти тотального кризиса, который в конечном счете оказался необратимым. Ее гибель явилась не только результатом упадка некогда могущественного государства, но и следствием развития международных отношений в Европе. С конца XVII в. агрессивные соседи начали регулярно вмешиваться во внутренние дела Польши, вступившей в затяжную полосу внутреннего кризиса. Во второй же половине XVIII в. вмешательство окружавших ее держав, в первую очередь России и Пруссии, приняло столь масштабный и систематический характер, что суверенитет и независимость Речи Посполитой стали понятиями чисто символическими. Территория королевства сделалась проходным двором для чужеземных войск, старавшихся задержаться там как можно дольше. Соседи диктовали, кому сидеть на престоле Пястов, как изменять (или не изменять вообще) шляхетскую конституцию, каким реформам быть (скорее – не быть) в этой стране, создавали свои "партии", подкупая членов сейма группами и поодиночке. Иностранное вмешательство во внутренние дела страны, откровенное и наглое, стало фактом польской повседневности задолго до рокового 1772 г., когда произошел первый раздел Речи Посполитой.

Таким образом на рубеже 1760–1770-х годов внешний фактор стал фактором внутренней жизни государства, неотъемлемой ее частью.

Марксисты, отдающие предпочтение внутренним причинам, как правило, склонны считать внешние обстоятельства неким дополнением, второстепенным по отношению к внутренним факторам развития. Но раздел, а затем и уничтожение Польши как самостоятельного государства это именно тот далеко не часто встречающийся в истории случай, когда на первый план выступает именно внешний фактор. И привычный классовый анализ в том духе, что якобы непримиримые классовые противоречия между крепостным крестьянством и дворянством вкупе с шляхетской демократией и ее анахроничным правом "либерум вето" погубили нацию, а соседи как бы воспользовались ситуацией, взяв то, что лежало плохо, в данном случае недостаточен, ибо при таком подходе нельзя ни объяснить, ни тем более осмыслить всю совокупность фактов, приведших к трагической развязке.

Нужно вспомнить о судьбе соседней Швеции, которая буквально терзала и Польшу, и Германию на протяжении почти всего XVII в. Она вступила в полосу своего исторического упадка почти одновременно с Речью Посполитой, но ее не постигла горькая участь Польши, несмотря на то, что в XVIII в. она была так же незащищена перед лицом внешней агрессии. Думается, что Швеция избежала участи южной соседки не потому, что была внутренне намного крепче, ее, а потому, что она находилась в стороне от столбовой дороги европейского разбоя, в эпицентре которого имела несчастье оказаться польская земля.

Да и сама Пруссия могла легко быть раздавлена в двух европейских войнах, ею же затеянных, – в войне за "австрийское наследство" (1740–1748 гг.) и в Семилетней войне (1756–1763 гг.), если бы сложилась такая международная ситуация, которая бы сделала исчезновение Прусского государства с карты Европы исторической необходимостью. Но так, однако, не произошло. Уничтожить Пруссию не захотела даже ненавидевшая ее лютой ненавистью австрийская императрица Мария Терезия, когда к тому представился случай. Характерно, что направленный против Пруссии австро-русский союзный договор 1746 г. предусматривал только возвращение Австрии отнятых у нее прусским королем Фридрихом II Силезии и примыкавшего к последней графства Глатц.

Во время Семилетней войны Пруссия, чьи войска были разбиты русскими под Кунерсдорфом, а столица захвачена неприятелем, дышала на ладан. По образному выражению своего короля-полководца, она умещалась в его походном лагере и имела неплохие шансы если и не исчезнуть с карты Европы совершенно, то уж во всяком случае быть низве-

денной до статуса курфюршества Бранденбург, т. е. оказаться отброшенной назад, в строй дюжины заштатных германских государств. Этого не случилось не только из-за последовавшего за смертью императрицы Елизаветы Петровны восшествия на российский престол Петра III – большого поклонника Пруссии, но и вследствие действия долговременных геополитических факторов.

Прусское государство спасла от гибели отнюдь не внутренняя структурная прочность, а благоприятное совпадение долговременных интересов ведущих держав. С самого начала XVIII в. Франция, Россия, Англия, в какой-то мере и Австрия способствовали становлению прусского великодержавия. Пруссия нужна была Англии, чтобы оказывать давление на вековую свою соперницу Францию, а последней – чтобы создать "восточный барьер" (Турция, Польша, Пруссия), направленный первоначально против Габсбургов, а с середины века – также и против России¹. Венскому двору она была необходима как противовес возможной угрозе установления русского господства в Средней Европе. Что же касается России, то в сохранении Пруссии она была, вероятно, заинтересована больше всех. В самый разгар катастрофической для Фридриха II войны русский канцлер М. И. Воронцов предложил заключить с Пруссией сепаратный мир и отказаться от всех завоеваний, включая Восточную Пруссию.

Однако сепаратный мир с Пруссией, как отмечает российский историк Б. В. Носов, был возможен при одном лишь условии: в том случае, если Берлин "будет уважать русскую гегемонию в Польше"². Геополитическая ситуация, милостивая к периферийной Швеции, оказалась немилосердна к Польше, находившейся на перекрестке интересов трех могущественных держав – Пруссии, России и Австрии. Слишком велико было к ней внимание близких соседей и более отдаленных "доброжелателей". Небезразлична к судьбе Польши была и южная соседка – Османская империя. Живейший интерес к польским делам проявляли короли Франции и подстрекавшая ею Швеция. Однако роковой в конечном итоге оказалась слишком большая "участливость" к судьбе поляков берлинского и петербургского дворов. Пруссия – восходящая звезда европейской политической сцены – жаждала округлить свои владения любой ценой и в любом направлении. Не только за счет близлежащих немецких земель, но и за счет восточных. В XVIII в. Пруссия была недостаточно сильна, чтобы притязать на большее или установить, подобно России, свое влияние над Польшей в целом, поэтому аппетиты ее оказа-

лись, соответственно возможностям, умеренны и не простирались дальше Гданьска.

Отсюда следует, что объективно в дележе был заинтересован не Петербург, уже давно хозяйничавший в этой стране как в своей собственной, а именно Берлин. Поэтому до сегодняшнего дня не до конца еще выяснено, что побудило Россию, установившую свой протекторат (а фактически – безраздельную власть) над всей Польшей, пойти на раздел, чтобы довольствоваться лишь частью этой огромной страны, территория которой тогда простиралась от Балтийского моря до Северного Причерноморья. Фундаментальная заинтересованность России в удержании под своим контролем всей Речи Посполитой подтверждается весьма вескими причинами и доводами. Знаток истории русской дипломатии XVIII в., автор блестящего исследования о Тешенском конгрессе Г. А. Нерсесов писал: "Сконцентрировав все свое внимание на Польше, правительство Екатерины II стремилось в этот период (в 1760-х годах. – *Т. И.*) осуществить план превращения Польши в вассала России при сохранении территориальной целостности польского государства"³.

Но случилось так, что именно в тот исторический момент, когда польский кризис достиг своего апогея, когда, по наблюдению Ф. Энгельса, "эта основанная на грабеже и угнетении крестьян дворянская республика находилась в состоянии полного расстройтва", а "ее конституция делала невозможным какое-либо общенациональное действие и в силу этого обрекала страну на положение легкой добычи соседей"⁴, Россию и Пруссию возглавили два выдающихся государственных деятеля эпохи – Екатерина Великая и Фридрих II, тоже, безусловно, Великий. Это были абсолютные монархи, безнравственные в достижении цели, трезвые, расчетливые, целеустремленные и по-своему талантливые. Обе венценосные особы любили выставлять на показ свою близость к великим принципам европейского Просвещения, к Вольтеру и другим его выдающимся представителям.

Между Петербургом и Берлином уже давно установилось довольно тесное, хотя и не свободное от ревнивого соперничества сотрудничество как раз на почве польских дел. Началось оно во времена Петра Великого, почти сразу же после того, как в 1700 г. император Священной Римской империи Леопольд I Габсбург возложил на курфюрста бранденбургского Фридриха III корону прусского короля. Всего сорок лет понадобилось этому крошечному по размерам заштатному германскому государству для того, чтобы оказаться в ряду европейских держав первой величины и сделаться для них необходимым. Объяснить этот фено-

мен только внутренним потенциалом, большим зарядом энергии в нем заложенным, необычайным упорством и последовательностью его руководителей в достижении намеченной цели, их ловкостью пельзя. Нужно было что-то еще, чтобы достигнутый Пруссией поразительный успех стал вообще возможен. Этим дополнительным фактором явилась чрезвычайно благоприятная для реализации прусских целей расстановка сил на европейской арене. Возвышению Пруссии способствовала сначала Англия, потом Россия, роль которой в национально-территориальной консолидации Пруссии надо признать решающей. Особенно это касалось реализации прусских замыслов в отношении Польши.

Немецкий исследователь М. Шульце-Вессель, посвятивший большую монографию польскому вопросу в дипломатии и общественном мнении царской России и Советского государства в 1697–1947 гг., говорит о "перешлетении русской и прусской политики в польском вопросе" начиная с конца XVII в.⁵ Это, безусловно, так, но помимо этого перешлеталась она и в Восточном вопросе, который теснейшим образом был связан с польским. Подчеркивая это, французский историк А. Сорель счел возможным снабдить свою классическую книгу характерным подзаголовком – "Раздел Польши и Кючук-Кайнарджийский договор"⁶. Наиболее точную и объемную оценку значения польской и ближневосточной проблем в российской истории дал Е. В. Тарле, по мнению которого эти два вопроса "явились стержневыми вопросами русской внешней политики в течение всего XVIII в."⁷

Объективно и в русской политике, и в системе международных отношений османская проблематика, обозначаемая общепризнанными в науке терминами "восточный вопрос" или "восточный кризис", имела неизмеримо более важное значение, чем польская. А в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг., завершившейся подписанием Кючук-Кайнарджийского мира, польский вопрос стал как бы частью и, можно сказать, подчиненной частью, восточного.

Польский вопрос, несомненно, создавал достаточно прочную основу устойчивого русско-прусского сотрудничества. Тем не менее о каком-то полном совпадении интересов Берлина и Петербурга даже в Польше говорить не приходится. Существовавшие между двумя дворами разногласия усугублялись сложными личными взаимоотношениями Фридриха II и Екатерины II, урожденной немецкой принцессы Софии Ангальт-Цербстской. Несмотря на известное "родство душ", двух "просвещенных монархов" разделяла глубокая антипатия. В манифесте, обнародованном по случаю восшествия Екатерины на престол, король

прусский был публично заклеимлен как "славы российской злодей"⁸. Было и политическое недоверие к намерениям и целям друг друга. "Россия в настоящее время насчитывает только 9 миллионов душ, – писал король Фридрих в 1768 г., в самый разгар русско-прусской дружбы. – Число это будет расти, что приведет к появлению опаснейшей для Европы державы, если в один прекрасный день она решит культивировать часть необработанных земель, которыми владеет"⁹. В особенности Фридрих боялся "жестоких казаков" и в меньшей мере русской пехоты и кавалерии, о боеспособности которых был невысокого мнения¹⁰.

В свою очередь Россия имела все основания опасаться чрезмерного усиления своей "верной" союзницы и, как показал исторический опыт 1740–1760-х годов, готова была без колебаний и промедления наказать дерзость своего младшего партнера. Впрочем, подобная реакция считалась вполне нормальной в практике международных отношений эпохи, когда альфой и омегой европейского равновесия являлось немедленное пресечение попытки одной страны "выпасть" из европейского концерта держав и добиться единоличной гегемонии. На этом принципе, собственно, держалась вся система международных отношений. Правда, к островной Англии это правило не относилось. Она лишь зорко следила из-за Ла-Манша за тем, чтобы его неукоснительно соблюдали другие.

Контакты на польскую тему между петербургским и берлинским дворами начались еще в ходе Семилетней войны, в 1762 г., когда Екатерина II начала новый тур дипломатического зондажа в Берлине. Она направила в Польшу Г. Кайзерлинга, поручив ему выяснить возможность заключения в будущем союза с Пруссией и урегулирования польского вопроса¹¹. Спешить с этим никакого особенного резона не было, но и пренебрегать Пруссией тоже не следовало. Кроме того, в противоположность Берлину Петербург располагал свободой рук, имея возможность самостоятельно делать выбор между Пруссией и Австрией в качестве будущего союзника. При дворе, соответственно, образовалась "австрийская" партия во главе с А. П. Бестужевым-Рюминым и "прусская", возглавлявшаяся Н. И. Паниным. Сама Екатерина оказалась перед легким выбором. Когда в июле 1762 г. она обратилась к канцлеру М. И. Воронцову с вопросом: "Полезен или вреден мир с Пруссией?", тот ответил: "Интересы России с интересами Венского двора соединены самую натурю"¹².

Противоположную позицию заняла "прусская" партия. "Если Австрия относилась враждебно к преследуемым императрицей целям, то

Пруссия, напротив, содействовала всеми силами их достижению"¹³, – к такому выводу пришли сторонники прусского союза при русском дворе, и для такого суждения у них было достаточно оснований, ибо услуги, оказанные Берлином России в проведении ее польской политики, действительно были ценны. Исследователь дипломатической истории Ф.Ф. Мартенс считает, что союз России с Пруссией "начался с польского вопроса"¹⁴. В Петербурге рассудили в общем правильно: сотрудничество с Габсбургами свяжет руки царице как в отношении Польши, так и Османской империи, поскольку, в отличие от Берлина, Вена в тот момент еще не была готова идти навстречу русским желаниям. Дружба же с Пруссией сулила России огромные выгоды на обоих магистральных направлениях ее экспансии. Тем не менее в первые два года царствования Екатерины русская дипломатия, имея свободу маневра и не будучи связана никакими обязательствами, проявляла необычайную гибкость и осторожность. В циркулярном рескрипте от 9 (20) июля 1762 г. царица объявила русским послам о своем намерении поддерживать дружеские отношения со всеми участниками Семилетней войны¹⁵.

Русско-прусский союзный договор сроком на 8 лет, заключенный 31 марта (11 апреля) 1764 г., предоставил России свободу рук в областях, с "Турцией и Крымом граничащих". "Из этого союза, – писал известный русский историк Н. И. Кареев, – вышел первый раздел Польши"¹⁶. Но до раздела пруссакам оставалось ждать еще целых шесть лет с далеко не ясными и неопределенными перспективами. Россия же свой "интерес" заполучила немедленно. Несмотря на непрекращавшиеся прусские интриги, русская дипломатия сумела выжать из союза максимум выгод для себя. Разрешение курляндского вопроса, нейтрализация Швеции, собиравшейся отнять Норвегию у Дании – союзницы России, отсрочка назревавшей войны с Турцией и, наконец, расширение русского присутствия в Польше – всего этого русские достигли, опираясь на союз с Пруссией. И всему этому должен был против своей воли содействовать Берлин из опасения навлечь на себя раздражение и гнев хозяйки Зимнего дворца, во власти которой было круто повернуть руль и пойти на сближение с империей Габсбургов – главным врагом Пруссии. Угроза австро-русского союза дамокловым мечом висела над Пруссией до самого начала войны между Россией и Османской империей в 1768 г.

В том же году русская дипломатия одержала новую важную победу, добившись подписания с Польшей договора, сделавшего Россию формально гарантом сохранения анархического государственного уст-

ройства этой страны. Дружба с Пруссией дала ей карт-бланш в отношении Османской империи. К тому же, обязавшись выплачивать Петербургу по 400 тыс. рублей ежегодно, Пруссия фактически финансировала русско-турецкую войну. Планируя эту войну, Екатерина и ее соратники проявили тогда необычайную умеренность. Военные цели, выработанные на тайном совете вельмож, в самом деле были скромны. Дабы не "возбудить противу себя общую и небезосновательную зависть и подозрение в *беспредельном* (курсив мой. – Т. И.) намерении умножения своих областей", решено было воздержаться от взятия всего Крыма и ограничиться лишь Керчью, Еникале и Тамань¹⁷.

Но аппетит России возрос неизмеримо, как только появились шапсы на решающий успех на полях сражений. В 1770 г. в Петербурге уже зрели планы окончательного решения Восточного вопроса в пользу России. В ноябре того же года все еще влиятельный, но уже находившийся на закате своего фаворитства Г. Г. Орлов предложил грандиозный план атаки Константинополя, после взятия которого обожаемая государыня могла бы продиктовать мир "на всей воле"¹⁸.

Россия имела возможность выбирать партнера, чего не могла делать Пруссия, поглощенная непримиримым соперничеством с Габсбургами из-за гегемонии в Германии. Международная обстановка благоприятствовала реализации далеко идущих замыслов русского двора. Швеция, третий сосед Польши, так и не оправившаяся от поражения под Полтавой, потеряла статус великой европейской державы и уже не играла активной роли в континентальных делах. Да и ее бывшая союзница Франция, чьи интересы начиная со второй половины XVII в. сталкивались с Россией в Польше, после чувствительного поражения в Семилетней войне фактически вышла из игры. Первую державу Европы, островную Англию, польские дела по-настоящему и не задевали. К тому же у нее с Россией, союзницей в борьбе против Франции, а иногда и против османов, сложились довольно оживленные торговые и политические связи. Иными словами, применительно ко второй половине XVIII в. уместнее говорить скорее о благожелательности, нежели о враждебности Европы к России, до определенных границ, разумеется, до того момента, когда ее экспансия принимала угрожающие для других держав масштабы. В целом же "европейский концерт", в который была допущена в XVIII в. и Россия, играл достаточно слаженно. Исключение составляла одна лишь Франция, активно и последовательно противодействовавшая России как в делах ближневосточных, так и в польских.

Сложнее обстояло дело с Австрией. Австро-русские отношения ухудшились в связи со смертью Елизаветы Петровны. Не улучшились они и с воцарением на русском престоле Екатерины II, во всяком случае в первые годы ее царствования. В какой-то мере они сделались функцией взаимоотношений Вены с Берлином и, во вторую очередь, со Стамбулом. Этим отлично воспользовался Фридрих II, мастер дипломатических интриг и хитросплетений высочайшего класса. Так, в сентябре 1770 г., стремясь углубить австро-русские противоречия, он пробовал воздействовать на австрийского императора Иосифа II в антирусском духе, пугая и без того напуганного собеседника перспективой гигантского усиления русской мощи.

Чтобы иметь более полное представление о сложной сети международных интриг, опутавшей Польшу накануне ее первого раздела, необходимо коснуться позиции Франции. Хотя она непосредственно и не соседствовала с Польшей, ее интерес к этой далекой стране пробудился достаточно рано и сохранялся довольно долго. Причиной была возможность и необходимость использовать Польшу против врагов Франции. С переходом в 1518 г. испанского престола к династии Габсбургов для французской монархии возникла реальная угроза оказаться во враждебном окружении Испании и Священной Римской империи. Началась длительная серия франко-габсбургских войн – четыре войны за неполных сорок лет. И тогда "христианнейшие" французские короли, не колеблясь, обратились за помощью к злейшим врагам христиан – к империи османов. Габсбургско-испанскому блоку католических держав они противопоставили свой "восточный барьер" – пояс союзных государств за спиной Габсбургов и Священной Римской империи.

Элементом этой системы, краеугольным камнем которой являлась могущественная Османская империя, должна была стать и Польша. Почти одновременно с заключением в первой трети XVI в. франко-турецкого наступательного союза версальский двор предпринял попытку вовлечь в этот союз Польшу, а позднее, уже в XVII в., и протестантскую Швецию. В XVIII в. с возвышением России и вступлением ее в семью великих держав французская заинтересованность в Швеции и Польше в качестве союзников получила дополнительную мотивацию. К середине XVIII в. французский "восточный барьер" служил уже сдерживанию России, а не Австрии. Последняя же, с трудом отбиваясь от прусских наскоков в Германии и на собственной территории, была вынуждена расстаться с традиционной антифранцузской направленностью своей внешней политики. Осуществление крутого поворота во внешнеполити-

ческой ориентации династии Габсбургов связано с именем государственного канцлера (с 1753 г.) графа В. А. фон Кауница, моравского аристократа, в течение нескольких лет до этого бывшего послом при версальском дворе. Из Парижа он вернулся не только сторонником и поклонником Просвещения (что сблизило его с Иосифом II, ставшим в 1765 г. императором Священной Римской империи и соправителем Марии Терезии), но и горячим сторонником идеи сближения с Францией. Убеждать Марию Терезию в том, что Пруссия – главный враг и поэтому Францию надо превратить из врага в союзницу, особой нужды не было. Иначе обстояло дело с Иосифом II, не скрывавшим своего восхищения Фридрихом II и его полководческим искусством. Как свидетельствуют современники, император кое в чем даже подражал своему кумиру, в особенности по части военных дел, так как хотел походить на великого полководца¹⁹.

Выдвижение польского вопроса на авансцену международной политики в конце 1760 – начале 1770-х годов теснейшим образом связано с двумя эпохальными событиями европейской истории XVIII в. – Семилетней войной и русско-турецкой войной 1768–1774 гг. Первая из них повлекла за собой существенные сдвиги в соотношении сил на международной арене. Англия, нейтрализовав французского конкурента, окончательно утвердилась в роли единственной сверхдержавы. Эту роль Англии никто не в силах был оспаривать вплоть до начала нового столетия, когда ей бросил вызов Наполеон Бонапарт. В 1768 г. Россия вступила в войну против Османской империи, имея полную поддержку Великобритании. Пропустив русскую эскадру через Гибралтар в Средиземное море, англичане сделали возможной блистательную победу русского флота в Чесменском морском сражении. В свою очередь русские поставки первоклассного корабельного леса и пеньки помогли "владычице морей" снарядить ее непобедимый флот²⁰.

Именно русско-турецкая война открыла путь к постановке и решению двух взаимосвязанных и давно назревавших вопросов международной политики – ближневосточного и польского. Симптоматично, что само начало этой роковой для поляков войны было связано с Польшей, а конкретно с восстанием Барской конфедерации и подавлением русскими войсками гайдаматчины на Украине. Непосредственным поводом к войне послужило вторжение из Польши на османскую территорию отряда гайдамаков, который, преследуя конфедератов, захватил и сжег село Балта на правом берегу Днестра. В ответ Блистательная Порта обвинила русских в нарушении суверенитета Османской империи и *потре-*

бовала вывода войск России из Польши. Так началась несчастливая и для Турции, и для Польши война, которая самым непосредственным образом затронула также интересы империи Габсбургов.

Став австрийским императором, Иосиф II пожелал встретиться с королем Пруссии, чтобы обсудить перспективы совместных действий против России. Мария Терезия, которую возмущала сама мысль о возможной встрече родного сына с "этим чудовищем", как она неизменно величала Фридриха, категорически воспротивилась этому. Прошло несколько лет, и ей пришлось сдаться. Убедил ее в необходимости подобного шага канцлер Кауниц, мудрости которого она доверяла безгранично. Доводы "за" были действительно весомы. Шел второй год войны России с Блистательной Портой. Русские войска уже успели овладеть устьем Дуная и занять Дунайские княжества, путь в глубину Балкан был перед ними открыт.

Громкие победы русского оружия на суше и на море в ходе этой войны произвели во всех европейских столицах тягостное впечатление. Настроения же в Вене граничили с паникой. Россия пугала не только Марию Терезию, но и ее воинственного сына. Император Иосиф боялся, что Россия под руководством Екатерины Великой может вырасти во внушающую страх державу. Во имя устранения этой опасности он был готов пойти на серьезные жертвы. В какой-то момент он не исключал возможности простить Фридриху захват Силезии, чтобы в союзе с Пруссией противостоять экспансионистским планам в отношении Османской империи и Польши. Под знаком нараставшей русской угрозы прошли две австро-пруссские встречи на высшем уровне в августе 1769 г. в силезском Нейссе (Ниса) в Пруссии и в сентябре 1770 г. в моравском Мериш-Нойштадте (Ново Место) в Австрии²¹. Мария Терезия, противившаяся сближению с Фридрихом, не без оснований предвидела очередную ловушку "прусского лиса" и в очередной раз в дурных своих предчувствиях не обманулась. Сам выбор места первой встречи был со стороны Гогенцоллерна одновременно и провокационен, и симптоматичен, ибо согласие австрийцев приехать в Силезию как бы символизировало признание факта аннексии бывшей жемчужины австрийской короны. Импульсивный Иосиф II при первой же встрече в Нейссе в ответ на льстивые приветственные слова Фридриха: "Это самый прекрасный день моей жизни!", воскликнул: "Отныне для Австрийского дома Силезии больше не существует!"²²

Хотя военные успехи России пугали и самого Фридриха, Кауниц и Иосиф так и не сумели уговорить стареющего монарха отвернуться от

союза с Екатериной, войска которой, захватив Дунайские княжества, готовились штурмовать Родопы. Глубокий рейд русских армий на Балканы Европа восприняла весьма болезненно. Венский же двор усмотрел в русском вторжении угрозу не просто своим отвлеченно-проблематичным балканским интересам, но непосредственно самой империи, границы которой оказались вследствие занятия Молдавии и Валахии охваченными Россией и с юго-востока. Для устранения этой опасности и был необходим союз с Пруссией. Такой союз в случае его реализации делал беспредметными любые совместные акции Пруссии и России в Польше, чем предотвращал саму угрозу ее раздела, но король остался непоколебим, и встречи на высшем уровне практически не имели политических последствий. Фридриха не прельстила даже идея более чем равноценного обмена австрийской Силезии на Саксонию, которую выдвинул Иосиф II. Союзу с Австрией король предпочел союз с Россией и тем самым фактически предрешил будущее развитие событий вокруг польского вопроса. Фридрих, разумеется, не мог забыть, что именно Россия гарантировала ему обладание Силезией, как это предусматривал русско-пруссский союзный договор 1764 г. А это было для Пруссии важнее всего. Представляется, что показное заигрывание Фридриха с Австрией было скорее демонстрацией в сторону северного соседа, рассчитанной на то, чтобы сделать последнего более уступчивым в отношении прусских притязаний.

Не случайно напумевшие силезско-моравские свидания двух центральноевропейских монархов дали весьма "тощие" результаты – подписание никого ни к чему не обязывавшего договора о нейтралитете и заранее обреченное на провал совместное обращение с предложением австро-прусского посредничества в русско-турецком вооруженном конфликте²³. Сомнительная честь выступить с подобным демаршем в Петербурге, естественно, выпала на долю австрийской дипломатии. Правда, сама идея первоначально исходила от Австрии, которая пыталась остановить дальнейший рост могущества России за счет слабеющей Османской империи, навязав Санкт-Петербургу совместное австро-прусское посредничество между Россией и Портой для прекращения русско-турецкой войны. Кауниц не без оснований считал, что дальнейшее продолжение русского наступления с перспективой падения Порты также и не в интересах Пруссии. В моравском Нойштадте он изложил Фридриху свой план. Говорил Кауниц так долго, что король, не выдержав, в отчаянии бросился обнимать собеседника, чтобы прервать поток речей австрийца. Австрия, сказал канцлер, не склонна признать русские притязания

ния на Дунайские княжества, ибо не желает иметь общие с Россией границы. Она готова соединить свои усилия с Пруссией, если та воздержится от нападения в случае австро-русского конфликта. Прусский король, естественно, уклонился от подобных обязательств. Основной же смысл экспозе Кауница сводился к навязыванию Петербургу австро-прусского посредничества с тем, чтобы спасти Порту, умиротворить Польшу, а заодно и кое-что приобрести самим. Но Фридрих хотел намного больше, чем мог дать совместный с Австрией демарш, к тому же явно неприятный Екатерине. Русские безошибочно разгадали игру своего прусского союзника. Царица, раздраженная до крайности прусскими интригами писала: "В Берлине должны понять и перестать нам постоянно указывать вооруженную или поднятую руку Австрии"²⁴.

Однако соотношение сил было таково, что ни одна из трех заинтересованных в польских делах сторон не была в состоянии реализовать свои замыслы. Даже Екатерина, имевшая в своем распоряжении самую могучую на востоке континента военную машину, не могла рисковать развивать успех на балканском театре военных действий, имея за своей спиной враждебную Австрию и ненадежную Пруссию. М. Шульце-Вессель вслед за Б. В. Носовым придерживается мнения, что раздел Речи Посполитой произошел из-за того, что Екатерина II не захотела больше довольствоваться традиционным протекторатом над Польшей, а стремилась к прямой аннексии польских территорий²⁵. Иными словами, подобная форма господства уже больше не устраивала Россию в принципе, т.е. изменилась сама концепция российской внешней политики, из чего и вытекал переход к политике раздела. Точка зрения интересная и безусловно заслуживающая серьезного анализа. Но все же кажется, что дело обстояло несколько иначе. Нужно вспомнить одно из высказываний классиков марксизма: "Почти никогда монархи не вели войн из-за принципов или ради того только, чтобы предотвратить далекую или близкую опасность. Они делают это всегда ради непосредственных интересов и непосредственных выгод"²⁶. Думается, никакого переворота в умах царицы и ее вельмож в описываемое время не происходило, и не было никакой "смены век" во внешнеполитической концепции. Просто увязшая на Балканах Екатерина вынуждена была уступить прусскому напору и компенсировать или, грубо говоря, купить поддержку Берлином ее балканской политики за счет части Польши в качестве компенсации.

С другой стороны, политика протектората над Польшей имела свои существенные изъяны, ибо находилась в зависимости не только от российского могущества и физического присутствия в Польше царских

гарнизонов. Устойчивое сохранение протектората во многом зависело от постоянно менявшегося соотношения сил как в самой Польше, так и вокруг нее. В конце 1760 – начале 1770-х годов русский протекторат над Польшей держался в сущности благодаря поддержке Пруссии. Система протектората дала сбой уже в самом начале польского кризиса, когда вследствие смерти польского короля Августа III наступила активизация польского вопроса, и "участливые" соседи занялись лихорадочными поисками "подходящей", т. е. выгодной для них кандидатуры. Выбор Екатерины II пал на Станислава Понятовского из "партии" Чарторыхских. Это был крупный личный просчет императрицы, потому что в кругу европейских монархов не принято было сажать на престол безвестного шляхтича только за то, что он приглянулся венценосной любовнице. Сама царица, естественно, представляла дело совсем иначе: "Россия выбрала его (Понятовского. – Т. И.) в кандидаты на польский престол потому, что из всех искателей он имел наименее прав и, следовательно, наиболее должен был чувствовать благодарность к России"²⁷. Екатерина недооценила возможную реакцию шокированных монархов Европы. Обычно проницательная царица на этот раз не смогла предвидеть, что своим выбором она дает противникам опасное оружие и они им непременно воспользуются. Но главный просчет Екатерины II состоял в том, что она ошиблась в самом Понятовском. Он, вопреки ожиданиям и расчетам на "благодарность", оказался сыном своей нации и не пожелал быть пешкой в руках "благодетельницы". Вознамерившись избавиться от русской опеки, Понятовский направил своего брата к Марии Терезии с поручением предложить Габсбургам Польшу в качестве союзницы, а заодно руку и сердце новоиспеченного монарха одной из многочисленных эрцгерцогинь Австрийского дома. Так Марии Терезии представился удобный случай для вмешательства в польские дела, и она им воспользовалась, дав Понятовскому высокий орден и даже позволив послу изложить брачные планы: польский король, наслышанный о сказочной красоте эрцгерцогини Марии Елизаветы (тогда еще ее лицо не было обезображено оспой), заявлял, что был бы счастлив получить позволение просить ее руки²⁸. Но из брачного проекта ничего не вышло. Австрийская императрица не дала себя втянуть в запутаннейшие польские внутриполитические игры.

От всей этой истории вокруг Понятовского в выигрыше остался один Фридрих II. По свидетельству П. А. Вяземского, король ловко использовал заинтересованность царицы в избрании Понятовского и "взаимное нерасположение Екатерины и Марии Терезии". Фридрих II, ис-

пользуя переписку с Екатериной, искусно разжигал чувства взаимной неприязни и зависти между двумя дамами. "Гордость Марии Терезии, – указывал Вяземский, – поднималась на дыбы перед гордостью императрицы всероссийской"²⁹. Когда Мария Терезия выразила свое возмущение скандальным поступком Екатерины, посадившей на трон любовника, той нашлось чем парировать: если австрийской императрице можно "делать короля" (незадолго до этого ее сын Иосиф II был избран римским королем), то почему же ей, русской императрице, возбраняется "делать своего короля".

Между тем после громкой победы в Чесменском морском сражении, когда впервые после 1453 г. над Стамбулом нависла реальная угроза захвата неприятелем, военное счастье отвернулось от русских во многом из-за бездарных действий А. Г. Орлова на эгейском театре военных действий, а также благодаря деятельности энергичного капудан-паши Хасапа (позднее великого визиря), сумевшего в кратчайшие сроки реорганизовать флот, укрепить форты и поднять боевой дух армии янычаров. Встревоженная перспективой перехода Дарданелл в руки русских, Великобритания отозвала своих моряков из русского флота³⁰. Русско-турецкая война 1768–1774 гг., завершившаяся в 1774 г. Кючук-Кайнарджийским миром, фактически закончилась уже в июле 1772 г., когда Россия вынуждена была подписать перемирие в Джурджу.

"Верный" союзник Екатерины Фридрих Ликовал. Настал момент, когда можно было без большого труда оторвать Россию от восточных дел, целиком и полностью переключить на "решение" польского вопроса. Одновременно наступила длительная полоса охлаждения в англо-русских отношениях, которая уравнивалась русско-австрийским сближением. В поисках новой дипломатической компенсации за упылавшую в туманную даль британскую дружбу взоры русской дипломатии вновь обратились к Вене. Акции последней еще больше поднялись в цене после того, как Стамбул попросил Австрию стать посредником в турецко-русских переговорах, подкрепив свою просьбу 250 мешками монет, эквивалентных солидной сумме в 10 миллионов гульденов. Мария Терезия была тронута. "Мне неохота брать деньги от этих людей", – сказала она как бы смущенно, но взяла их³¹, а в придачу к мешкам за свои посреднические услуги при заключении мира впоследствии получила от "этих людей" – османов – Буковину. В июле 1771 г. австрийский посланник в Стамбуле Й. Тугут подписал секретное соглашение, по которому Австрия обязалась склонить Россию к миру с Османской империей и добиться освобождения Польши от русского протектората³². Ма-

рия Терезия, однако, уклонилась от ратификации соглашения, ограничившись демонстративной мобилизацией своей армии, при этом строго запретив войскам всякие передвижения у границ занятых русскими войсками Дунайских княжеств. Иосиф, горевший желанием выступить во главе войска в поход, был взбешен бездействием матери. Но та была непоколебима, ибо предвидела риск столкновения со "страшной коалицией" России и Пруссии и укоряла сына, желающего "маршировать против России", в игнорировании угрозы такой войны³³. (Между прочим, именно этим аргументом Кауницу в дальнейшем удалось сломить сопротивление императрицы, до последней минуты отказывавшейся санкционировать раздел Польши. Канцлер поставил ее перед выбором: или участие в разделе, или война со "страшной коалицией".)

Одновременно в Санкт-Петербурге воспряла духом "австрийская партия". Настало время соединить Россию со "знатнейшими на твердой земле Европы державами – Австрией и Пруссией", – писал в феврале 1772 г. Н. И. Панин А. Г. Орлову³⁴. Созрела идея новой дипломатической комбинации – тройственного союза России, Пруссии и Австрии с целью решения стратегической для русской внешней политики задачи века, каковой являлись овладение бассейном Черного моря и выход на средиземноморские просторы. Особая роль в этой комбинации отводилась Австрии, которая должна была в системе русских союзов заменить Англию. Первым делом для этого необходимо было оторвать ее от Франции, а часть Польши, принесенная Габсбургам в качестве жертвенного дара, должна была служить хорошей приманкой. Таков был ход рассуждений цвета российской политической элиты, обсуждавшей вопрос на заседании Государственного совета 27 мая 1771 г.

План удался, хотя и не полностью. Устойчивого в длительной перспективе тройственного союза не получилось не в последнюю очередь вследствие нового обострения во второй половине 1770-х годов австро-пруссских противоречий из-за Силезии и борьбы за гегемонию в Германии. Но весной 1771 г. в дипломатических кругах русской столицы стало известно, что Панин мечтает о "соединении с Австрией", о чем поспешил донести в Лондон британский посол лорд К. Каткарт³⁵. Австрийцы клюнули на русскую приманку. В январе 1772 г. посол в Вене Д. М. Голицын с удовлетворением доносил Панину о своей беседе с канцлером Кауницем, в ходе которой последний высказал мнение о возможности применить сотрудничество двух императорских дворов "в польских делах и по отношению к Турции"³⁶. Тем самым одновременно был сделан первый шаг к будущему участию империи Габсбургов в ре-

лизации "греческого проекта" о создании "Новой Византии" на руинах Османской империи – великой мечты русской царицы Екатерины II.

Таким образом, в лице Габсбургов Петербург обрел ценного союзника для осуществления своих замыслов не только в Польше, но и на Востоке, что было гораздо важнее, чем решение польского вопроса, ставшего в результате в первую очередь усилий России частью Восточного вопроса, практически его придатком. В письме А. Г. Орлову 28 июня 1772 г. царица указывала, что благодаря привлечению Австрии к разделу Польши Россия добилась "отступления венского двора от противной нам системы (союза с Францией. – *Т. И.*) и его сближения с нами и с королем прусским"³⁷.

Состоявшийся 5 августа 1772 г. первый раздел Польши принес трем участникам международного разбоя следующие приобретения: Пруссия получила 36 тыс. кв. км территории с населением в 600 тыс. душ; Россия, соответственно, 92 тыс. кв. км. и 1,3 млн. человек, Австрия – 83 тыс. кв. км и 2,1 млн. человек. Польский сейм 1773 г. утвердил петербургские решения³⁸.

Если судить по количественным показателям, меньше всех при разделе Польши приобрела Пруссия, отличившаяся больше других рвением и прытью, в свершении этого злодеяния. Но для Пруссии новые приобретения означали гораздо больше и были более весомы, чем обширные захваты Австрии и России. Во-первых, благодаря присоединению польских земель образовался широкий коридор, соединявший две разрозненные до того части прусского государства – Восточную Пруссию и Бранденбург, хотя и не включавший Торн (Горунь) и Данциг (Гданьск). Во-вторых, площадь Пруссии увеличилась ровно на одну четверть, а в-третьих, она получила исключительно важные торгово-экономические преимущества. Об этом лучше всех сказал сам Фридрих Великий, главный архитектор раздела Польши и, можно сказать, главный герой русско-турецкой войны, сумевший извлечь из нее максимум для себя выгод. "Мы станем хозяевами всей польской продукции и будем держать в своих руках ее импорт. А величайшая выгода состоит в том, что в качестве хозяев зерновой торговли мы в будущем никогда больше не будем испытывать угрозу голода", – писал он на радостях сразу же после подписания петербургской конвенции о разделе Речи Посполитой принцу Генриху, своему брату, сыгравшему исключительно важную роль в переговорах с русскими по поводу раздела³⁹.

В результате первого раздела Австрия приобрела обширные территории с многочисленным населением. Тем не менее Мария Терезия особого удовлетворения при этом не испытала. Участие в разделе она сама расценила как "позорное пятно" для всего ее правления, как деяние, отравившее ее жизнь⁴⁰.

России, основной ударной силе раздела, достался самый большой по площади кусок польских земель, заселенных преимущественно неполяками, хотя и в самой России существовало мнение, что в территориальном расширении она нуждалась меньше всего. Так, в "Записке о внешней политике", хранящейся в Архиве Воронцовых можно прочесть следующие строки: "Вообще, не нужны России новые завоевания, потому, что у нас есть множество своих земель, кои в пуге лежат". По мнению автора "Записки", России нужен мир, чтобы "ободрить земледелие, фабрики, мануфактуры"⁴¹. Но на общем фоне российской политики и публицистики эпохи, отмеченной самыми обширными в русской истории завоеваниями, да и в последующие времена, образ мысли Воронцовых и им подобных, видевших величие нации не в военной славе и захватах, а на поприще созидания, был скорее исключением, нежели правилом.

Вопрос об исторической ответственности за раздел Польши и уничтожение польской государственности в принципе ясен: Австрия, Пруссия, Россия несут равную ответственность как соучастники антипольского заговора и международного преступления и заслуживают безусловного осуждения. Несмотря на то, что в трактовке концепции равной ответственности или виновности национальными историографами каждой из трех названных стран можно обнаружить известные различия, она более приемлема и предпочтительна, поскольку не ставит во главу угла пресловутые и, как правило, почти всегда ложно понимаемые "национальные интересы", ориентирующие исследователя в худшем случае на оправдание преступных деяний правителей своей страны, а в лучшем – на поиски "смягчающих обстоятельств". К тому же сегодня, по прошествии более чем двухсот лет, установить с ювелирной точностью долю вины и ответственности Берлина либо Петербурга, инициаторов антипольского заговора, вряд ли возможно. Тем не менее дифференцированный подход при освещении роли членов этой отщупь не святой троицы не лишен интереса и обоснованности.

Отрадно, что концепция равной ответственности разделяется современной германской историографией в лице таких ее представителей, как К. Цернак, М. Г. Мюллер, М. Шульце-Вессель и некоторых дру-

гих⁴². При этом Мюллер, например, подходу дифференцированно к польской политике обоих немецких дворов, подчеркивает существенное различие в их целях. Он говорит о "принципиально антипольской ориентированности" политики Берлина, о ее аннексионистской направленности, в то время как в австрийском случае речь шла о "компенсации за вынужденный отказ от Силезии и потерю влияния в Польше после 1764 г."⁴³ Оценка в целом вполне приемлема, но с определенными оговорками. Во-первых, Галиция и тем более Буковина не могли быть для Австрии компенсацией за потерю Силезии, за возвращение которой она вела две тяжелейшие войны. Во-вторых, и это самое главное, в противоположность Пруссии и России, Австрия не имела сопоставимых по важности интересов в Польше. В третьих, разрушение Польского государства было не в интересах Габсбургов, поскольку могло лишь усилить их опасных соседей на севере и востоке, а таких стратегических целей Габсбурги не преследовали. Это совсем не означает, что Австрия была чиста и болезнь экспансионизма ей была вовсе неведома. Но в плане геополитики объектом притяжения на востоке для нее в первую очередь служили устье Дуная и Дунайские княжества, а не далекие польско-украинские просторы.

Эти соображения должным образом в литературе не учитываются. М. Шульце-Вессель в своем фундаментальном труде не совсем точно утверждает, что "обе немецкие державы, каждая по-своему, вели дело к разделу Польши"⁴⁴. Но, во-первых, империя чисто немецкой не была, да и сами Габсбурги таковой ее не считали. Во-вторых, "дело к разделу Польши вели" не Габсбурги, а Гогенцоллерны. Сам же Шульце-Вессель весьма убедительно доказывает, что к такой развязке последовательно стремился Берлин и что его усилиями объясняется согласие Петербурга пойти на раздел. "Улаживание кризиса (ближневосточного. — Т. И.), — пишет он, — было куплено Россией не только ценой отказа от аннексии Дунайских княжеств, но и согласия на раздел Польши"⁴⁵.

Все вышесказанное ни в коей мере не снимает вины и ответственности с австрийского двора как одного из трех заговорщиков. Более того, Австрия была не просто "рядовым" членом заговора, не только равноправным соучастником раздела. Инициатором и движущей силой раздела были, правда, не Габсбурги, но первый шаг к аннексии части польской территории был сделан ими, а не русскими и пруссаками. Речь идет о небольшом округе Спип (Сепеш по-венгерски, Ципс по-немецки), точнее о 16 городах венгерского комитата Сепеш, которые в 1412 г. были заложены польскому королю Владиславу II за 37 тыс. чешских

грошей венгерским королем Жигмондом (Сигизмундом), поскольку ему срочно понадобились деньги для продолжения войны с Венецией. С тех пор округ оставался в составе Польши, и венгерские короли, включая Габсбургов, ни разу ни о долге, ни о заложенном имуществе не вспоминали. О Спише заговорили в 1769 г., когда над Польшей стали сгущаться тучи, а обстановка в стране и вокруг нее накалилась до предела. От имени короля Венгрии был опубликован рескрипт о присоединении округа к владениям династии. Любопытно, что для обоснования захвата чужих территорий власть и в те времена не гнушалась историей. Одним из двух придворных архивариусов, которым была доверена эта миссия, был венгерский подданный Марии Терезии, словацкий просветитель Адам Коллар.

На присоединении польской территории настояли Кауниц и император Иосиф, просвещенный монарх, любивший размышлять на досуге о праве и справедливости. Но решающее слово все еще принадлежало императрице. Она выразила сомнение в обоснованности и законности австрийских притязаний на Спиш и одно время даже изъявляла готовность вывести свои войска при условии, что из Польши уйдут также пруссаки и русские. Поскольку этот призыв не нашел отклика, Мария Терезия согласилась на аннексию этой части польской территории, граничившей с трех сторон с Венгрией.

Захват польской земли произошел при полном и явно одобрительном молчании Петербурга и Берлина. Справедливости ради надо сказать, что к этому времени почти две трети Польско-Литовского государства уже были заняты русскими войсками. Но это не есть еще *отторжение чужих земель и присоединение их* к собственной территории. Формальный акт аннексии первой совершила Австрия. Именно она положила начало концу Польши.

Приговор истории неумолим, и от него не уйти ни одному из участников покушения на целостность и суверенитет Польского государства. Не насытившись добычей, те же хищники через два десятилетия совершили второй акт коллективного международного разбоя, а в 1795 г. завершили начатое ими в 1772 г. в Санкт-Петербурге черное дело. Прошло двести лет, а шлейф от него все еще тянется, отравляя историческую память и историческое сознание все новых поколений. Из исторической памяти поляков не так просто во имя доктрин пролетарского интернационализма и лозунга дружбы народов вычеркнуть причиненное нации историческое зло, тем более, что на протяжении полутора веков она пережила многократные разделы своей страны, и последний из них

произошел относительно недавно, в 1939 г. Историческая память стала частью польского национального самосознания, изменения в котором совершаются медленно и трудно.

Примечания

- ¹ О французском "восточном барьере" см. исследование выдающегося советского историка: *Поршнев Б.Ф.* К вопросу о месте России в системе европейских государств в XV–XVIII вв. // Ученые записки Академии общественных наук. Вып. II. Вопросы всеобщей истории. М., 1948.
- ² *Nosov B.* Die preußisch-rußischen Beziehungen von 1760 bis 1780 und Polen // Informationen der Historischen Kommission zu Berlin. Beiheft 17. Berlin, 1993. S. 17.
- ³ *Нерсесов Г.А.* Политика России на Тешенском конгрессе (1778–1779). М., 1988. С. 21.
- ⁴ *Энгельс Ф.* Внешняя политика русского царизма // *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 18.
- ⁵ *Schulze-Wessel J.* Rußlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und der politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates. 1697–1947. Stuttgart, 1995. S. 20.
- ⁶ *Sorel A.* La Question d'Orient au XVIII. siècle. La partage de la Pologne et la traité de Kainardji. Paris, 1962.
- ⁷ *Тарле Е.В.* Екатерина II и ее дипломатия. М., 1945. Ч. 2. С. 47.
- ⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVI. С. 3.
- ⁹ *Berninghoven F., Börsch-Supan H., Gundermann I.* Friedrich der Große. Berlin, 1986. S. 251.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 252–253.
- ¹¹ *Ibid.* S. 253.
- ¹² Архив князя Воронцова. М., 1882. Т. 25. С. 339
- ¹³ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1875. Т. 2. Трактаты с Австрией, 1772–1808. С. 6.
- ¹⁴ Там же. С. 5.
- ¹⁵ Сборник Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1876. Т. 18. С. 14–15.
- ¹⁶ *Кареев Н.И.* Польские реформы в XVIII в. СПб., 1890. С. 70.
- ¹⁷ *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 109.
- ¹⁸ *Виноградов В.Н.* Век Екатерины II: прорыв на Балканы // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 52.
- ¹⁹ *Fussenegger G.* Maria Theresia. Wien, 1967. S.268–269.
- ²⁰ *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 61.
- ²¹ *Die Kaiser der Neuzeit, 1519–1918.* München, 1990. S. 261.
- ²² *Vallotton H.* Kaiserin Maria Theresia. Herrscherin und Mutter. Hamburg, 1968. С. 262.
- ²³ *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 124–126.
- ²⁴ *Соловьев С.М.* История России. М., 1994. Кн. 14. С. 424.
- ²⁵ *Schulze-Wessel M.* Op. cit. S. 83–84.
- ²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 32.

- ²⁷ Исторические и автобиографические заметки Екатерины II // Русский архив. 1878. Кн. 2. С. 290.
- ²⁸ *Fussenegger G.* Op. cit. S. 280.
- ²⁹ XVIII век: сборник материалов. Сб. 1. М., 1935. С. 16.
- ³⁰ *Sugar P. F.* South-Eastern Europe under Ottoman Rule, 1354–1804. Seattle; London, 1977. P. 204–205.
- ³¹ *Fussenegger G.* Op. cit. S. 281.
- ³² *Vallotton H.* Op. cit. S. 266.
- ³³ *Ibid.* S. 267.
- ³⁴ Сб. РИО. Т. 18. С. 22.
- ³⁵ Там же. 1876. Т. 19. С. 204.
- ³⁶ Там же. 1867. Т. 1. С. 154.
- ³⁷ Там же. Т. 19. С. 83.
- ³⁸ *Benninghoven Fr., Börsch-Supan H., Gundermann I.* Op. cit. S. 257.
- ³⁹ *Vallotton H.* Op. cit. S. 268.
- ⁴⁰ *Hantsch H.* Die Geschichte Österreichs. 1648–1918. Bd. 2. Graz; Wien; Köln, 1962. S. 214.
- ⁴¹ Архив князя Воронцова. Т. 25. С. 333.
- ⁴² *Zernack K.* Preußen-Deutschland-Polen // Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen. Berlin, 1991; *Müller M. G.* Polen und Rußland. Zwei Wege in der europäischen Politik. Berlin, 1994; *Idem.* Die Teilungen Polens. 1772–1792–1795. München, 1984.
- ⁴³ *Ibid.* S. 34.
- ⁴⁴ *Schulze-Wessel M.* Op. cit. S. 84.
- ⁴⁵ *Ibid.* S. 85.

Прусско–английские отношения накануне и в период первого раздела Речи Посполитой

Третий раздел Речи Посполитой в 1795 г. и Венский конгресс 1815 г. на сто с лишним лет определили судьбу Польши и подвластных ей народов. Однако оба события были только следствием происшедшего в 1772 г. первого раздела Речи Посполитой, которому способствовали как внутренняя слабость и нестабильность самой шляхетской республики и активная дипломатическая подготовка участников раздела, прежде всего Пруссии и России, так и благоприятная для них международная ситуация в Европе, когда ни Англия, ни Франция по сути дела ничего не предприняли для того, чтобы предотвратить этот раздел. Вопрос еще и в том, можно ли было помешать осуществлению намерений трех монархий Центральной и Восточной Европы, т.е. Пруссии, Австрии и России? Что крылось за довольно слабой реакцией двух ведущих европейских держав, а порой и безучастностью?

В современной историографии, как отмечалось в статье Б.В.Носова, заметно "постепенное сближение позиций национальных историографических школ... в преодолении воззрений, продиктованных субъективными политическими интересами"¹. Но, с другой стороны, чувствуется влияние достаточно старой концепции "равновесия сил" в европейской политике XVI–XVIII вв., во второй половине XVIII в. проявлявшейся в переменном кратковременном преобладании монархии Габсбургов, Франции или России². Объяснение разделов Речи Посполитой происходившей вследствие невысокого уровня экономического развития территориальной экспансией абсолютистских государств, выдвинутое Конрадом фон Аретином и его учениками, интересно и вполне обоснованно, но не исчерпывающе полно³. Как бы то ни было, не стоит сбрасывать со счетов и сделанное двадцать лет тому назад заявление немецкого историка В.Хубача, что раздел 1772 г. не имеет ничего обще-

го с фактическими разделами Польши в 1793 и 1795 гг., поскольку в результате его Россия получила земли с русским, западнорусским и литовским населением (т.е. белорусским и украинским. – Ю.И.), а Пруссия – с чисто немецким населением⁴.

В настоящей статье мы попытаемся определить место и роль прусско-английских отношений в первом разделе Польши. От позиции Англии зависело не так уж мало в центральноевропейских делах и ее нейтрализация в готовившемся разделе Речи Посполитой давала участникам раздела возможность произвести его, не опасаясь за тылы. И вот тут для нас становится весьма важной оценка политики Пруссии в отношении Альбиона. Но, естественно, что нельзя удовлетвориться изучением состояния прусско-английских отношений только в период первого раздела Польши. Необходимо заглянуть на два-три десятилетия назад и посмотреть на эволюцию этих отношений в контексте дипломатической инициативы Пруссии.

Цели внешней политики Пруссии в конце XVII – первой половине XVIII в. определялись характерным для абсолютистских держав того времени стремлением закрепить свои позиции в европейской системе государств и оградить себя от территориальных претензий соседей, самыми опасными из которых тогда были Польша и Швеция⁵. Несколько позднее возникла проблема австро-прусского дуализма в соотношении сил в Германии и Центральной Европе. Наиболее решительным актом этой политики Пруссии в первой половине XVIII в. было завоевание Силезии, отобранной у Австрии в начале правления Фридриха II (1740–1786). Это приобретение не только усилило позиции Пруссии, но и несколько изменило соотношение сил внутри Священной Римской империи, поскольку дало возможность Фридриху II играть роль защитника имперской конституции и системы равновесия сил в Германии⁶. Однако политика "государственного интереса" плюс интереса династического, т.е. династии Гогенцоллернов, оказалась и средством усиления прусского государства⁷, и в перспективе вполне могла перерасти во внешнюю территориальную экспансию, что в истории происходило довольно часто.

Большое место в политических расчетах Фридриха II занимала и Россия, поскольку он считал положение королевства, занимавшего опасное среднее положение между тремя великими державами континента – Францией, Австрией и Россией, – весьма уязвимым. Фридрих II в своей дипломатии стремился сдерживать территориальную экспансию этих государств. В частности, не желая, чтобы Россия удерживала за

собой земли, захваченные у Турции, он постоянно подталкивал русскую дипломатию к идее раздела Польши. Тем более, что одной Пруссии было не под силу осуществить присвоение тех земель Речи Посполитой, в которых нуждалось государство Фридриха II. Для Пруссии первый раздел Польши в территориальном отношении оказался не столь значительным, так как она не получила ни Гданьска (Данцига), ни Торуня (Торна), но в политическом плане королевство усилилось, поскольку стало осуществлять контроль над устьем Вислы, а Восточная Пруссия соединилась с Померанией и Бранденбургом⁸.

Прусско-английские отношения в XVIII в. развивались довольно сложно и противоречиво. Гогенцоллерны и правившая в Великобритании с 1714 г. Ганноверская династия были связаны родственными узами. Сам Фридрих II был сыном Софии Доротеи, дочери Георга I (1714–1727), короля Великобритании, а его бабушка, София Шарлотта, была сестрой Георга, курфюрста Ганноверского с 1698 г.⁹ Но родственные узы – это одно, а реальная политика – совсем другое. Немецкий историк О.Хаузер определяет три главные тенденции британской политики по отношению к Пруссии Фридриха II: во-первых, после кратковременного периода симпатии со стороны правящих кругов Великобритании к молодому королю произошел резкий поворот к враждебности, вызванный захватом Силезии прусскими войсками; во-вторых, некоторое сближение вследствие примирения Пруссии с Австрией и необходимости поиска союзников в создании антифранцузской коалиции (эта тенденция проявилась перед началом Семилетней войны); в-третьих, широко дискутируемая не столько в правительственных кругах, сколько в публицистике идея укрепления Пруссии и примирения ее с Австрией как опоры в борьбе против главного соперника Великобритании на континенте – Франции¹⁰.

Весьма интересными были перемены в общественном мнении Великобритании по отношению к Пруссии и самому Фридриху II в течение нескольких десятилетий перед первым разделом Польши. Эта проблема была основательно изучена немецким историком М.Шленке в монографии "Англия и Фридриховская Пруссия 1740–1763 гг.". Исследование Шленке настолько интересно, что основные его результаты необходимо изложить подробнее.

Немецкий историк не ограничился только двадцатью тремя годами, обозначенными в названии книги. Он достаточно подробно осветил и отношение английского общественного мнения к Пруссии при отце Фридриха II короле Фридрихе Вильгельме I (1713–1740), который в

Англии отнюдь не пользовался популярностью. Когда он умер, там возникли надежды, что политика этого воинственного и грубого короля, перед которым англичане испытывали определенный страх, будет заменена более миролюбивой¹¹. Поэтому восшествие на престол Фридриха II, человека образованного и, как было известно, не любившего своего отца, широко приветствовалось в Британии. Как правительственные круги, так и оппозиция, как Уолпол, так и Болингброк выражали надежды на улучшение отношений с Пруссией. Отрезвление наступило довольно быстро в связи с началом первой силезской войны. "Целая нация на стороне Марии-Терезии (австрийской императрицы. – Ю.И.)" – это было мнение не только одного из английских памфлетистов в 1745 г.¹² Силезская война и марш Фридриха II на Чехию в 1744 г. вызвали живейшую дискуссию в Англии, в которой участвовали и правительственные круги и оппозиция. Король Георг II (1727–1760) сам выступил с осуждением своего прусского родственника. Причина этого заключалась в том, что военные действия Пруссии были направлены против традиционного в первой половине XVIII в. союзника Англии в борьбе против Франции. В Лондоне ослабление Австрии рассматривалось как предоставление Франции возможности возобновить борьбу за гегемонию на континенте и нарушить столь милое сердцу английских политиков "равновесие сил" в Европе¹³. Необходимо учитывать еще и личную ненависть короля Георга II к его прусскому племяннику, основанную на опасении, что тот попытается вообще ослабить влияние Ганноверской династии¹⁴.

Но по прошествии нескольких лет ситуация изменилась. Сближение Австрии с Францией и взятая Пруссией на себя роль защитницы протестантизма и продолжательницы политики знаменитого шведского короля Густава II Адольфа (1611–1632) способствовали некоторому сближению Англии с Пруссией, что вошло в основу "дипломатической революции 1756 г." и европейских коалиций времен Семилетней войны 1757–1763 гг.¹⁵

Вестминстерский договор от 16 января 1756 г., в котором Англия и Пруссия объявили себя защитницами немецких земель от притязаний иноземных государств, знаменовал создание "новой системы" в европейской дипломатии. Франко-австрийский союз от 1 мая 1756 г. и вторжение войск Фридриха II в Саксонию 29 августа того же года еще теснее связали Альбион с Пруссией, хотя формально английское правительство предпочитало придерживаться Вестминстерского соглашения о нейтралитете. По второму Вестминстерскому соглашению от 11 апре-

ля 1758 г. английское правительство предоставляло Пруссии субсидию в размере 670 тыс. ф.ст. Правительственные публицисты заработали вовсю, оправдывая англо-прусский союз интересами "защиты свободы и религии"¹⁶. Фридрих II изображался как "величайшая опора протестантизма" в Европе, его день рождения отмечался в Англии в 1759 г. и 1760 г. фейерверками и иллюминациями¹⁷.

Но к концу 1760 г. оппозиция стала все чаще и чаще выступать против этой политики, утверждая, что Англия должна сосредоточить свои усилия не на континентальных делах, а на борьбе с Францией на море. Правительство же пока предпочитало доказывать, что Пруссия является наилучшим естественным союзником Англии. Министр в правительстве Питта лорд Бьют высказался так: "На Севере Пруссия так же внушает страх, как Франция на юге; следовательно, она, с точки зрения английских интересов, наилучший союзник. Подобным же образом она наилучший союзник для Англии в делах религии..."¹⁸ Но критика политики прусского короля в английской публицистике, в первую очередь оппозиционной, становилась все более резкой. Правительство же пока считало, что решение споров из-за американских колоний с Францией надо искать в Германии¹⁹.

Сам же Фридрих II во время Семилетней войны не вполне полагался на Англию, поскольку опасался, что союз с ней неизбежно вовлечет его в затяжной англо-французский конфликт²⁰. Собственно, это и произошло, когда прусские войска потерпели ряд поражений от французов. После Семилетней войны, когда только восшествие на российский престол Петра III (1761–1762) – поклонника Фридриха II, спасло Пруссию от окончательного разгрома. Понимая, что сменившая Петра III на престоле Екатерина II (1762–1796) еще только подбирает ориентиры во внешней политике, Фридрих II начал искать пути сближения с Российской империей. Англо-прусский союз времен Семилетней войны прекратил свое существование в обстановке взаимных обвинений и враждебности. В последующие годы отношения между двумя государствами были довольно холодными.

В 60-х годах XVIII в. Фридрих II стремился обеспечить союзные отношения с Россией и с этой точки зрения он не нуждался в союзе ни с Англией, ни с Францией. Попытки прусского короля помешать англо-русскому сближению определялись просто раздражением, им вызванным, но не стремлением помешать осуществлению планов руководителя внешней политики Российской империи графа Панина создать "северную систему" с ведущей ролью России²¹. Но главным в сближении

Фридриха II с Россией явился замысел прусского короля разделить Польшу²². Борьба за герцогство Курляндское и укрепление в нем влияния России были первыми шагами в установлении прочного взаимодействия Пруссии и России в отношении Польши²³. В свою очередь, Панин также считал, что только с помощью Пруссии можно укрепить позиции России в Северной Европе и создать прочный противовес блоку католических держав в лице Франции, Испании и Австрии. Сам он планировал подключить к Северному союзу Англию, Данию, Швецию и Польшу. Особенно необходимой России была зависимость от нее Польши²⁴. Для Фридриха II важным было также не только укрепить за счет Польши положение Пруссии, но и ослабить рост влияния России в европейской политике. С этой целью он, с одной стороны, подыгрывал стремлению России укрепить позиции в Польше, с другой – пугал западноевропейские государства тем, что, подчинив Польшу полностью, Россия усилит свое влияние на Западную Европу²⁵. Фридрих II предусматривал также "окружение" с помощью России своих владений в Германии – Мекленбурга, Гамбурга, Ансбаха и Байрейта²⁶. В политических завещаниях 1752 и 1768 гг. прусский король уже подумывал о мирном приобретении польской Пруссии и о том, чтобы не допустить перехода Данцига в русские руки. Возобновление в 1769 г. заключенного в 1764 г. прусско-русского договора шло параллельно с предложениями Фридриха II графу Панину и Екатерине II о разделении Польши²⁷.

Но если новый польский король Станислав Август Понятовский был русским ставленником, то влияние Фридриха II в Польше было весьма слабым. Понятны его опасения, что Речь Посполитая целиком окажется в сфере влияния Российской империи. Русско-турецкая война 1768–1774 гг., конечно, отвлекала внимание последней и это давало шанс Пруссии на достижение соглашения с Россией о разделе Польши. Сам по себе договор 1769 г. означал не просто первый шаг в разделе Польского государства, но и прорыв дипломатией Фридриха II созданной Англией системы политической изоляции. С помощью союза с Россией Пруссия фактически укрепляла свои позиции в противостоянии с Австрией и в системе австро-прусского дуализма в Германии²⁸. Для нейтрализации Австрии союзники договорились выделить ей Галицию. Пруссия выступила посредником в переговорах между своим русским союзником и Османской империей, дабы последняя не отвлекала Россию от польских дел. Характерно замечание Фридриха II по адресу России, сделанное им в письме его брату Генриху, ведущему переговоры в Петербурге, от 11 января 1771 г.: "Я – ее союзник, но я никогда не

буду ее рабом"²⁹. В это же примерно время он довольно откровенно высказался по поводу прусско-русского союза: "Я не желаю укреплять связи, которые нас соединяют, но я не могу разорвать внезапно наш союз; он не вечен"³⁰.

Фридрих II продолжал маневрировать между Австрией и Россией. На поступившее из Австрии предложение вступить в союзе с ней в войну против России прусский король отвечал, что хорошо представляет опасность последней, ибо испытал это на себе в недавней войне, "mais c'est mon allie"³¹. Тут имели значение еще и соображения, нацеленные на установление нового европейского равновесия; ведь Франция теперь поддерживала Баварию против Австрии, а сама Пруссия стремилась приобрести союзников и среди возможно большего числа немецких княжеств³². Личные встречи Фридриха II и австрийского императора Иосифа II в 1769 г. и 1770 г. оказались безрезультатными: взаимное недоверие не было преодолено.

В 1770 г. брат Фридриха II, принц Геврих, получил приглашение приехать в Петербург, где были возобновлены переговоры о плане раздела Польши между Россией, Пруссией и Австрией. Наконец, 17 февраля 1772 г. Россия и Пруссия официально объявили о разделе Речи Посполитой. Венскому двору было предложено присоединиться к конвенции, что и произошло по договору 5 августа того же года... В новые прусские земли были немедленно введены войска. Всякая оппозиция прусской администрации подавлялась с помощью жестких мер. Сам Фридрих II рассматривал государственное устройство Польши как анахронизм, а систему управления как наихудшую в Европе, и вследствие этого относился с презрением ко всему польскому. Новые земельные приобретения значительно укрепили позиции Пруссии в европейской системе государств. Кроме "спрямления" восточных и западных частей Прусского королевства, имелись выгоды материального характера: новые владения давали ежегодно более 800 тыс. талеров дохода в королевскую казну, а армия получила 25 200 новых солдат³³.

Параллельно с переговорами в Петербурге и Вене прусская дипломатия вела довольно сложную и изощренную игру в Лондоне. Отправляя своего посла графа Мальцана на берега Темзы, Фридрих II в инструкции от 17 декабря 1772 г. указывал на все сложности задачи нейтрализации Великобритании в деле раздела Польши: "...эти силы (т.е. противники Пруссии при лондонском дворе. – Ю.И.) не будут игнорировать, что между мной и Англией не существует союза, и что дела (очевидно, планы раздела Польши. – Ю.И.) будут способствовать боль-

ше охлаждению, чем доброму пониманию между двумя дворами"³⁴. Одновременно он писал своему послу при венском дворе Роду, что Англия вряд ли рискнет пойти на открытое посредничество в разделе Польши, а Франция не будет вмешиваться в планы трех держав"³⁵.

Эти расчеты прусского короля объяснялись тем, что правящие круги Англии были нацелены на решение колониальных споров с Францией и с тревогой следили за ростом оппозиционных настроений в североамериканских колониях, а Франция переживала сильный внутриполитический кризис в последние годы правления Людовика XV (1715–1774), не позволявший ей вести активную политику в центре Европы. Очевидно нерешительная позиция Англии и Франции, не желавших открыто портить отношения с Пруссией и Австрией, способствовала осуществлению планов Фридриха II. Король был прекрасно осведомлен о позиции парижского и лондонского правительств. Так, в письме Мальцану от 27 февраля 1772 г. он писал: "В существующей ситуации в Европе будет неразумно договариваться с этим двором (т.е. с английским о разделе Польши. – Ю.И.), так же, как и с Францией"³⁶. Еще более откровенно Фридрих II высказался в письме все тому же Мальцану от 16 апреля 1772 г.: "Лорд Саффолк (министр иностранных дел в правительстве Питта. – Ю.И.) сделал хорошую мину при плохой игре и позволил нам действовать. Англия не может более изменять баланс сил в Европе по своему усмотрению и на сей раз ей остается быть спокойным зрителем того, что делается с Польшей, и заключения мира с Портой (имеются в виду русско-турецкие переговоры о мире. – Ю.И.)"³⁷.

В то же время Фридрих II опасался возможных действий со стороны Англии и Франции в отношении Австрии: он считал главной задачей не допустить, чтобы Парижу и Лондону удалось уговорить венский двор не участвовать в разделе Польши. С целью избежать этой опасности он рекомендовал русскому правительству изменить условия договора о мире с Австрией. Все же Фридрих II опасался возможной негативной реакции Англии и Франции на раздел Польши"³⁸. Когда же английское правительство так ничем и не ответило на эту акцию, прусский король позволил себе проявить ехидство в связи с возмущением, переполнившим английские газеты. Он написал секретарю прусского посольства в Лондоне 29 октября 1772 г.: "Лондонские газеты, в самом деле, еще полны сатиры и критики по адресу трех государств, совершивших раздел этого королевства (т.е. Речи Посполитой. – Ю.И.); но зло не так велико, и после того как эти люди (т.е. журналисты. – Ю.И.) выпустят свою желчь, они перейдут к другим объектам для того, чтобы

использовать свои перья"³⁹. Отправленному в это же время в Санкт-Петербург графу Сольмсу Фридрих II довольно точно обрисовал позицию Англии в разделе Польши и свое мнение по этому вопросу: "Англия, принужденная быть наблюдателем в этом деле, важном в европейской системе, слушала только голос своей гордыни и могла только переваривать то, что произошло без консультации с ней и без ее согласия. Ее ревность усилилась, из чего видно, что мне надо оценить мои права на Померанию и вследствие этого на Данциг..."⁴⁰ Далее прусский король размышлял о том, что английское правительство проводит интриги с тем, чтобы поссорить его с двумя императорскими дворами, т.е. Вепой и Петербургом: "Я даю Вам слово, когда Англия и Франция попытаются сделать невозможное, именно отделить меня от моего доброго союзника России, они будут этим заниматься совершенно напрасно и им ничего не удастся"⁴¹.

Теперь посмотрим, какова была официальная реакция короля и правительства Великобритании на первый раздел Польши. По письмам Фридриха II известно о довольно слабом отклике английской дипломатии на это событие. Создается впечатление, что то ли в Лондоне не верили в осуществимость этих планов, то ли из-за вражды с Францией просто не знали, что следует предпринять. Как видно, английская корона просто была изолирована. В какой-то степени этому благоприятствовали и частые перемены в правительстве страны. По словам английского историка Р.Пэкса, конфликты из-за назначений и смещений министров занимали более чем половину всех политических сражений времен правления Георга III (1760–1820)⁴². В целом английское правительство и сам король расписались в своем бессилии, тем более что в тот исторический момент они не только не могли помочь Польше, но больше всего были заинтересованы в поддержке России в борьбе против Франции. В официальном меморандуме, опубликованном от имени Георга III, задним числом признавался "необычайный феномен коалиции дворов Вены, Санкт-Петербурга и Берлина", нарушивший равновесие сил в Европе, что, по мнению составителей, должно привести к изменениям в расстановке сил в Европе и образованию новых союзов. При этом особый упор делался на нарушение торговых интересов Англии, Республики соединенных провинций (Голландии) и Франции. В меморандуме с уверенностью говорилось о том, что эти три страны, побуждаемые общими интересами, несмотря даже на старинную вражду между Англией и Францией, объединятся в возможно короткое время и смогут "избавить Польшу от угрожающей ей тирании"⁴³.

Польскому королю Станиславу Августу, отправившему 18 сентября 1772 г. письмо Георгу III с жалобами и просьбами о помощи, английский король отвечал уклончиво, выразив только сочувствие в связи с бедами и несчастьями, выпавшими на долю его и Польши. "Я долгое время взирал с глубокой печалью на те злодеяния, которые происходили вокруг Вашего Величества и которые разрушали Польшу. Я боюсь, что эти несчастные события могли быть только непосланы рукой Всевышнего, и я не вижу какого-либо способа вмешаться", – писал Георг III в этом письме, заканчивая его выражением надежды на то, что справедливость восторжествует⁴⁴. Действия английского правительства и письмо короля оставляют двойственное впечатление. С одной стороны, в нем есть как будто бы решительность и даже угроза в адрес участников раздела (вопрос еще в том, верили ли сами английские политики в это), с другой – чувствуется все же признание собственной вины за безучастное отношение к судьбе Польши.

Прекрасно понимая, что Англия ничего реального не смогла противопоставить действиям трех держав-участниц раздела, Фридрих II начал успокаиваться. Об этом свидетельствуют его письма, написанные зимой и весной 1773 г. В письме принцу Генриху от 27 февраля того года он замечал: "Англичане игнорируют состояние вопроса; они опасаются за свою торговлю, тогда как очевидно, что их торговля не пострадала, поскольку они продают и покупают по той же цене в Данциге, как и прежде... Впрочем, мой дорогой брат, Россия не имеет союза с Англией, но зато имеет хорошее отношение со мной, и я сделал ей все возможные разъяснения о том, что делается в Лондоне и Париже"⁴⁵. По поводу филиппик и угроз войны, которые раздавались в английской печати в адрес Пруссии, Фридрих II писал Генриху 29 января 1773 г., подчеркнув, что ненависть, которую выражает английский король по отношению к нему, просто смешна ("tres ridiculement")⁴⁶. В письме от 21 марта, адресованном послу в Лондоне графу Мальцану, Фридрих II высказал мнение, что для Англии было бы самым разумным не вмешиваться в польские дела, потому что он никогда не примет ее посредничества в вопросе о Данциге⁴⁷. В другом письме послу от 5 апреля король уточнял, что он примет только посредничество России в восстановлении прав Пруссии на этот город и порт ("ce sera sous la meditation de la Russie seule que ces differends s'accomoderont, en notre accord se fera de maniere que cette ville sera retablie dans la possession de port contre une redevance annuelle, pour soutenir mes droits incontestables")⁴⁸.

Таким образом, Пруссии удалось с помощью союза с Россией и используя ошибки английской дипломатии (а точнее – вражду Англии с Францией) осуществить первый раздел Польши. Фридрих II в результате этого раздела сумел превратить Прусское королевство в великую европейскую державу, начавшую оспаривать пальму первенства у Австрии в борьбе за ведущую роль среди германских государств⁴⁹. Расчеты Альбиона на изменение баланса сил в Европе и предотвращение дальнейшего дележа Польши в последующие годы не оправдались не только из-за не затухавшей англо-французской вражды, но и потому, что после начала Французской революции внимание Лондона было полностью отвлечено на Францию. Последовали, теперь уже по инициативе России, разделы Польши 1793 г. и 1795 г.⁵⁰ Однако, несомненно, что прусско-английские отношения кануна и периода первого раздела Польши сыграли важную роль в этом событии. Именно ориентация на союз с Россией, "покупка" Австрии ценой передачи ей части владений Польши и нейтрализация тем самым Англии, а также расчет на то, что она не сможет преодолеть традиционную вражду с Францией, помогли Пруссии взять инициативу в свои руки и добиться осуществления поставленной цели в отношении Польши.

Примечания

¹ Носов Б.В. Разделы Речи Посполитой и русско-польские отношения второй половины XVIII века в зарубежной историографии (1970-е – начало 1990-х годов) // Славяноведение. 1993. № 5. С.97.

² Там же. С.87.

³ См. предисловие К.фон Аретина в кн.: *Cegielski T.* Das alte Reich und die erste Teilung Polens 1768–1774. Stuttgart; Warszawa, 1988.

⁴ *Hubatsch W.* Die Übernahme Westpreußens und das Netzedistrikts durch Preußen im Jahre 1772 // Die erste polnische Teilung 1772 / Hrsg. von F.Kaiser und B.Stasiewski. Köln; Wien, 1974. S.93.

⁵ *Kunich J.* Kurfürst Friedrich Wilhelm und die Große Mächte // Ein sonderbares Licht in Teuschland. Beiträge zur Geschichte des Großen Kurfürsten von Brandenburg (1640–1688) / Hrsg. von G.Heidrich. Berlin, 1990. S.14,29.

⁶ *Weis E.* Das Konzert der europäischen Mächte in der Sicht Friedrichs des Großen seit 1740 // Deutschland und Europa in der Neuzeit / Hrsg. von R.Melville, C.Scharf, M.Vogt und U.Wengenroth. Wiesbaden; Stuttgart, 1988. S.316–317, 321.

⁷ *Nurnberger R.* Friedrich der Große als Staatsman // Friedrich der Große in seiner Zeit / Hrsg. von O.Hauser. Köln; Wien, 1987. S.100; *Гинцберг Л.И.* Фридрих II // Вопросы истории. 1988. № 11.

⁸ *Fay S.* The Rise of Brandenburg-Prussia to 1789. N.Y.; Chicago; San Francisco; Toronto; L., 1964 (1 ed. 1937). P. 112, 114, 115.

⁹ *Hatton R. Frederick the Great and the House of Hannover // Friedrich der Große in seiner Zeit. S. 151–164.*

¹⁰ *Hauser O. England und Friedrich der Große // Friedrich der Große in seiner Zeit. S. 137–138, 143.*

¹¹ *Schlenke M. England und das Friederizianische Preußen 1740–1763. Freiburg; München, 1963. S. 85, 88–89.*

¹² *Ibid. S. 93–94, 97, 104, 140.*

¹³ *Ibid. S. 167, 173, 174.*

¹⁴ *Ibid. S. 177.*

¹⁵ *Ibid. S. 224. См. также: Яковлев Н.Н. "Дипломатическая революция" накануне Семилетней войны // Новая и новейшая история. 1990. № 3.*

¹⁶ *Schlenke M. Op. cit. S. 225–226, 230, 232, 233–234, 246, 344.*

¹⁷ *Ibid. S. 247, 253.*

¹⁸ Цит. по: *Schlenke M. Op. cit. S. 265.*

¹⁹ *Ibid. S. 315, 339.*

²⁰ *Schweiger K. England, Prussia and the Seven Years War. Lewiston, 1989. P. VIII.*

²¹ *Ibid. P. 246, 251–252.*

²² *Mediger W. Friedrich der Große und Pufendorf // Friedrich der Große in seiner Zeit. S. 119.*

²³ *Носов Б.В. Курляндское герцогство и российско-польские отношения в 60-е годы XVIII века: к предыстории разделов Речи Посполитой // Славяноведение. 1993. № 5. С. 65.*

²⁴ *Mediger W. Op. cit. S. 120–121.*

²⁵ *Geffken H. Preußen, Deutschland und die Polen seit dem Untergang des polnischen Reiches. Berlin, 1906. S. 25.*

²⁶ *Cegielski T. Op. cit. S. 36.*

²⁷ *Mediger W. Op. cit. S. 131, 136.*

²⁸ *Stribrny W. Die Russlandpolitik Friedrichs des Grossen 1764–1786.*

²⁹ *Politische Korrespondenz Friedrichs des Großen. Berlin, 1905. Bd. XXX. S. 385.*

³⁰ *Ibid. S. 345.*

³¹ *Ibid. S. 304.*

³² *Stribrny W. Op. cit. S.63; Cegielski T. Op. cit. S. 151–152.*

³³ *Mittenzwei I. Friedrich II von Preußen. Eine Biographie. Berlin, 1984. S. 191–193.*

³⁴ *Politische Korrespondenz... Bd. XXX. S. 325.*

³⁵ *Ibid. S. 297.*

³⁶ *Ibid. Bd. XXXI. S. 792.*

³⁷ *Ibid. Bd. XXXII. S. 120.*

³⁸ *Ibid. S. 384.*

³⁹ *Ibid. S. 611.*

⁴⁰ *Ibid. Bd. XXXIII. S. 279, 280.*

⁴¹ *Ibid. S. 281.*

⁴² *Pares R. King George and the politicians. Oxford, 1954. P. 143.*

⁴³ *The letters of king George III / Ed. by B.Dobree. L., 1968 (1 ed. 1935). P. 90–91.*

⁴⁴ *Ibid. P. 91.*

⁴⁵ *Politische Korrespondenz... Bd. XXXIII. S. 321.*

⁴⁶ *Ibid. S. 226.*

⁴⁷ *Ibid. S. 384.*

⁴⁸ *Ibid. S. 428–429.*

⁴⁹ *Туполев Б.М.* Династия Гогенцоллернов // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С.158.

⁵⁰ В.Хубач считает, что французская революция отвлекла внимание Пруссии и Австрии от Польши и отдала ее в руки России. Скорее, на мой взгляд, разделы 1793 и 1795 гг. были следствием раздела 1772 г. – см.: *Hubatsch W.* Deutschland zwischen den Dreißigjährigen Krieg und der Französischen Revolution. Frankfurt/M.; Berlin; Wien, 1974. S.174.

Россия и второй раздел Польши: состояние изучения вопроса и исследовательские задачи

В исторической литературе XX в. наряду с вопросом о разделах Польши как таковым широко обсуждались различные точки зрения по поводу разделов, высказывавшиеся публицистами, писателями и, естественно, историками¹. Это было результатом продолжавшихся на протяжении нескольких десятилетий (XIX и начало XX в.) на международном уровне споров о том, каковы были причины разделов и кто несет за них ответственность. В публикациях акцент делался на морализаторство в ущерб чисто фактографическим исследованиям, потому что если отделить проблему кризиса и упадка шляхетской Речи Посполитой от вопроса о разделах² и последний рассматривать как предмет изучения политической истории, то станет очевидным, что многие моменты первостепенной важности все еще нуждаются в объяснении. Указанная проблематика дает немало аргументов в поддержку той полемики, начало которой положил более 30 лет назад польский историк Эмануэль Ростворовский, высказавшись против модного в то время тезиса, будто "все факты уже известны"³.

Среди трех следовавших друг за другом разделов Польши больше всего внимания уделялось первому⁴, поскольку справедливо считалось, что механизм событий при следующих двух был совершенно аналогичным. Однако, несмотря на аналогию, для выяснения российско-польских отношений в XVIII в. необходимо также полное освещение генезиса второго и третьего разделов. Следует при этом отметить, что для истории Польши эти события имели принципиальное значение, для России же разделы стали также важными эпизодами внешней политики в эпоху Екатерины II.

В историографии второго раздела ведущую позицию занял труд Р.Г.Лорда, вышедший в свет в 1915 г. на английском языке, а впоследствии, почти полвека спустя, изданный в переводе на польский⁵. Широ-

ко использовав прусские и австрийские материалы, Лорд исследовал затем и русские архивы, однако уже не в такой степени, и потому считал необходимым их дальнейшее обстоятельное изучение. Монография Лорда, создававшаяся после публикации трудов классиков немецкой, польской⁶ и русской историографии, основывалась на их выводах, но вместе с тем привнесла много новых сведений из области международных отношений. На протяжении XX в. польские историки внесли существенные изменения в описание внутреннего положения Речи Посполитой во время второго раздела, однако вклад их в изучение внешней политики того периода оказался незначительным. Исследования источников, проводившиеся русскими историками, данной проблематики вообще не касались.

Генезис второго раздела, как правило, связывают с началом русско-турецкой войны 1787 г. Если все, что касается бытовой и светской стороны встречи Екатерины II со Станиславом Августом в Каневе, давно известно историкам, то сведения относительно предложенного польским королем проекта польско-русского союза оставались весьма фрагментарными⁷. Их удалось значительно дополнить в результате появления исследований последних десятилетий⁸, хотя вопрос о реакции царского двора на упомянутое предложение так и не получил исчерпывающего выяснения. Из более ранних публикаций источников мы больше знаем об отношении Екатерины II к альтернативному проекту, разработанному конфедерациями еще до созыва Четырехлетнего сейма. Этот проект, созданный в кругу магнатской оппозиции, получил поддержку со стороны князя Г.А.Потемкина⁹. Как известно, тогда императрица отнеслась к проекту недоброжелательно, хотя инициативу эту петербургский двор взял на заметку, и впоследствии она послужила образцом для Тарговицкой конфедерации.

Выдвижение двух разных, поначалу противоречивших друг другу проектов польско-русского союза в период войны России с Турцией свидетельствует, с одной стороны, о политической поляризации в Речи Посполитой накануне Четырехлетнего сейма, а с другой – наталкивает на мысль о наличии двух линий в политике России по отношению к Польше. Тогда они связывались с двумя именами – Отто Магнуса Штакельберга, российского посла в Варшаве, ориентировавшегося на короля Станислава Августа, и князя Г.А.Потемкина, находившегося в контакте с польскими магнатами юго-восточных воеводств (так называемая потемкинская партия существовала с 1775 г.). Различия между этими двумя направлениями в тактическом плане не подлежат сомнению¹⁰,

особенно что касается хорошо изученного периода 1786–1788 гг. Встает, однако, вопрос о стратегическом замысле внешней политики России. Биографические очерки, посвященные Потемкину, не дают на него ясного ответа¹¹. В польской историографии последних десятилетий принято считать, что курс на сохранение двух "русских" партий в Речи Посполитой, представлявших друг для друга постоянную угрозу, был средством законсервировать в Польше состояние застоя, что наиболее соответствовало интересам России¹². Историки ведут спор о политической самостоятельности, независимости Г.А.Потемкина от императрицы, а также о реальности его так называемых дакских планов и намерении занять польский престол после Станислава Августа¹³. К этим вопросам придется еще вернуться. Во всяком случае, ключ к решению задачи хранится в материалах российских архивов.

Непосредственно перед открытием Четырехлетнего сейма планы заключения русско-польского союза были заблокированы из-за сопротивления Пруссии. На первых же заседаниях сейма четко обозначилось стремление патриотов устранить зависимость от России. Пруссия содействовала усилению этой тенденции, обещая вступить в союз с Польшей на таких же выгодных условиях, какие до этого предлагал российский императорский двор. Оказалось, что ход заседаний вышел из-под контроля как Штакельберга, так и Станислава Августа. Важнейшие постановления сейма, принятые в первые месяцы его работы, – ликвидацию 3 ноября 1788 г. Военного департамента Постоянного совета, а затем упразднение и самого Совета 19 января 1789 г. – Россия сочла односторонним срывом соглашения о гарантиях¹⁴. Ту же цель – освободиться от опеки России – преследовали и иные действия, в том числе выдвинутые по внушению Пруссии требования вывода российских войск с территории Украины и последующей ликвидации их военных arsenалов (ноябрь 1788 – июнь 1789 г.). С этого момента Речь Посполитая стала вполне независимой.

О реакции российского двора в этот переломный для взаимных отношений момент можно узнать из второстепенных источников, в частности из переписки австрийских дипломатов, из докладов польского резидента в Петербурге относительно его переговоров с вице-канцлером И.А.Остерманом¹⁵ и, наконец, из записок А.В.Храповицкого, источника весьма ценного, но лаконичного, к тому же отражающего скорее впечатления и настроения, нежели конкретные политические планы, не говоря уже о планах военных¹⁶. Публикация нескольких писем Екатерины II Штакельбергу¹⁷ не изменила ситуацию. Такое положение

ние тем более досадно, что к этому периоду относятся два мемориала А.А.Безбородко, содержащие рекомендацию вернуться к союзу с Пруссией даже ценой согласия на расширение ее территории за счет Польши. Предполагалось вести секретные переговоры по вопросу о союзе, а Австрию посвятить в тайну лишь на последнем этапе¹⁸. Этот план, таким образом, предвосхищал тот политический уклад, который стал реальной действительностью в 1792–1793 гг. Остается не выясненным, был ли он одним из многих отвлеченных политических проектов или за ним уже тогда стоял какой-то конкретный план действий. Некоторые высказывания Остермана и находившегося в тот момент в Петербурге Потемкина, адресованные дипломатам немецких государств, как будто указывают на второй вариант¹⁹. Если действительно так было, то об этих первых эскизах второго раздела Польши известно очень немного.

Во время пребывания Потемкина в Петербурге (февраль–май 1789 г.) были разработаны инструкции для чрезвычайного посла России в Берлине М.М.Алопеуса, задачей которого являлось добиться русско-пруссского сближения. Первая часть корреспонденции Алопеуса была опубликована²⁰. Характер его миссии и достоверность донесений этого дипломата стали предметом полемики, связанной с оценкой историками многоплановой внешней политики Пруссии того времени²¹. Лишь дополнив донесения посла России другими, не опубликованными до сих пор документами российского правительства, мы сможем окончательно разрешить загадки Алопеуса, а также определить кратковременные сдвиги в политике России по отношению к Пруссии и польскому вопросу на протяжении 1789–1793 гг.

В течение 1790 г. российские дипломаты и даже сама Екатерина не раз вспоминали о намерении осуществить очередной раздел Польши для разрешения международного кризиса²². Однако из-за сложившейся тогда международной обстановки и особенно в связи с войнами, которые Россия вела с Турцией и Швецией, за словами не последовали конкретные действия. Одновременно руководство всем комплексом текущих вопросов об отношениях с Турцией, Австрией и Польшей оказалось в ведении Потемкина, тогда как Екатерина II и ее ближайшее окружение сосредоточили внимание на войне со Швецией. Именно в тот период светлейший князь Таврический подготовил план оккупации Киевского, Брацлавского и Подольского (а по всей вероятности, и Волынского) воеводств на тот случай, если бы Польша, вступившая недавно в союз с Пруссией, предприняла совместно с ней кампанию против России или, как вариант, против Австрии²³. Проект Потемкина фактиче-

ски определял территорию, впоследствии отошедшую к России в результате второго раздела Польши, поэтому он имеет отношение к генезису разделов. Подробные же обстоятельства его создания, связанные с ним последующие планы, так же, как и утвердивший его рескрипт императрицы (от 19(30) апреля 1790 г.) пока не известны исследователям.

В это же время Штакельберга в Варшаве сменил новый российский посол Я.И.Булгаков, ранее представлявший Российскую империю в Константинополе. Все считали Булгакова человеком Потемкина, а его назначение на службу в Варшаве свидетельствовало об усилившейся роли князя Таврического в разрешении польского вопроса. Хотя обстоятельства назначения Булгакова и полученные им из Петербурга официальные инструкции известны²⁴, но пока остается не изученной его переписка с Потемкиным, которая могла бы пролить свет на разработанный последним план раздела Польши и возможные пути его реализации.

Осенью того же 1790 г. датируется первое известное ясное высказывание Екатерины II, связывавшее завершение русско-турецкой войны с вторжением в Польшу, а это вторжение, в свою очередь, с образованием конфедерации в противовес той, что уже оформилась в Речи Посполитой²⁵. О подготовке к созданию такой взаимосвязи известно немного. Недавно было доказано, что находившийся в Вене Щенский Потоцкий решил усилить политическую активность в согласии с Потемкиным и его окружением еще до принятия Конституции 3 мая 1791 г.²⁶ Выяснение этого факта имеет немаловажное значение для изучения внутренней ситуации Речи Посполитой, ибо лишает всяких оснований точку зрения, будто создание Тарговицкой конфедерации было ответной реакцией на нарушение закона в исторический день провозглашения Конституции 3 мая. Такое заключение подтверждает также необходимость изучить контакты Потемкина с "недовольными" в Польше в конце 1790 г. и с января по май 1791 г.

Во время своего последнего пребывания в Петербурге весной и летом 1791 г. Потемкин получил от Екатерины II один за другим два рескрипта, где в принципе одобрялся его прошлогодний план занятия украинских воеводств Речи Посполитой, предусматривавший, как уже упоминалось, присоединение к Российской империи именно тех земель, которые в итоге действительно достались ей в 1793 г.²⁷ Вокруг этих рескриптов разгорелись споры историков, в частности, ставилась под сомнение искренность и правдивость намерений императрицы. В связи с пошатнувшимися уже тогда позициями Потемкина при дворе можно было подозревать, что Екатерина составила оба документа с целью

склонить своего бывшего фаворита спокойно покинуть столицу и выехать к воинским частям на юг страны²⁸. В плане историографии дискуссия по вопросу о рескриптах была связана с попыткой доказать, что Конституция 3 мая и – более широко – реформы Четырехлетнего сейма встретили одобрение у части российских политиков²⁹. Сегодня такое мнение, как представляется, уже нельзя отстаивать. При более умеренном взгляде на рескрипты остаются сомнения, когда речь идет о первом из них (от 16(27) мая 1791 г.), однако второй (от 18(29) июля 1791 г.) трактуется как вполне достоверный³⁰. Вопрос этот нуждается в решении на базе иных, не публиковавшихся документов из царской канцелярии. Окончательное признание достоверности хотя бы одного из рескриптов означало бы, что предварительное решение об интервенции в Речь Посполитую было принято еще в июле 1791 г., накануне подписания в Галаце прелиминарного договора о мире с Турцией.

Во втором рескрипте Екатерина II предусматривала два варианта того, как могут развернуться события: либо произойдет отмена Конституции 3 мая, возвращение прежних "вольностей" польской шляхты и будет обеспечено российское влияние в Речи Посполитой, либо Россия совместно с обеими немецкими державами осуществит раздел польских земель и обкорнанная Польша окажется низведенной до положения незначительного и не опасного буферного государства. Требуется выяснения вопрос, сохранялся ли такой дуализм внешнеполитических целей России до начала интервенции в Польшу в 1792 г. или же царский двор еще раньше избрал один из двух вариантов. По мнению С.М.Соловьева, в планах Екатерины II интервенция отнюдь не означала еще раздела; Н.И.Костомаров же, напротив, утверждал, что в Петербурге с самого начала помышляли о разделе Речи Посполитой³¹.

Создание Тарговицкой конфедерации связывают со вторым разделом лишь косвенно. Тем не менее переговоры, проходившие осенью 1791 г. в Яссах, а затем ранней весной 1792 г. в Петербурге, все еще остаются не изученными. Поэтому справедливым представляется мнение, что генезис Тарговицкой конфедерации не выяснен как следует и до сегодняшнего дня³². Его освещение возможно только на основании русских источников. Дальнейшая судьба конфедерации постольку вызывает интерес в контексте исследования второго раздела Польши, поскольку, по мнению некоторых историков, именно бездарные действия конфедератов, не сумевших установить власть в стране, явились одним из существенных обстоятельств, заставивших Екатерину II принять окончательное решение о согласии на второй раздел³³.

Если переговоры насчет раздела Польши, проходившие между Петербургом, Берлином и Веной в связи с событиями на французском фронте, достаточно хорошо изучены, то обстоятельства и время принятия императрицей окончательного решения о втором разделе требуют выяснения. По всей вероятности, это произошло во вторую неделю декабря 1792 г. Закулисная история этого решения не нашла освещения в уже исследованных донесениях дипломатических представителей зарубежных государств в России³⁴. Предстоит еще изучение архивов кабинета Екатерины II и материалов центральных учреждений Российской империи.

После подписания русско-прусского договора 23 января 1793 г. настало время реализации решения о разделе. Состояние изучения этой проблемы отличается характерной диспропорцией: историки относительно неплохо знают о действиях, предпринятых на уровне центра (т.е. о проведенном под нажимом России и Пруссии утверждении разделов последним сеймом, заседавшим в Гродно в 1793 г.³⁵), но сведения об осуществлении акта о разделе на местном уровне весьма скудны. Не исследован монографически и вопрос о демаркации границ в связи с разделом³⁶; недостаток информации не позволяет определить отношение жителей присоединенных к России земель к новой власти. Не анализировалась также позиция польской армии, значительная часть которой была включена в состав российских войск³⁷. Источники для изучения всех этих проблем легко доступны.

Реализация представленных исследовательских задач дала бы возможность предпринять попытку создания новой, строго научной (а не только научно-популярной) монографии, посвященной второму разделу Речи Посполитой. Столь же обширный перечень исследовательских задач можно было бы составить и по проблематике первого и особенно третьего раздела Польши. Ныне, когда ничто не препятствует ученым России заниматься анализом политической истории, а польские исследователи получили доступ к российским архивам, представленная здесь тематика открывает широкие перспективы для плодотворного научного сотрудничества историков обеих стран.

Примечания

¹ *Serejski M.H.* Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. W-wa, 1970; *Idem.* L'aspect européen de la question polonaise. Les reflexions des historiens étrangers sur les partages de la Pologne // Poland at the 14th International Congress of Historical Sciences in San

Francisco, 1975. W-wa, 1975. S.135–147; *Michalski J.* Historiografia polska wobec problematyki pierwszego rozbioru // *Przeгляд Historyczny.* 1972. T.LXIII. Z.3. S.425–436; *Topolski J.* Moralizatorstwo czy wyjaśnianie. O głównym motywie polskiej historiografii poświęconej rozbiorem // *Ibid.* 1972. T.LXIII. Z.4. S.615–628; *Idem.* Reflections on the First Partition of Poland (1772) // *Acta Poloniae Historica.* 1973. T.XXVII. S.89–104; *Idem.* Poglądy na rozbiory Polski // *Stosunki polsko-niemieckie w historiografii.* Poznań, 1974. Z.1. S.410–515; *Cegielski T.* Poglądy na rozbiory Polski // *Kwartalnik Historyczny.* 1976. T.LXXXIII. S. 636–642.

² Такую точку зрения высказал М.Г.Мюллер – см.: *Müller M.* Die Teilungen Polens 1772–1793–1795. München, 1984, а вслед за ним Т.Цегельский и Л.Кондзеля в популярном очерке истории разделов – см.: *Cegielski T., Kądziała L.* Rozbiory Polski 1772–1793–1795. W-wa, 1990. Сокращенное издание этой книги на русском языке см.: *Кондзеля Л., Цегельский Т.* Концерт трех черных орлов (Споры о разделах Польши) // *Историки отвечают на вопросы.* М., 1990. Вып.2. С.83–105.

³ См.: *Rostworowski E.* Legendy i fakty XVIII wieku. W-wa, 1963. S.5. Это полемика со сформулированным на X Конгрессе исторических наук (Рим, 1955) тезисом о том, что "основной костяк фактов (в традиционных областях – географической, хронологической и сущностной) известна" (цит. по: *Kula W.* Rozważania o historii. W-wa, 1958).

⁴ Из новых работ см.: *Kaplan H.H.* The First Partition of Poland. New York – London, 1962; *Cegielski T.* Das alte Reich und die erste Teilung Polens 1768–1774. Stuttgart – Warszawa, 1988; *Horn D.B.* British Public Opinion and the First Partition of Poland. Edinburgh, 1945; *Konopczyński W.* Pierwszy rozbiór Polski // *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności.* Kraków. T.47. № 1. I.1946. S.15–19 (реферат более обширной неопубликованной работы на эту тему); *Idem.* England and the First Partition of Poland // *Journal of Central European Affairs.* 1948. VIII. S.1–18.

⁵ *Lord R.H.* The Second Partition of Poland. A Study in Diplomatic History. Cambridge (Mass.), 1915 (репринт. изд.: New York, 1969). В настоящей статье использован польский перевод – см.: *Lord R.H.* Drugi rozbiór Polski. W-wa, 1973; Wyd. 2. W-wa, 1984.

⁶ *Kalinka W.* Sejm Czteroletni. Kraków, 1880. T.I–II. Книга неоднократно переиздавалась в Польше (последнее издание, использованное в настоящей статье, вышло в Варшаве в 1991 г.), а также была опубликована в конце XIX в. на немецком языке: *Kalinka W.* Der vierjährige polnische Reichstag, 1788 bis 1791. Berlin, 1896–1898. Bd. 1–2. См. также: *Askenazy S.* Przymierze polsko-pruskie. Lwów, 1990 (существуют также последующие издания, в том числе переработанное третье, увидевшее свет в Варшаве в 1918 г.); *Dembiński B.* Polska na przełomie. Lwów, 1913; *Smoleński W.* Ostatni rok Sejmu Wielkiego. Kraków, 1897; *Idem.* Konfederacja targowicka. Kraków, 1903.

⁷ *Kalinka W.* Sejm Czteroletni. W-wa, 1991. T.I. S.58–60; *Lord R.H.* Op. cit. S.57–58, 61–62. Ср. замечания А.А.Безбородко и Г.А.Потемкина на тему союза и – шире – отношений с Польшей во время русско-турецкой войны (Русский архив. 1888. Кн. 3. С.184–186).

⁸ *Rostworowski E.* Sprawa aukcji wojska na tle sytuacji politycznej przed Sejmem Czteroletnim. W-wa, 1957. S.177–202; *Idem.* Ostatni król Rzeczypospolitej. Geneza i upadek Konstytucji 3 maja. W-wa, 1966. S.129–133. Роль посла О.Штакельберга как борца за союз ярко представил Е.Михальский: *Michalski J.* Zmierzch prokonsulatu Stackelberga // *Sejm Czteroletni i jego tradycje.* W-wa, 1991. S.22–31.

⁹ Проект магнатских конфедераций, представленный Потемкиным Екатерине II, вместе с ее замечаниями опубликован в журнале "Русский архив" (1874. Кн. 2. Стлб. 270–279). См. то же на польском языке: *Kalinka W.* Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. Dokumenta do historii drugiego i trzeciego podziału. Poznań, 1868. Cz. II. S.100–110. Пере-

писку Екатерины II с Потемкиным из собрания П.С.Лебедева см.: Русская старина. 1876. Т.XVI. С.239–262, 441–478, 571–590.

¹⁰ *Michalski J. Zmierzch prokonsulatu...* S.18–26.

¹¹ Князь Г.А.Потемкин-Таврический. Биографический очерк // Русская старина. 1875. Т.XII. С.481–522, 681–700; Т.XIII. С.20–40, 159–174; Т.XIV. С.217–267; *Брикнер А. Потемкин*. СПб., 1891; *Adamczyk T. Prolegomena zur Geschichte Potemkins*. Emsdetten, 1936. См. также написанную А.Ловягиным биограмму Г.А.Потемкина в "Русском биографическом словаре" (СПб., 1905. Т.XVII. С.649–669).

¹² *Rostworowski E. Sprawa aukcji...* S.183; *Idem. Czasy saskie i Oświecenie // Zarys historii Polski*. W-wa, 1979. S.330; *Michalski J. Zmierzch prokonsulatu...* S.18–19.

¹³ О планах Потемкина, связанных с Польшей, см.: *Askenazy S. Przymierze polsko-pruskie*. W-wa, 1918. S.46–51, 223–226; *Lord R.H.* Op. cit. S.453–456. Э.Ростворовский (*Rostworowski E. Sprawa aukcji...* S.178–179) обратил внимание на то, что все утверждения на эту тему носят характер домыслов, основанных самое большее на дипломатических сплетнях. Е.Люек в своей полемике с Э.Ростворовским (*Lojek J. Przed Konstytucją Trzeciego Maja*. W-wa, 1977. S.146) не приводит новых аргументов. О предложении разделить Польшу, сделанном Потемкиным Фридриху II в 1779 г., см. статью Е.Михальского, полемизирующую с ранее вышедшими работами историков: *Michalski J. Fryderyk Wielki i Grzegorz Potemkin w latach kryzysu przymierza prusko-rosyjskiego // Między Wschodem a Zachodem. Rzeczpospolita XVI–XVIII w. Studia ofiarowane Zbigniewowi Wójcikowi w siedemdziesiątą rocznicę urodzin*. W-wa, 1993. S.215–230.

¹⁴ Штакельберг предупреждал об этом в поте от 5 ноября 1788 г. (ср.: *Kalinka W. Sejm Czteroletni*. Т.I. S.187–188).

¹⁵ *Ibid.* S.294–299, 345–348; *Lord R.H.* Op. cit. S.76–78; *Michalski J. Zmierzch prokonsulatu...* S.37.

¹⁶ Памятные записки А.В.Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1862 года. М., 1990. Кн.3.

¹⁷ Письмо от 15/26.XII 1788 // Русская старина. 1871. Т.II. С.428.

¹⁸ См.: Русский архив. 1875. Кн. II. С.35–38.

¹⁹ *Lord R.H.* Op. cit. S.78–79.

²⁰ *Źródła do dziejów drugiego i trzeciego rozbioru Polski*. Lwów, 1902. Т.I. S.3–144.

²¹ *Dembiński B. Uwagi nad metodą naukową w zakresie dziejów nowożytnych // Kwartalnik Historyczny*. 1903. R. XVII. S.526–529; *Askenazy S. Przyczynek do krytyki depesz M.M.Alopeusa // Ibid.* S.530–546; *Dembiński B. W sprawie krytyki korespondencji dyplomatycznej // Ibid.* 1904. R.XVIII. S.32–46. Ср. также: *Lord R.H.* Op. cit. S.79, 398.

²² В том числе: *Lord R.H.* Op. cit. S.99–100; *Kalinka W. Sejm Czteroletni*. Т.II. S.37, 72–73.

²³ См.: Русский архив. 1865. Стлб.730–731.

²⁴ Письмо Екатерины II Г.А.Потемкину 30.III/10.IV 1790 г. // Сборник Императорского Русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1885. Т.XLII. С.67–68; *Lord R.H.* Op. cit. S.101. Инструкцию Екатерины II от 25.IX/6.X 1790 г. см.: *Салозьяв С.М. История падения Польши*. М., 1863. С.236–239; *Kalinka W. Sejm Czteroletni*. Т.II. S.465–466. К этому вопросу не слишком много добавляет переписка Булгакова (Сб. РИО. Т.XLVII. СПб., 1885. С.215–233).

²⁵ Письмо Екатерины II Г.А.Потемкину 30.IX/11.X 1790 г. // Сб. РИО. Т.XLII. С.110; *Lord R.H.* Op. cit. S.415.

²⁶ Rostworowski E. Szczęsny Potocki we Francji (styczeń – kwiecień 1791) // *Losy Polaków w XIX-XX w. Studia ofiarowane profesorowi Stefanowi Kieniewiczowi w osiemdziesiątą rocznicę jego urodzin*. W-wa, 1987. S.390–393.

²⁷ См.: Русский архив. 1874. Кн. II. Стлб. 246–258, 281–289; *Kalmka W. Ostatnie lata... Cz. II*. S.112–129.

²⁸ *Askenazy S. Przymierze polsko-pruskie*. W-wa, 1918. S.182; *Брикнер А. Указ. соч.* С.194 и др.

²⁹ См.: *Lojek J. Upadek Konstytucji 3 Maja*. Wrocław, 1976. S.25–35. Лоек поддерживал точку зрения Ш.Аскенази.

³⁰ *Lord R.H.* Op. cit. S.416.

³¹ *Саловьев С.М.* Указ. соч. С.287–290 и след.; *Костомаров Н.И.* Старый спор. Последние годы Речи Посполитой. Смоленск, 1994. С.356–358. На это обратил внимание Лорд (см.: *Lord R.H.* Op. cit. S.32–33), собственная позиция которого точно не определена; представляется, что он склонялся к мнению о готовности Екатерины II принять исходившие от других предложения о разделе Польши и в то же время о ее нежелании выступить самой с подобной инициативой (*Ibid.* S.203–204).

³² *Smoleński W.* Konfederacja targowicka. На это обратил внимание Лорд (см.: *Lord R.H.* Op. cit. S.32). По вопросу об истории переговоров в Яссах он добавил некоторые подробности, почерпнутые из российских архивов.

³³ *Lord R.H.* Op. cit. S.284–285. См. об этом также у других авторов.

³⁴ Наиболее систематично изложено Лордом (см.: *Lord R.H.* Op. cit., *passim*).

³⁵ *Wegner L.* Sejm grodzieński ostatni. Poznań, 1866; *Пловajski D.* Sejm grodzieński roku 1793. Ostatni Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Poznań, 1872; *Mann Z.* Stanisław August na sejmie ostatnim. W-wa, 1938; *Wąsicki F.* Konfederacja Targowicka i ostatni sejm Rzeczypospolitej z 1793 roku (Studium historyczno-prawne). Poznań, 1952; *Kądziela L.* Między zdradą a służbą Rzeczypospolitej. Fryderyk Moszyński w latach 1792–1793. W-wa, 1993.

³⁶ Ср.: *Kądziela L.* Polityczne znaczenie pruskich uzurпacji granicznych w 1793 r. // *Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku ofiarowane profesorowi drowi Jerzemu Michalskiemu z okazji 70-lecia urodzin*. W-wa, 1994. S.95–105.

³⁷ Статья В.Дзвонковского (*Dzwonkowski W.* Polacy w armii Katarzyny II // *Biblioteka Warszawska*. 1913. Т. I. S.88–124) представляет лишь предварительные очертания проблематики.

Конституция 3 мая 1791 г. и разделы Польши

Между первым и третьим разделом Польши прошло 20 лет, но на самом деле падение Речи Посполитой представляло собой более длительный процесс. Это был период, когда перспектива потери Польшей независимости становилась все более явной, когда все яснее осознавалась необходимость перемен для ее сохранения и делались попытки осуществления таких перемен, попытки реформ.

О связи между реформами и самим существованием Польского государства говорили прежде всего факты международной жизни. В 1720 г. впервые два иностранных государства (Россия и Пруссия) заключили соглашение, касавшееся внутренних дел Речи Посполитой, — они договорились не допускать изменения ее государственного устройства. В 1724 г. такое же соглашение Россия подписала со Швецией, а в 1726 г. гарантии того, что существующий в Польше строй останется неизменным, дала Австрия. С этого же времени стал формироваться механизм постоянного вмешательства соседних государств во внутренние дела Польши, при этом не последнюю роль играл предлог защиты иноверцев, который впервые был использован во время религиозных конфликтов в Торуне в 1724 г.

Вопрос о сохранении Польшей государственной независимости становился особенно жгучим еще и потому, что в это время наметились определенные тенденции перехода экономики Речи Посполитой на новый, более перспективный путь. Благоприятные условия для экономического прогресса зависели от целостности и суверенитета страны, от укрепления порядка в государстве, и потому в сознании заинтересованных в этом прогрессивных сил общества — части шляхты и мещанства идея независимости и лозунг реформ были тесно связаны. Программы реформ разрабатывались еще в 30–40-е годы XVIII в. (Ст.Лещинским, Ст.Конарским и др.), но попытки их осуществления кончались неудачей из-за сопротивления внутренней реакции, опиравшейся на внешние силы. Лишь в 60-е годы удалось провести некоторые реформы, которые

усиливали центральную власть, упорядочивали политическую жизнь, укрепляли систему судопроизводства, закладывали основу для развития городского самоуправления и реорганизации армии. Эти преобразования были допущены Россией, посадившей на польский престол своего ставленника Станислава Августа Понятовского. Однако уже в 1768 г. Россия объявила себя гарантом "кардинальных прав" польской шляхты, в том числе права вольной элекции короля, "либерум вето" и других принципов политического устройства, которые вели страну к анархии. Это означало по существу ликвидацию реформ и наглядно свидетельствовало о том, что Польша фактически потеряла статус независимого государства. Логическим продолжением этой тенденции явился первый раздел Польши в 1772 г.

Превращение Речи Посполитой в полузависимое государство и особенно начавшийся процесс растаскивания соседями ее государственной территории были восприняты польским обществом чрезвычайно болезненно и дали мощный толчок росту национального самосознания поляков. Угроза полной потери независимости и необходимость неотложных реформ для ее предотвращения – эти мысли проходят красной нитью в публицистике тех лет. Ст.Стапиц писал, что после раздела для польского народа уже нет "середины", нет времени долго думать над реформами¹. Характерно само заглавие его сочинения – "Предостережение Польше". Другой сторонник реформ, Ю.Выбицкий, также связывал необходимость их проведения с задачей спасения родины и потому назвал свои опубликованные в 1777–1778 гг. "Письма" "патриотическими". Не случайно "Патриотической" называлась и партия, куда входило немало политических деятелей, выступавших за реформы (И.Потоцкий, А.К.Чарторыйский, Ст.Малаховский, Г.Коллонтай и др.).

Опасения "патриотов" не были беспочвенны: зависимость от России становилась все большей. В 1775 г. она подтвердила гарантии "кардинальных прав", под ее влиянием оказалось созданное тогда же правительство Речи Посполитой (Постоянный совет). Задачей "патриотов" было освободиться от навязанных Польше уз, к этому вели их усилия на Четырехлетнем сейме 1788–1792 гг. Сейм ликвидировал Постоянный совет и принял другие меры, нарушавшие гарантии "кардинальных прав", а затем провозгласил отмену самих актов об этих гарантиях; патриотическое звучание имело принятие принципа нераздельности владений Речи Посполитой. Патриотический подъем и рост национального самосознания, нашедшие отражение в этих решениях, толкали партию реформ к их скорейшей реализации и подведению под них прочного

170

фундамента законов. Одним из таких законов стал Закон о городах, вошедший составной частью в принятую сеймом 3 мая 1791 г. Конституцию. Конституция 3 мая шла в русле более ранних реформаторских попыток и одновременно являла собой плод уже более глубокого патриотического сознания, вызревший в обстановке смертельной опасности для государства и нации. В то же время ситуация накладывала и печать известной лихорадочности на процесс выработки и принятия Конституции: реформаторы торопились провести ее через сейм до того, как победное завершение войны со Швецией и Турцией развяжет руки России.

Весь текст Конституции проникнут духом патриотизма. Открыто выражена тревога о судьбе страны, целостности государства, поставлена задача противостоять угрозе его ликвидации. "Признавая, что судьба всех нас зависит только от утверждения и совершенствования национальной Конституции, констатируя на основе длительного опыта давние недостатки нашего управления и желая пользоваться тем временем, в каком находится Европа, и той уже истекающей минутой, которая вернула нас самим себе, свободные от позорных предписаний чужой силы, ценя дороже жизни и личного счастья политическое существование, внешнюю независимость и внутреннюю свободу нации ... во имя всеобщего блага, укрепления свободы, спасения нашей Родины и сохранения ее границ"² – такими аргументами обосновывалась неотложность принятия Конституции в ее первых строках. О том, что Конституция должна стать гарантией спасения Польши, говорилось и в статьях, посвященных главной социальной и политической силе страны – шляхте, которая признавалась "первейшей защитницей свободы и данной Конституции"; "добродетели, гражданственности и чести каждого шляхтича" поручалось "уважать ее святость, охранять ее существование как единственную твердыню Отчизны и наших свобод"³.

Под тем же углом зрения рассматривался и включенный в Конституцию Закон о городах от 18 апреля 1791 г. – "закон, дающий вольной польской шляхте новую, подлинную, действительную силу для обеспечения безопасности ее свобод и целостности общего Отечества"⁴. Закон подтверждал принцип городского самоуправления и городского гражданства, провозглашал свободу жителей города, их права на наследственную собственность, равное подчинение всех городской юрисдикции, а также уравнение в правах всех городов и мещанства в целом. Поощрялось развитие городов и создание новых городов со всеми соответствующими правами на основе поселений (осад), возникших на ко-

ролевских и помещичьих землях. Мещане получали право приобретать землю в наследственное владение, избирать и быть избранными в органы городского самоуправления, посылать представителей в сейм, в министерства и ассессории, занимать должности в государственных учреждениях, продвигаться по службе в армии (в офицерский корпус), делать церковную карьеру. Тем самым дорога к успеху в польском обществе открывалась и "неблагородным" его членам, ценностями провозглашались не только "благородство" происхождения, но также богатство и заслуги перед обществом, будь то в органах государственного управления, в рядах защитников отечества или среди духовных пастырей народа. Не случайно, именно те представители мещанства, которые имели солидную материальную собственность или в течение определенного срока выполняли выборные функции, занимали должности на государственной службе либо получали офицерское звание, подлежали нобилитации. Если учесть, что Закон в то же время разрешал шляхте без ущерба для ее чести и привилегий заниматься торговлей, ремеслом и другими "мещанскими" делами, то станет ясно, что реформаторы стремились заложить основу для известного сглаживания различий и сближения сословий и классов польского общества, для создания патриотического союза прежде всего шляхты и мещанства. Этот союз и должен был стать "новой, подлинной, действенной силой", призванной обеспечить безопасность и целостность Польши.

Перед лицом угрозы самому существованию страны первоочередной становилась задача реорганизации государственного устройства и политической системы Речи Посполитой, направленной на укрепление государственного аппарата, усиление центральной власти, ликвидацию анархии и засилья магнатских клик, устранение почвы для влияния иностранных государств и их вмешательства во внутренние дела Польши. Конституция 3 мая устанавливала разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Этот принцип отвечал политическому опыту Европы Нового времени, так же как и положения, касавшиеся работы сейма, министерств и всех звеньев политической системы. Другие преобразования также шли в направлении современного парламентаризма: принцип "либерум вето", конфедераций и т.п. заменялся принципом подчинения меньшинства большинству, вводилось правило ответственности министров. Принятие решений по большинству голосов становилось обязательным и на других, более низких уровнях, в частности, в городском самоуправлении, т.е. превращалось в универсальное и единственное правило. Провозглашался и другой важ-

ный принцип политической деятельности новой эпохи – запрет на соединение в одних руках выборных (законодательных) и исполнительных функций, на совмещение их со службой в армии. Становилась нормой одна из основных черт современной политической жизни – выборность судей.

Все эти преобразования мотивировались в Конституции патриотическими целями. Разделение властей, говорилось в тексте, является неперенным условием того, чтобы "целостность государств, гражданская свобода и общественный порядок в равной мере сохранялись навсегда"⁵. Подчеркивалось значение исполнительной власти: "Счастье народов зависит от справедливых законов, результат же этих законов – от их исполнения. Опыт показал, что пренебрежение этой стороной правления наполнило Польшу бедами"⁶. На основе печального опыта Речи Посполитой делался вывод и о необходимости наследственной власти короля, осуществлявшего исполнительные функции: "Осознание несчастья бескорольев, периодически взрывающих правительство, обязанность обеспечить судьбу каждого жителя Польской земли и навсегда закрыть пути влиянию иностранных держав, память о блеске и счастье нашего Отечества во времена царствования наследственных династий, необходимость отвратить от амбиций занятия престола как чужих, так и польских магнатов и вернуться к единодушной заботе о национальной свободе подсказали нашему разумению, чтобы польский трон передавался по наследству"⁷. Воспитание наследных принцев, оговаривалось в Конституции, должно помочь им впитать в умы, наряду с религиозными догматами, "любовь к добродетели, к Родине, свободе и Конституции страны"⁸.

Последние статьи Конституции были посвящены армии, ее взаимоотношениям с народом, патриотическому долгу всех поляков. "Нация должна быть защитой себе самой от нападения и охранять свою целостность. Поэтому все граждане являются защитниками национальных свобод и целостности"; армия же – это "организованная оборонная сила, извлеченная из общей силы Нации. Нация обязана своему войску наградой и уважением за то, что оно отдает себя единственно для ее защиты. А долг армии перед Нацией – охранять границы и повсеместное спокойствие, словом быть самым крепким ее щитом"⁹. Подобный взгляд на армию и ее взаимоотношения с нацией был новым. Новое качество приобретал и сам институт армии, он становился атрибутом государственности, национальным патриотическим символом.

Таким образом, не только сам факт принятия Конституции 3 мая, который перечеркнул "гарантии" соседних держав, договорившихся законсервировать гибельный архаичный строй Речи Посполитой, но и весь дух этого документа свидетельствовали о намерении поляков бороться за свою страну, ее суверенитет и целостность. Это был вызов внешним силам, пытавшимся поживиться за счет Польши либо превратить ее в послушную марионетку. После решений Четырехлетнего сейма для царизма оказалось невозможным продолжать выгодную для него прежнюю политику: сохранять слабую, подвластную российским указаниям Речь Посполитую как буфер между Россией и Пруссией и не дать другим соседним державам усилиться за счет польских земель. План раздела Польши, осуществления которого давно добивалась Пруссия, становился для России безальтернативным.

Важную роль в принятии державами курса на раздел Польши играло и то, что провозглашенные Конституцией 3 мая идеи и принципы были абсолютно неприемлемы для полуфеодальных абсолютистских государств. Так, "подлинным узлом общества", "зеницей гражданской свободы" провозглашалась в Конституции "личная безопасность и всякая собственность, принадлежащая кому-либо по праву"¹⁰. Подобные буржуазные постулаты, наряду с прослеживающейся в Законе о городах тенденцией несколько ослабить сословные путы, сковывавшие польское общество, не могли рассматриваться в России, Австрии, Пруссии иначе, как опасные, подрывающие устои, революционные. "Всякая власть в обществе людей берет начало в воле Нации"¹¹ – этот тезис Конституции казался возмутительным самодержавным, абсолютным властителям, тем более, что далее в тексте Конституции особо подчеркивалось: король "должен быть не самодержцем, а отцом и главой Нации"¹². Это звучало как прямой вызов, к тому же авторы Конституции не скрывали, что в перестройке политической структуры они опираются на современный опыт западной демократии, конституционализма, парламентаризма, пользуются "временем, в каком находится Европа", а время это характеризовалось событиями Великой французской революции, которую Австрия, Россия и Пруссия стремились задушить, опасаясь ее влияния на другие европейские страны и на свои владения. Конституция 3 мая являлась для них подтверждением обоснованности опасений, она свидетельствовала о распространении "революционной заразы" на Восток.

Все это сделало неминуемым на переломе 1792–1793 гг. второй раздел Польши. Участники раздела Россия и Пруссия, добившиеся от-

мены Конституции 3 мая, нашли опору внутри польского общества в лице магнатской группировки, противившейся реформам и создавшей для борьбы с ними Тарговицкую конфедерацию. В акте конфедерации от 14 мая 1792 г. говорилось, что она выступает против Конституции 3 мая. Правда, там же провозглашались цели защиты католической веры и сохранения целостности государства, однако на деле тарговичане еще летом 1791 г. вели в Петербурге переговоры о ликвидации реформ. Главной целью для них было добиться возвращения устраивавших их старых порядков, а то, что в результате их предательства Польша после второго раздела попала в полную зависимость от России, волновало их гораздо меньше. При поддержке внутренней реакции была принята новая конституция Речи Посполитой, в основном восстанавливавшая законы 1775 г., но включенными оказались и некоторые положения Конституции 3 мая, в том числе те, что расширяли права мещанства; узаконивался и принцип принятия решений большинством голосов.

Это было косвенным свидетельством влияния, которое оказали на польское общество идеи Конституции 3 мая и с которым нельзя было не считаться. О том же говорил рост национального самосознания в самых широких социальных слоях. Он нашел выражение, в частности, в публицистике того времени: опубликованная за границей книга Г. Коллонтая, И. Потоцкого и Ф. Дмоховского "Об установлении и падении Конституции 3 мая 1791 г." разоблачала сговор держав и Тарговицы, еще раз разъясняла суть содержащихся в Конституции идей и теперь уже с полным основанием подчеркивала их патриотическую направленность. Книга явилась важным звеном в идеологической подготовке вооруженного сопротивления силам внешней и внутренней реакции. Что же касается непосредственно военной подготовки восстания Т. Костюшко, то патриотическая шляхта делала ставку на армию как организованную силу нации, т.е. претворение в действительность постулатов Конституции 3 мая в сочетании с реформой армии 60-х годов открывало возможность борьбы за сохранение независимого Польского государства.

Восстание Костюшко в 1794 г. показало значение и других идей Конституции, в частности, идеи патриотического союза шляхты и мещанства, перспектива которого была намечена принятием Закона о городах. Именно мещанство, и особенно городские низы, выступили наиболее активно против оккупантов и тарговичан; самым ярким примером может служить борьба варшавского мещанства под руководством

Я.Килиньского. Многие представители городских слоев вступили в армию Костюшко.

Несколько иначе обстояло дело с крестьянами. Они также сражались под началом Костюшко, в том числе героически проявили себя в битве при Рацлавицах. И до них дошла весть о Конституции 3 мая, ее принятие они истолковывали как конец эпохи барщины и крепостничества: так, например, в имении Рембкув крестьяне, отказавшиеся от повинностей в пользу помещика, заявили, что "настали уже лучшие времена и король работать им не велел"¹³. Были случаи и антипомещичьих выступлений, причем как раз в поместьях активных деятелей Тарговицкой конфедерации. Однако массового подъема крестьянства на национально-освободительную борьбу не произошло, и в этом, несомненно, сыграло роль и то, как ставился крестьянский вопрос в Конституции. В ней говорилось о "сельском люде", "от рук которого проистекает самый обильный источник богатств страны, который составляет самую многочисленную часть Нации, а потому и самую деятельную силу Польши"; выдвигалась задача за счет "сельского люда" "как можно более эффективно обеспечить рост населения страны"¹⁴. Признание крестьянства частью нации и ее силой было шагом вперед, но в целом этот класс рассматривался в Конституции в перспективе экономического прогресса, а не национально-освободительной борьбы, поскольку шляхта боялась давать своим холопам в руки оружие. Самые важные для крестьян вопросы – о свободе и собственности – не затрагивались, лишь ограничивался произвол помещиков в отношении крепостных. Эти недостатки в постановке крестьянского вопроса стали ясны во время восстания, и Костюшко постарался их исправить. Изданный им Поланецкий универсал, имевший целью побудить крестьян активно поддержать восстание, повторял некоторые положения Конституции 3 мая (насчет опеки и защиты крестьян правительством), но шел дальше нее, провозгласив личную свободу крестьянина.

Если говорить о привлечении крестьянства к защите государства, то здесь имела значение и та статья Конституции, которая касалась вопросов вероисповедания. Она гласила: "Господствующей национальной религией есть и будет Римско-католическая святая вера со всеми ее правами"¹⁵. Переход из католичества в другую веру запрещался. Правда, подтверждая традиции религиозной терпимости, законодатели объявляли свободу для всех других исповеданий, что было весьма важно в свете задачи объединения сил общества для борьбы за независимость Польши. Тем не менее акцентирование превосходства католицизма не могло

не создавать конфликтной основы прежде всего на "кресах", где масса крестьянства исповедовала иную веру.

Восстание Костюшко было подавлено, и произошел окончательный раздел Речи Посполитой. Польское государство перестало существовать. Конституция 3 мая, рожденная в борьбе за его преобразование и спасение, вошла в сознание польского народа как акт, вызвавший ненависть соседних держав и побудивший их к насилию под Польшей. И действительно, принятие Конституции в значительной мере послужило вызовом и активизировало агрессоров. В то же время патриотические идеи Конституции оказали сильное влияние на польское общество, способствовали росту национального самосознания и объединению различных социальных сил для сопротивления врагу. Хотя определенная ограниченность позиции авторов Конституции ослабляла заложенный в ней патриотический посыл, именно эти идеи, отражавшие новые, прогрессивные общественные тенденции и современный политический опыт Европы, составили тот вклад, какой в дальнейшем использовало польское национально-освободительное движение. Таким образом, Конституция 3 мая 1791 г. была не только важным звеном в процессе разделов Речи Посполитой, но и сыграла значительную роль в борьбе польского народа за восстановление своей государственности.

Примечания

¹ История Польши. М., 1956. Т. I. С. 356.

² Ustawa rządowa z dnia 3 Maja 1791 r. Warszawa – Lublin – Łódź – Poznań – Kraków, 1920. S. 3–4.

³ Ibid. S. 6.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid. S. 8.

⁶ Ibid. S. 11.

⁷ Ibid. S. 12.

⁸ Ibid. S. 19.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid. S. 5–6.

¹¹ Ibid. S. 8.

¹² Ibid. S. 13.

¹³ История Польши. Т. I. С. 357.

¹⁴ Ustawa rządowa... S. 6–7.

¹⁵ Ibid. S. 4.

**О пребывании
участников движения Т. Костюшко в России
(по неопубликованным архивным материалам)**

Историки, желая избежать простого изложения конкретного материала, стремясь проникнуть в суть исторического процесса, установить связи и закономерности в возникновении и развитии отдельных явлений, найти присущее им общее и специфическое и т.д., углубляясь в теоретические, историософские аспекты и проблемы, постепенно все больше отходят от первоначальной цели истории – узнать и рассказать о прошлом, чтобы оно не было забыто, поведать современникам о важнейших событиях и выдающихся людях прошлого. Нередко при этом преследовалась задача дать читателям или слушателям некий нравственный урок, представить поучительный пример, оценивая события или деятельность людей с высоких нравственных позиций. В этой связи представляется интересным рассмотреть необычный яркий факт, событие, имевшее место в жизни обычного человека. В конечном счете, совершенно понятно, что за всеми историческими событиями и процессами стоят именно люди. Историческая наука занимается изучением развития человеческого общества – от истории человечества в глобальном масштабе, истории отдельных государств, отдельных народов, слев, групп – до исследования жизненной истории отдельной личности. Или же наоборот: от личности – до человечества. Соотношение, взаимосвязь человеческой единицы – как самого рядового человека, каких миллионы, так и выдающейся личности – с общим историческим процессом чрезвычайно сложна и многообразна. Каждый человек – дитя и пленник своего времени, начиная от быта и кончая менталитетом. Он живет по меркам этого времени. Поэтому для историка особую ценность представляют материалы, которые дают возможность познакомиться с конкретным человеком, конечно, чаще всего неполно, воссоздать образ когда-то жившего простого "творца" истории. Судьбы людей оказываются настолько переплетены и связаны, иногда случайно, что

нередко какие-то события непосредственно вторгаются в жизнь людей, не имеющих к ним прямого отношения.

Ниже рассматривается вопрос о пребывании участников движения Тадеуша Костюшко в России. Несмотря на обширную литературу, посвященную восстанию, он относится к числу наименее изученных. В то же время хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) документальные материалы содержат немало сведений о судьбе участников движения – как арестованных еще при подготовке восстания, так и оказавшихся в плену после его подавления. В основном эти документы сосредоточены в исторически сложившемся архивном комплексе под названием "Государственный архив". В фонде № 7 (по старой нумерации – "разряде VII") "Дела Преображенского приказа и Тайной канцелярии" отложились материалы, связанные с функционированием Смоленской следственной комиссии. Эта комиссия была создана специально для расследования действий лиц, принимавших участие в подготовке восстания Костюшко.

Вполне понятно, что наибольшую группу поляков, оказавшихся в России в связи с подавлением восстания, составили пленные. По сведениям об общей численности поляков, находившихся в ссылке в различных местах России, содержащимся в сводном документе генерал-прокурора А.Н.Самойлова (они относятся к концу 1795 – началу 1796 г.), она превышала 5 000 человек¹. Как сообщал президент военной коллегии Н.И.Салтыков в записке о поляках, взятых в плен войсками князя Н.В.Репнина, все нижние чины, числом более 2 000 человек, были распределены рядовыми по наместничествам в штатные команды и в гарнизонные батальоны. 500 человек были направлены на строительные работы в крепость Роченсальм, из которых ко времени составления документа многие уже были освобождены по повелению императрицы, а некоторые умерли. 62 оказавшихся в плену чиновника были высланы в города Казанской, Новгородской и Смоленской губерний. Пленные, захваченные войсками генерал-фельдмаршала А.В.Суворова-Рымницкого, также были распределены по наместничествам, а частично и в полевые войска – около 2 000 человек².

В те губернии, где находились пленные поляки, Самойлов направил циркулярные письма, в которых, по приказу императрицы, запрашивались сведения о фамилиях, социальном положении, возрасте, месте прежнего жительства, роде занятий и др. Полученные ответы не отличались единообразием, одни содержали более подробные сведения, другие же были весьма кратки. Однако они дают точные данные о том,

в каких губерниях находились пленные поляки – а именно: в Смоленской, Владимирской, Костромской, Орловской, Курской, Нижегородской, Тамбовской, Тверской, Новгородской, Казанской, Харьковской, Новгород-Северской, Воронежской. Несмотря на неполноту и неточность имеющихся в этих списках сведений, по ним можно составить приблизительную картину, кто же принимал участие в военных действиях повстанцев и оказался в российском плену. Наибольшую группу среди них составляли молодые люди, возраст которых не превышал 30 лет. Из 388 человек, о которых имеются сведения, таких насчитывается 238, т.е. немногим более 60%. Лиц до 40 лет было около 20%, до 50 лет – 12% и старше – 5%. (Возраст указан только в списках по шести губерниям.)

Эти же списки позволяют с некоторой долей вероятности провести подсчеты по социальному составу повстанцев. Так, среди пленных шляхтичи составляли одну треть, или чуть меньше, крестьяне – примерно половину, остальные пленные – это мещане, "из вольных людей", "из татар польских", "из дворовых людей" и т.д. В общей сложности по спискам, присланным из всех губерний, можно установить имена и фамилии 1148 человек. Подавляющее большинство участвовавших в восстании и оказавшихся в плену являлись жителями так называемых "вновь присоединенных" территорий.

Особую группу среди пленных составляли руководители восстания во главе с раненым Тадеушем Костошко, которых привезли в Петербург. Об их пребывании в столице сохранилось много свидетельств мемуарного и документального характера. Архивные материалы содержат их показания, переписку властей, документы со сведениями бытового характера, в частности о лечении Костошко и т.д. Это очень интересные свидетельства, частично они опубликованы в "Чтениях Общества истории древностей российских"³.

В целом, имеющиеся материалы могут пролить свет на факты и события, которые не оставили заметного следа в истории восстания, однако судьбы людей, оказавшихся с ним, связанными, претерпели существенные изменения, по ним прокатилось "колесо истории". Среди таких были те, кто предстал перед Смоленской следственной комиссией.

Именно о них пойдет речь в настоящей статье.

Комиссия была образована по именному указу Екатерины II, данному 24 апреля 1794 г. "правлящему должность псковского и смоленского генерал-губернатора генерал-поручику Григорию Михайловичу

Осипову". Под его председательством назначалась специальная комиссия для расследования "злодейского заговора, в котором оказались участниками многие из новых наших подданных"⁴. Одновременно минскому генерал-губернатору Тимофею Ивановичу Тутолмину предписывалось переправить в Смоленск находившихся в Минске арестованных "заговорщиков". Основные материалы, характеризующие деятельность Смоленской комиссии, заключены в деле, которое называется "О поляках, сужденных в Смоленской следственной комиссии"⁵. Через эту комиссию прошли как поляки, вовлеченные в подготовку вооруженной борьбы против России, так и немалое число лиц, всего лишь подозревавшихся в подобных намерениях. Их вина впоследствии или не была доказана, или же они действительно были невиновны и арестованы случайно.

В апреле 1794 г. в Смоленск привезли первых четырех арестованных – графа Станислава Солтана, "бывшего маршала надворного литовского"; графа Игнацы Грабовского, Адама Вежейского и Михала Радишевского, "маршалка становичьего". Позднее, в начале мая, из Санкт-Петербурга был доставлен возглавлявший полк повстанцев граф Игнацы Дзяльньский. Всего Смоленская комиссия рассмотрела дела по обвинению в преступных намерениях более 80 человек. Поскольку некоторые из арестованных занимали высокое социальное положение, им разрешалось держать при себе слуг. В документах отмечалось, что "оные служители по их собственному и господ их желанию оставлены при них для услуг и находятся под одною с ними стражею"⁶. Число этих "служителей" временами превышало 20 человек.

По спискам, составленным Смоленской следственной комиссией в качестве ежемесячных отчетных финансовых документов, видно, что подавляющее большинство арестованных принадлежало к шляхетскому сословию, семь человек относились к судебному ведомству, 14 – люди духовного звания; были также: один человек из мещан и один – из крестьян. Социальное положение учитывалось при выделении средств на "суточное содержание" заключенных. Самая большая сумма указана у графа Станислава Солтана (1 р. 52 к.), у графа Игнацы Дзяльньского – 1 р. 32 к. Простым шляхтичам нетитулованным выделялась гораздо меньшая сумма: от 10 до 30 к. Отправляя арестантов в Смоленск, минский генерал-губернатор Т.И.Тутолмин писал Г.М.Осипову, что "при содержании их в Минске приготовлялся им стол, состоянию соответственный, и накуплены были неминусомо нужные для комнатного употребления вещи". Одновременно он выражал надежду, что необходимые

удобства "будут им предоставлены и в Смоленске"⁷. Об этом Тутолмин считал необходимым упомянуть особо, несмотря на то, что основное содержание письма касалось режима заключения арестованных – "содержать их в Смоленске порознь под строгим присмотром, дабы они сокрыться не могли и не имели возможности переписываться с кем бы то ни было"⁸. О необходимости пристального надзора за поляками говорилось и в письме генерал-прокурора Самойлова, но и здесь уделялось внимание бытовым моментам. Так, он писал, что следует "содержание давать им порядочное, однако ж без излишеств"⁹. Смоленская комиссия оказалась в весьма затруднительном положении – средств она не имела: казенные деньги на содержание подследственных еще не были доставлены из Петербурга. И тогда был найден выход: воспользоваться деньгами, которые оказались у арестованных. Монеты были разнообразны – золотые и серебряные, российские и польские, "гишпанские" и голландские.

Вообще учет имущества и ценностей, имевшихся у арестованных, велся весьма аккуратно (деньги, одежда, книги, золотые и серебряные вещи и т.д.). В фонде сохранился "Реестр вещам и деньгам графа Дзялыньского", в котором, среди прочего перечислено: "орден Святого Станислава с бриллиантами, орден Белого орла со звездой без камней и с лентою голубою, два маленьких ордена – Станиславовский и Белого орла, без камней, шестьдесят голландских червонных, пряжки башмачные и одна галстучная – серебряные, ленточка голубая с красным, с золотою пряжечкою и колечком, сафьяновая книжка с чернилицею, ножницами и ножичком"¹⁰. При освобождении Дзялыньского вещи были ему возвращены, о чем свидетельствует приписка на документе: "У подлинного тако: по сей описи принял и расписался мая 19 дня 1797, а [далее] на французском диалекте написано: Я получил все вещи вышесписанные. Граф Дзялыньский".

При проведении расследования в Смоленской комиссии возникли трудности языкового характера, многие из арестованных поляков не говорили по-русски, поэтому потребовались переводчики, владевшие польским и французским языками. Подлинных показаний допрошенных комиссией не сохранилось. В делах имеются так называемые "экстракты", представляющие собой своеобразные резюме этих показаний, которые направлялись в Петербург на рассмотрение императрицы. К "экстрактам" прилагались "мнения" комиссии о степени виновности каждого из подследственных и о соответствующих мерах наказания. Правда, среди документов есть копия показаний графа Кароля Моравского,

182

которые он дал в тайной экспедиции (их Самойлов переслал Осипову, так как они могли потребоваться Смоленской комиссии при дальнейшем расследовании)¹¹. Сначала Моравский долго отказывался давать показания, но поскольку вина его казалась несомненной, он все же решился быть откровенным, причем просил генерал-прокурора "исходатайствовать ему у императрицы прощения и сохранить в тайне его показания".

В ходе изложенных ниже показаний Моравский рассказал, что учился "в коллегии Марии-Терезии" в Вене, куда был послан своим отцом. По возвращении на родину его дядя, виленский воевода князь Радзивилл, "заставил одного полковника саксонского преподавать ему тактику и другие науки, принадлежащие к инженерству". В то же время он служил в Литовском полку и дошел до чина полковника. "Два года назад", за участие в "кампании, которая была в Польше", он получил орден из рук польского короля. Недалеко от него жил Станислав Солтан, во время "революции 3 Мая бывший нунцием сейма и маршалом литовским", лишившийся позднее своих должностей, а также и доходов. Сблизившись с Моравским, он "старался беспрерывно вдыхать в него величайшее истощение противу России". Моравский, узнав об аресте Солтана, готов был броситься к нему на помощь, но жене удалось отговорить его. Он поехал в Краков, где в то время находился родственник Солтана, чтобы сообщить ему о случившемся. Оказавшись проездом у своего дяди Залевского, жившего в Замостье, Моравский и там видел военные приготовления, и у него возникло желание вступить в войска. Наконец, ему удалось добраться до родственника Солтана, который представил его Костюшко. Во время беседы Костюшко упрекнул Моравского, сказав: "Мы защищаем отечество, а вы в Литве взираете спокойно, когда иностранные воины хватают граждан". Моравский оправдывался, что он не был в состоянии помочь Солтану.

На следующий день состоялась его встреча с другим руководителем повстанческих войск Игнацы Потоцким, и тот сказал примерно то же самое: "Как можете вы переносить, когда иностранная держава дает чувствовать столь великий ужас нашим гражданам в Литве, что будут мыслить об нас другие народы, когда познают, что мы столь подлы". Моравский отвечал, что если бы у него были войска, тогда он не допустил бы такого бесчестья. В конце встречи Потоцкий сообщил, что повстанцы "ежедневно ожидают вспоможения тридцати тысяч австрийских войск и пятнадцати тысяч саксонских", что "австрийский император имеет намерение женить своего сына принца Карла на инфанте поль-

ской и сделать его королем польским, что он заключил с Францией мир". Потоцкий дал Моравскому записку к Костошко, и во время новой встречи последний склонил графа к вступлению на службу, напомнив ему о его дяде князе Радзивилле и отце, которые, по его словам, "столь много от России потерпели". По окончании разговора Костошко вручил Моравскому "открытое повеление, которым предписывалось всем генералам, штаб- и обер-офицерам и всем солдатам соединиться с ним".

Любопытно свидетельство Моравского о помощи полякам со стороны Австрии. Оно основывалось не на знании дипломатических документов или мнениях высокопоставленных лиц, а на суждениях простых людей. Так, отъехав четырнадцать миль от Кракова, Моравский встретил австрийские войска. Когда он спросил австрийских солдат, не идут ли они на помощь его отечеству, те открыто рассмеялись. Задав тот же вопрос офицерам в трактире, он стал предметом издевательств и насмешек. Среди них нашелся один офицер из Галиции, который сказал Моравскому, что разговоры о помощи австрийцев – "это совершенная ложь", "что австрийцы идут более для раздела Польши, нежели для вспоможения оной, что император заключил уже с Францией мир и намерен напасть на Польшу, дабы получить и себе часть".

Прибыв в Замостье, Моравский и от своего дяди услышал, что "Австрия не имеет ни малейшего намерения воспомоществовать Польше, напротив того намерение ее клонится без сомнения к разделу оной". Дядя нарисовал племяннику тягчайшую участь его жены и ребенка, которые "могут стать жертвами его безрассудства" в случае его присоединения к повстанцам. Кроме того, имение князя Радзивилла, которое должно было перейти к Моравскому по наследству, находилось в российских владениях и потому ему надлежало бы "стараться о приобретении покровительства России". Этот разговор с дядей, как утверждал Моравский, "совершенно переменял образ его мыслей". Однако оказавшиеся у него при аресте документы явились весьма убедительным доказательством его причастности к планам "заговорщиков".

Родные и близкие тех, кто был арестован за принадлежность к "мятежническому заговору", сразу постарались узнать, куда они были отправлены, где находятся. И тотчас же стали искать всевозможные пути и способы, чтобы оказать им помощь – моральную и материальную. В этих целях они обращались к представителям российских властей на местах (в Литве это был генерал-губернатор Николай Васильевич Репнин), а также к чинам высшей администрации, к известным влиятельным лицам. Жены арестованных, а позднее сосланных поляков

проявляли "непреодолимую настойчивость" в стремлении облегчить участь своих мужей. В архивном фонде сохранились многочисленные прошения и письма жены Станислава Солтана Францишки, жен Кароля Моравского, овручского земского судьи Михала Павши и др., за житомирского судью Каэтана Проскуру наряду с женой ходатайствовал и отец.

Прошения обращающихся к власти родственников были однотипны. В них содержались просьбы облегчить положение арестованных, разрешить им прогулки на свежем воздухе, позволить присылать арестованным денег, а также вести переписку и т.д. Многие семьи оказались в крайне тяжелом материальном положении. Так, Н.В.Репнин в письме, сопровождавшем прошения жен арестованных поляков, писал А.Н.Самойлову: "Жалкое положение госпожи Моравской стоит истинно всякого сострадания. Она и госпожа Солтанова оставлены своими мужьями, все их именья промотавшими, в такой бедности, что с нуждою имеют они с их несчастными детьми пропитание и для удовлетворения заимодавцев принуждены будут скоро остальные их деревни продать или по здешним обычаям разделить кредиторам для уплаты долгов". Одновременно он просил помочь графине Моравской вернуть ей бриллианты, которые увез с собой ее муж. Все вещи были в целостности и сохранности и находились в смоленской казенной палате в соответствии с описью¹². Решение о возврате ценностей принималось самой императрицей, которая "повелеть соизволила: отдать сии вещи жене Моравского". Графиня благодарила и немедленно обратилась с новой просьбой – разрешить ей послать мужу денег и письмо. Ответ был положительным¹³.

В результате расследования, проведенного Смоленской комиссией, все арестованные в соответствии с указом императрицы от 20 июня 1795 г. были разделены по степени вины на четыре группы. Наиболее сурового наказания заслуживали те, кто уже дал присягу на подданство императрице, таких оказалось семь человек. Осужденные ссылались в отдаленные города Российской империи, вплоть до Дальнего Востока. 21 человек освобождался на поруки.

При известии, что некоторые из находившихся в Смоленске поляков могут быть отданы на поруки, они сами, как и их родственники, немедленно принялись за поиски поручителей. Брацлавский воевода Михал Коссаковский стал поручителем "за будущее поведение" сразу семи человек (среди них были Игнацы Тизенгаузен, майор литовской гвардии Владыслав Дашкевич, адвокат Игнацы Грабовский и др.).

Родственники ссыльных пытались поддерживать с ними переписку, пересылали деньги. Двум женам, после настойчивых просьб, удалось добиться разрешения навестить своих мужей: Францишке Солтан съездить в Казань, а Эльжете Богуш – в Царевokokшайск¹⁴.

Следует особо отметить позицию, занятую Н.В.Репниным по отношению к родственникам "провинившихся" поляков. Сохранилось немало писем, в которых он выказывал сочувствие оказавшимся в трудном положении семьям арестованных и просил смоленского губернатора Осипова и генерал-прокурора Самойлова о содействии в продвижении их просьб. Сочувственную позицию в отношении родственников пострадавших занимал и П.А.Румянцев-Задунайский. Милосердие к побежденным было весьма в духе эпохи. Даже сама императрица шла навстречу в удовлетворении подобных просьб. Да и по отношению к Костошко императрица проявляла определенное благородство, интересуясь его здоровьем и посылая к нему своего придворного врача. Власти старались "сохранить лицо", не опускаясь до уничтожения повергнутого врага.

Многие из поляков-заговорщиков благодарили князя Репнина за проявленную им заботу об их семьях. Из переписки Станислава Солтана с женой видно, какое важное значение для них имела благожелательная позиция литовского генерал-губернатора. Солтан писал: "Не нахожу я довольно слов для выражения признательности моей князю Репнину. Ибо будучи ему обязан твоим спокойствием, обязан я ему всем, что для меня есть наидрагоценнейшего"¹⁵.

Аналогичное свидетельство об отношении Репнина к полякам, к польской аристократии встречается среди документов, опубликованных в одном из Сборников Русского исторического общества: "Я не только что имею вольность говорить с князем Репниным о наших гражданах, но даже ему то завсегда приятно, он на все, как приятель, отвечает открытым сердцем и даже старается предостеречь" (письмо "неизвестного поляка" от 6 декабря 1794 г.)¹⁶.

Трудно сказать, насколько позиция Репнина всегда была искренней, во всяком случае несомненно, что он преследовал и весьма практические цели: для успешного выполнения своей задачи по управлению вверенной территорией ему необходимо было реноме человека справедливого, доброжелательного, "заступника" за своих подопечных. Виленский генерал-губернатор должен был расположить к себе просвещенную часть польского общества¹⁷. Во всяком случае, по тем или иным

соображениям, Репнин последовательно придерживался благожелательной позиции в отношении родственников арестованных поляков.

Следственная деятельность Смоленской комиссии продолжалась немногим более года, и летом 1795 г. признанные виновными поляки были отправлены в ссылку. Местным властям предписывалось регулярно сообщать в центр об их поведении, состоянии здоровья и т.д. Поступавшие сведения отличались удивительной лаконичностью и однообразием – все ссыльные здоровы, в их поведении не наблюдалось ничего предосудительного.

В конце 1795 г., когда вопрос о судьбах Польши был уже решен окончательно, Екатерина II проявила интерес к находившимся в России полякам, участникам движения Т.Костюшко. Она распорядилась собрать о них сведения – где и сколько их находится, чем они занимаются и т.д. Такие сведения были собраны, но никаких решений не последовало. Однако с восшествием на престол Павла I положение резко изменилось. Император торопился как можно скорее освободить поляков. Он немедленно объявил амнистию самому Т.Костюшко и его ближайшим соратникам¹⁸. 10 ноября 1796 г. высшим чиновникам, в ведении которых находились польские пленные и сосланные, император велел рассмотреть, "каковы преступления содержащихся в России поляков", и сделать заключение, кого можно освободить¹⁹. Исполнение этого приказа требовало значительного времени, но Павел был нетерпелив и, не дожидаясь результатов, 29 ноября дал указ Сенату Российской империи, которым предписывалось всех, "подпавших под наказание, заточение и ссылку по случаю бывших в Польше замешательств ... освободить и отпустить в прежние их жилища"²⁰. Указ сразу же стал выполняться, и уже 26 декабря 1796 г. из Костромской губернии выехали находившиеся там ссыльные К.Моравский и А.Нелепец. Многие из ссыльных не имели денег на дорогу, и им оказывалась необходимая материальная поддержка.

В течение 1797 г. Россию покинули практически все помилованные поляки²¹. Таким образом, пребывание поляков – участников движения Т.Костюшко в России оказалось сравнительно непродолжительным.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Макарова Г.В.* Новые материалы о пребывании участников движения Т.Костюшко в России // *Славяноведение.* 1994. № 3.

² РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.2869. Ч.5. Л.8.

³ Об этих документальных материалах, в том числе и о тех, которые хранятся в РГАДА (Ф.7. Оп.1. Д.517–552), подробно говорится в статье В.А.Дьякова "Костюшко и его соратники после сражения при Мацейовице" (См.: Славяноведение. 1993. № 5).

⁴ РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.2869. Ч.2. Л.24.

⁵ См.: Там же. Д.2869 (Дело достаточно объемно: оно состоит из пяти частей.)

⁶ Там же. Ч.1. Л.8 об.

⁷ Там же. Ч.2. Л.13.

⁸ Там же. Л.15.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Ч.4. Л.225.

¹¹ Там же. Ч.2. Л.42–53.

¹² Там же. Ч.4. Л.193.

¹³ Там же. Л.195 об. Однако в архивных документах встречаются свидетельства и иного характера. Некоторые лица пытались воспользоваться ситуацией и успеть то ли "выслужиться" перед новыми властями, то ли свести какие-то личные счеты. Примером может служить некий Бжезинский. Среди арестованных по подозрению в принадлежности к "мятежникам" оказался белорусский помещик Иосиф (Юзеф) Шадурский – "по извету зятя его надворного советника Бжезинского", пославшего письмо полочному генерал-губернатору. Следственная комиссия затребовала это письмо, а затем сочла нужной и явку самого доносителя "для объяснений". В ходе разбирательства и "открылось, что Бжезинский ясного доказательства, чтоб Шадурский прямо был в каком случае сообщником с возмутителями, не имеет". Письмо вернули, "объявля при том, что комиссия до него, Бжезинского, более надобности не имеет" (Там же. Ч.2. Л.317–318).

¹⁴ Подробнее см.: *Макарова Г.В.* Действия родственников и друзей оказавшихся в России участников движения Тадеуша Костюшко, направленные на облегчение их участи (по новым архивным материалам) // XVIII век: славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.

¹⁵ РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.2869. Ч.4. Л.114.

¹⁶ Сб. РИО. СПб., 1875. Т.16. С.68–69.

¹⁷ В этой связи характерен фрагмент из письма минского генерал-губернатора Т.И.Туттолмина от 26 июля 1794 г. Когда при проведении расследования Смоленская комиссия потребовала явки ряда шляхтичей для очных ставок, Туттолмин написал Осипову, ссылаясь на изяславского губернатора, что необходимо требовать присылки тех, кто действительно виновен, "что отправление в Смоленск многих из шляхетства, коих публика признает в умысле вовсе не участвовавшими, огорчает общество дворянское". Для него тоже было безразлично общественное мнение (См.: РГАДА. Ф.7. Оп.1. Д.2869. Ч.2. Л.151 об.).

¹⁸ Там же. Д.2900. Л.2–7.

¹⁹ Там же. Д.2869. Ч.1. Л.322.

²⁰ Там же. Л.327.

²¹ Подробнее см.: *Макарова Г.В.* Новые материалы... С.49–50.

Восстание Тадеуша Костюшко и разделы Польши

История разделов Польши в XVIII в. занимает уникальное место в историографии. Она, несомненно, принадлежит, с одной стороны, к важным темам европейской истории революционной эпохи рубежа XVIII–XIX вв., будучи таковой не только в публицистике современников, но и в дальнейшем – в исторической науке¹. Однако, с другой стороны, в настоящее время она не стала в научном плане объектом интенсивных исследований или широкого столкновения мнений, т.е. преемственной и систематической дискуссии европейских историков. К осознанию этого обстоятельства приводит попытка обобщения результатов изучения данной проблемы. По мере того как на основе многочисленных исследований в области истории международных отношений и военной истории уточняется и реконструируется фактическая сторона истории разделов, все более трудно выделить опорные положения для осуществления надежной интерпретационной классификации процесса разделения страны. Как проблема польской национальной истории и главным образом польской историографии она, собственно, широко обсуждалась², но тем не менее монографические исследования проблемы разделов в контексте событий и процессов, определивших эпоху в целом, предпринимались за последние сто лет не более двух раз³.

Еще сегодня возможно появление дискуссионных проблем в тематике восстания Т.Костюшко и его связей с международными отношениями: это прежде всего проблемы взаимного соотношения между двумя обозначенными комплексами явлений. Потребность объяснения возникает не при попытках реконструкции хода восстания или дипломатической стороны разделов⁴, а по поводу взаимодействия различных факторов происшедшего⁵. Сюда относятся два центральных проблемных блока, в связи с которыми подлежат осмыслению и соперничающие возможности интерпретации, а также и спорные в историографии проблемы.

Как представляется, это вопрос, во-первых, о роли восстания в качестве причины третьего раздела Польши. Явилось ли восстание причиной раздела 1795 г. или только его политическим условием, т.е. влияющим, но вторичным фактором? Во-вторых, это вопрос о "революционном качестве" восстания и о его воздействии на международные отношения. То есть, было ли восстание революционной попыткой ревизии международных отношений в Европе вследствие Великой французской революции, для которых дипломатия восставших стремилась открыть, по крайней мере потенциально, новые сферы? Предлагаем сжатые комментарии к этим двум группам проблем.

I

Подходы и дискуссионные проблемы, упоминавшиеся выше, могут быть вполне обоснованно отнесены к первому проблемному блоку. Конечно же, речь идет о спорном вопросе, появление которого почти исключительно связано с диспутом политиков о законности разделов и господства держав-захватчиков в Польше. С этих позиций прусско-германская, как и русская историография освещали собственную динамику военных событий, сопровождавших акты разделов, что позволяло релятивистски подойти к вопросу об ответственности держав-участниц разделов за происшедшее. При этом на первый план выступают два логически тесно связанных между собой тезиса. С одной стороны, указание на то, что каждый из трех разделов имел свои непосредственные и серьезные предпосылки во внутривнутриполитическом развитии или же, во всяком случае, в регионально ограниченных "проблемах соседства" прилегающих стран. С другой стороны, утверждение, что трудно обнаружить какую-либо причинную связь между отдельными актами разделов, ибо каждый из них был реакцией на специфически региональную кризисную ситуацию. Также и третий раздел 1795 г. можно, следовательно, рассматривать как результат кратковременного кризиса, в котором восстание Т.Костюшко сыграло роль первопричины. Даже если конкурирующие интересы партнеров по разделам в "пропорциональной" аннексии, как допускает и немецкая, и русская историография, в определенной фазе кризиса могли заставить их развить собственную динамику, в последнюю очередь якобы противодействуя якобинским устремлениям в самой Польше, которые и привели эту динамику в движение⁶.

Против подобных концепций уже давно выдвигалось и выдвигается теперь возражение, что таким образом можно объяснить преемственность аннексионистских намерений и устремлений, которые были реализованы, начиная с 1769–1770 гг., со времени первых проектов разделов Польши, предложенных королем Пруссии Фридрихом II, так же как и австрийским канцлером Кауницем, и до окончательного раздела Польского государства. Эта преемственность малозаметна из-за длительного интервала между первым и вторым разделом. Также трудно оспорить, что, по крайней мере, русской стороной после 1772 г. рассматривались и другие решения⁷. Однако с 1793 г., казалось, нельзя было и помыслить о другом пути, что в первую очередь в самой Польше, очевидно, осознавалось всеми политическими группировками⁸. Это можно легко доказать, так как прусской стороной вопрос о разделе был поставлен в первые дни восстания Т.Костюшко, русские же и австрийские контрпредложения были выдвинуты не позже апреля или начала мая 1794 г.⁹ Исходя из этого, нельзя признать обоснованным, что в действительности великие державы преследовали какую-либо иную цель, кроме дальнейшего раздела Польши. В любом случае идея раздела проявляет себя как первичная по отношению к использованному предлогу или поводу. При реализации намеченного раздела события повстанческой войны являлись непредсказуемой, для всех сторон трудно определяемой, переменной величиной, когда согласовывались способы и итоги раздела. Поэтому неудивительно, что среди критиков русско-прусской интерпретации событий находятся поборники радикальной, правда, с их стороны бездоказательной антитезы, в соответствии с которой державы-захватчики сами поработали над тем, чтобы спровоцировать восстание и таким образом получить желаемый повод для интервенции¹⁰.

Более сильные аргументы против объяснения истории разделов как легитимного акта формулируются в процессе анализа поля политических конфликтов, которое образовало второй план политики разделов. Итак, то, что было доказано, хотя и с пробелами, посредством "криминалистической" реконструкции отдельных дипломатических шагов и участия в них отдельных личностей, можно без натяжки обобщить следующим образом. Во всех кризисных ситуациях, невзирая на все драматические обострения межгосударственных отношений и зигзаги кризисной дипломатии, к разделу Польши прибегали как к постоянному решению – это может быть объяснено только исходя из системной логики межгосударственных отношений в Восточной Европе. Описание этой системной логики следовало бы начать с указания на движущие

силы или, точнее говоря, дестабилизирующие факторы, которые обусловили в конечном счете необходимость территориальной ревизии и компенсации интересов великих держав посредством взаимосогласованной аннексии в Польше.

Среди трех важнейших факторов, на которые следовало бы обратить внимание, первым хронологически является изменение международно-политической ситуации в большом регионе вследствие Северной войны 1700–1721 гг. Выдающийся успех России в войне против Швеции привел не только к тому, что Швеция лишилась статуса ведущей северной державы. Этот успех многократно усилил действие нового расширенного потенциала гегемонистской политики и имперской экспансии на огромной территории. Российская империя, консолидировавшаяся на севере посредством мира 1721 г., обрела континентальные интересы господства и потребности безопасности нового типа, которые должны были очень скоро распространиться за пределы радиуса действия старой шведской "системы"¹¹. Вторым фактором следует назвать специфическую динамику Пруссии, которая исходила со времени "устройства" последней в качестве "малой великой державы" и ее ошеломляющего успеха в операции по аннексии Силезии. Так как возникший в 1740 г. прусско-австрийский конфликт не мог быть урегулирован ни в духе ревизии повода к нему, ни каким-либо изменением баланса интересов и здесь преемственно возрастала напряженность также и после Семилетней войны, побуждавшая Пруссию неизменно стремиться к дальнейшей территориальной экспансии, также и ценой конфликтов на новых направлениях, казалось, что именно такая политика давала шанс вырваться из неудобного положения второстепенной державы, всегда подверженной опасности¹². В качестве третьего фактора, по времени наиболее приближенного к кризисам, вызвавшим разделы Польши, следует рассмотреть Восточный вопрос, в многогранности которого, начиная с 1768 г., можно увидеть тенденцию к интернационализации русско-турецкого конфликта. Речь шла о мобилизации австрийских, а вскоре и британских интересов с целью сдерживать обозначившуюся русскую экспансию в Причерноморье и соответственно контролировать ее, соотносясь с собственными представлениями о политическом равновесии. Эта принципиальная точка зрения сыграла непосредственную роль в дипломатической подготовке первого раздела Польши¹³.

Даже когда совместное воздействие этих различных факторов могло постоянно возрастать, увеличивая тем самым давление, побуждающее к ревизии политико-территориальной ситуации в Восточной

Европе, вряд ли можно говорить о некоей "необходимости" или логике, принуждавшей ликвидировать это давление посредством раздела Польши. Что должно было появиться, так это общее намерение держав-участниц разделов попытаться восстановить относительное равновесие на месте обострившихся до крайности противоречий. Кроме того, по меньшей мере для одной державы, а именно для Пруссии, аннексия польской территории представляла собой своего рода первостепенную политическую цель, что объясняет особо значительную роль прусской дипломатии в стремлении ослабить межгосударственную напряженность за счет аннексионистского решения¹⁴. И еще одно наблюдение представляется в данном случае важным. сколь мало напряженность, разряжавшаяся посредством актов разделов, имела свои причины в Польше, столь же мало умиротворение за её счет позволяло устранить причины кризисов. Так, первый раздел Польши в 1772 г. не привел ни к действительному ослаблению прусско-австрийских противоречий, ни, очевидно, к сдерживанию или хотя бы к ограничению русской экспансии на юг. Скорее всего, каждый акт разделов Польши давал в любом случае кратковременное искусственное ослабление остроты конфликтов.

Эта связь специально объясняет также, почему государства-захватчики, начиная с 1772 г., все чаще сталкивались с необходимостью повторения разделов, что должно было определить и ситуацию 1794–1795 гг. С 1793 г., когда "злокачественная" напряженность во взаимоотношениях между Австрией, Пруссией и Россией, являвшимися также партнерами по антифранцузской коалиции, сохранялась и далее, а свершившийся второй раздел Польши создал дополнительные потребности ревизии особого рода. Не только Австрия ввиду исключения из числа участников последнего раздела заявляла о своем праве на компенсацию в связи с усилением Пруссии, но и Россия стремилась вновь обрести контроль над соотношением сил на востоке Центральной Европы после якобы непропорциональных приобретений Пруссии в результате двух первых разделов. Интересы Пруссии заключались в том, чтобы еще раз (пока это позволяли усиливавшиеся затруднения на западе) воспользоваться своей ключевой военной ролью в антифранцузской коалиции¹⁵.

Такова причинная иерархия факторов, которые привели к третьему разделу Польши. В конце концов можно с определенной уверенностью утверждать, что предложенная классификация захватнических интересов всех держав-участниц разделов, а также готовность к интер-

венции и других стран (имеем в виду Англию) – готовность пока, правда, только потенциальная – определяли фундаментальные политические перспективы уже начиная с 1793 г.

В противоречие с изложенной концепцией очевидно вступал не только сам характер периода, когда разделы были продолжены, но и ситуация, в которой оказались трое соседей Польши – Австрия, Пруссия и Россия – на чье положение в равной степени повлияли, с одной стороны, развитие войны с Францией так же, как и вспыхнувшее восстание Т.Костюшко – с другой. Окончательно ход восстания и интервенции сыграл свою роль тогда, когда после принятия решения о разделе речь пошла об определении конкретных его частей. Единственная допустимая альтернатива развития событий предполагала либо фактически осуществленную интервенцию и раздел Польши, либо контрфактически сконструированную возможность односторонней аннексии Россией оставшейся ее части в соответствии с планами петербургского кабинета середины 1794 г.¹⁶

II

В историографии, посвященной восстанию Т.Костюшко, центральную роль постоянно играет вопрос о правильных и ложных политических решениях 1794 г.¹⁷ При этом речь идет о потенциальных шансах "революционной" дипломатии или, точнее говоря, о правдоподобном объяснении того, почему не удалось добиться единства действий восстания и революционной Франции на основе революционной политики последней вопреки державам-интервентам.

Конечно, обсуждение этой проблемы на основе марксистской дискуссии¹⁸ о революционном качестве восстания Т.Костюшко показывает, что подобная постановка вопроса является полностью ложной. То, что правительство Т.Костюшко не могло выступить в качестве революционного партнера Франции с аналогичными революционными целями, лежит на поверхности. Восставшие не начинали буржуазную революцию, и это непреложное обстоятельство нельзя было преодолеть дипломатическим путем или молча, ради внешнеполитического согласия, изменить на деле. Одним словом, в историческом понимании проблем 1794 г. нет ничего такого, что позволяло бы думать о наличии у восставших значительного уровня политического и социального радикализма, об их способности к эффективному союзу с революционной Францией.

Более серьезным представляется вопрос о потенциале революционных преобразований в самой европейской системе международных отношений 1790-х годов в целом. Наличие такого потенциала проявилось уже в парижской дискуссии о военной политике республики, в ходе которой несомненно играла свою роль перспектива новой "политики народов". И уже с началом интервенции против Франции обрел реальность и политический фронт противостоящих ей держав. По мере того как переход к экспорту революции в отношении соседних стран приобретал все больший вес во французской военной политике, все очевиднее становилось, что это уже совсем не зависело от отношения к восстанию в Польше, а если такая зависимость и имела место, то во все уменьшающемся размере¹⁹.

Невзирая на республиканскую риторику в польско-французских переговорах, тактика Франции в польском вопросе свидетельствует о продолжении прежней концептуальной традиции французской внешней политики, традиционной в двойном смысле. Во-первых, это касалось использования факторов международной политики в контексте реализации исключительно французских интересов. Так воюющая республика приветствовала относительное облегчение своего положения в результате восстания в Польше, сыгравшего роль военной диверсии, но тем не менее французская внешняя политика мало связывала выбор собственного курса с "идеологическими" категориями. Это значит, что в качестве потенциального второстепенного партнера, а Польше не подходил никакой другой специфический ранг, могли быть использованы Османская империя и Швеция, учитывалась, кажется, даже появившаяся возможность ограниченной кооперации с Пруссией на основе сепаратного Базельского мира, и этим вариантам придавался безусловный приоритет²⁰.

Во-вторых, традиционность французской внешней политики состояла в том, что она вместе с попыткой возродить и активизировать "восточный барьер" подхватила внешнеполитическую стратегию, которая в своей основе полностью сформировалась задолго до 1789 г. Она базировалась в сущности постоянно и только по видимости на выборе, который позволял создать из противостоящих как России, так и Австрии соседних государств-контрагентов Франции некую управляемую ею противодействующую систему и направлять действия этих стран в соответствии с тактическими потребностями на достижение целей Франции. Для Польши это было не только констатацией очевидной инструментальной функции, но в еще большей мере означало также

утверждение, что ей отведено место в некой союзной конструкции, реальной только на уровне идеологии²¹. Может быть, это в конце концов соответствовало отдаленности французского влияния. В то время как вопрос о шансах французско-польского взаимодействия в 1794 г., в период восстания Т.Костюшко, оставался мнимым и неразрешимым, исход конфликта в Восточной Европе едва ли мог быть изменен.

Вопреки этому возникает прямо противоположная и в определенной мере убедительная постановка вопроса о революционном характере процессов в системе международных отношений в конце XVIII – начале XIX в. Уже в современных комментариях к политике разделов трех великих держав, начиная с 1772 г., присутствует воззрение, что все происшедшее в Польше повлекло за собой беспрецедентное и поэтому революционное крушение традиционных политических принципов и представлений сообщества европейских государств. Беспрецедентным было пренебрежение теми суверенными правами и основами легитимности, которые территориальные государства "старого порядка" твердо признавали, по меньшей мере в теории, со времени Вестфальского мира²². В историографии XIX в. эта мысль была воспринята и соединена с дискуссией об универсальном воздействии Великой французской революции на исторический процесс. Не только войны революционной Франции, доказывал Альбер Сорель в своей полемике с прусской историографией, но и политика разделов трех консервативных великих держав на востоке Европы положили начало свержению старого порядка и открыли путь к фундаментальному устранению традиционных представлений о законности и праве в международных отношениях²³. Что это в действительности нечто большее, нежели просто морализаторское утверждение, обосновано прежде всего последующими исследованиями. Так, мы знаем об одной из драматических реакций, которую вызвали известия о событиях в Польше и вокруг нее, начиная с 1772 г., в малых государствах Германии. Что в случае с Польшей суверенное малое государство подвергается разделу только на основе соглашения, даже без хотя бы формального уведомления о правовой обоснованности претензий, было повсюду воспринято как прецедент также и для германской политики. Так как и здесь существовал относительный вакуум власти, по меньшей мере в военном отношении, и поскольку правовая система, стабилизовавшая этот вакуум, могла быть ликвидирована в одностороннем порядке, то, как и предполагали современники, под давлением военной силы становился возможным и вероятным раздел и германских земель²⁴. С другой стороны, и во взгляде на "стиль" полити-

ки европейских кабинетов в XVIII в. также стало еще более очевидно, что акты разделов обозначают некоторую цезуру.

Если "обмен, раздел, торг" по поводу территорий могли определять политическую практику государств "старого порядка", то эта практика проявлялась в контексте политики наследования территорий и престолонаследия, а также в политике предоставления многосторонних гарантий и мирных урегулирований, но определенно эта практика проявилась в области права и в первую очередь в действиях великих держав в Польше как на деле, так и в намерениях²⁵. Следует отметить, что осмысление событий первого и второго плана, связанных с политикой разделов, мало-помалу привело к осознанию кризиса межгосударственного порядка в Европе и в странах, непосредственно не вовлеченных в разделы²⁶, и что возникло требование интервенции для восстановления этой системы, отразившееся в конце концов самым настойчивым образом в британском проекте курса "сдерживания России", который начал определенно обозначаться в качестве долговременной доктрины, начиная со второго раздела Польши в 1793 г.²⁷

В конечном счете определенно существует некоторое взаимодействие между революцией и разделами на протяжении длительного исторического периода. Независимо от вопроса, являлись ли Конституция 3 мая 1791 г. и восстание Т.Костюшко реальной составной частью общеевропейского революционного процесса 90-х годов XVIII в., такая причинно-следственная связь возникла ввиду интервенционистской политики держав-участниц разделов самое позднее с 1794 г. Это значит, что установленное и узаконенное самими государствами-захватчиками в качестве контрреволюционной системы господство над разделенной Польшей в течение всего последующего столетия было обременено этой идеологической коннотацией. Считалось, что практически все общественные движения, направленные против неонабсолютистских порядков в Восточной Европе, должны были рассматривать "польский вопрос" XIX в. как ключевую проблему для преодоления этого порядка и продолжения дела Великой французской революции²⁸.

Оба политических аспекта проблемы, пожалуй, наиболее точно охарактеризовал К.Маркс в своих многочисленных комментариях к "польскому вопросу". С одной стороны, в польской Конституции 3 мая 1791 г., "единственной попытке освобождения, которую Восточная Европа совершила самостоятельно"²⁹, и в непосредственно связанном с ней повстанческом режиме Т.Костюшко символически выразилось то, что Восточная Европа, будучи изолирована от революционного Запада,

прошла мимо возможности революционной модернизации. Также и ко времени Январского восстания 1863 г. политическая и социальная программа, сформулированная в Польше 1790-х годов, оставалась здесь еще не осуществленной. Но с другой стороны, так как в сущности само по себе господство над разделенной Польшей служило основой стабильности порядка, установленного тремя неаабсолютистскими державами в Восточной Европе, то в той же мере на долю устремлений Польши к независимости выпала "объективно" освободительная роль³⁰.

Это значит, что малый радикализм национальных программ в Польше наряду с многократно острее процессом самих национально-политических конфликтов сыграл решающую роль в том, что польские земли были наиболее революционной частью Пруссии, Австрии и России³¹.

В свете изложенного, представляется, что, по своему историческому воздействию восстание Т.Костюшко, хоть и не имело шансов на успех, отнюдь не было бессмысленным в международно-политической ситуации 1794 г.

Примечания

¹ Об этом подробнее см.: *Serejski M.H.* Europa a rozbiory Polski. Studium historiograficzne. W-wa, 1970.

² *Topolski J.* Poglądy na rozbiory Polski // *Stosunki polsko-niemieckie w historiografii.* Poznań, 1974. T.1. S.410–515; *Michalski J.* L'aspect europeen de la question polonaise. Les réflexions des historiens étrangers sur les partages de la Pologne // *Poland at the 14th International Congresses of Historical Sciences in San Francisco.* W-wa, 1975. S.135–147; *Polen und die polnische Frage in der Geschichte der Hohenzollernmonarchie 1701–1871 // Jahrbuch für die Geschichte Mittel- und Ostdeutschlands.* 1981. Bd.30.

³ *Müller M.G.* Die Teilungen Polens. 1772–1793–1795. München, 1984; *Cegielski T., Kądziała L.* Rozbiory Polski 1772–1793–1795. W-wa, 1990.

⁴ См.: *Moritz E.* Preussen und der Kosciuszko-Aufstand. Zur preussischen Polenpolitik in der Zeit der Französischen Revolution. Berlin, 1968; *Góralski Z.* Austria a trzeci rozbiór Polski. W-wa, 1979; *Historia dyplomacji polskiej.* W-wa, 1982. T. 2; *Kocój H.* Dwusetna rocznica powstania kościuszkowskiego. W-wa, 1994.

⁵ См.: *Łojek J.* Geneza i upadek Konstytucji 3 maja. Lublin, 1986.

⁶ Русская историография представлена в первую очередь трудами: *Соловьев С.М.* История падения Польши. М., 1863; *Костомаров Н.И.* Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1866; немецкая историография: *Sybel H.* Poleens Untergang und der Revolutionskrieg // *Historische Zeitschrift.* 1870. N 23. S.66–154; ее разбор содержится также в книге: *Serejski M.H.* *Op. cit.* О прусской историографической традиции толковать политику разделов Польши, с одной стороны, как следствие собственной вины поляков в упадке шляхетской республики, а с другой – поставить ее в контекст прусских устремлений к "сдерживанию России" подробнее см.: *Müller M.G.* *Op. cit.* S.65.

⁷ См.: *Madariaga I.* Russia under Catherine the Great. L., 1982. P.377.

⁸ Наиболее подробно о дискуссиях на Гродненском сейме 1793 г. см.: *Иловайский Д.* Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870; *Lord R.H.* The Second Partition of Poland. L., 1915. P.454.

⁹ *Góralski Z.* Op. cit.; *Historia dyplomacji polskiej.* T.2. S.646.

¹⁰ См.: *Herbst St.* Z dziejów wojskowych powstania kościuszkowskiego 1794 r. W-wa, 1989.

¹¹ *Zernack K.* Das Zeitalter der Nordischen Kriege als Frühneuzeitliche Geschichtsepoche // *Zeitschrift für Historische Forschung.* 1974. N 1. S.55–79; *Idem.* Der Grosse Nordische Krieg und das europäische Staatensystem // *Zernack K.* Preussen-Deutschland-Polen. Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen. Berlin, 1911. S.261–278.

¹² *Rostworowski E.* Podbój Śląska przez Prusy a pierwszy rozbiór Polski // *Przegląd Historyczny.* 1972. N 63. S. 389–412; *Müller M. G.* Russland und der Siebenjährige Krieg // *Jahrbüher für Geschichte Osteuropas.* 1980. Bd. 28. S. 198–219.

¹³ *Sorel A.* La question d'Orient au XVIIIe siècle. Le partage de la Pologne et le traité de Kaynardji. P., 1889.

¹⁴ *Müller M.G.* Die Teilugen Polens... S.80.

¹⁵ Подробнее см.: *Sybel H.* Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1800. Frankfurt am Mein, 1882. Bd. 3; *Lord R.H.* The Third Partition of Poland // *The Slavonic and East European Review.* 1925. Vol. 3. P.483–498.

¹⁶ *Historia dyplomacji polskiej.* T.2. S.646.

¹⁷ *Bartoszewicz K.* Dzieje insurekcji kościuszkowskiej 1794 r. Berlin, [o. J.]; *Lukasiewicz W.* Targowica a powstanie kościuszkowskie. W-wa, 1953; *Kościuszko w historii i tradycji.* W-wa, 1968; *Kocoj H.* Dwusetna rocznica powstania...

¹⁸ *Próchnik A.* Demokracja kościuszkowska. W-wa, 1948; *Leśnodorski B.* Polscy jakobini. Karta z dziejów insurekcji 1794 r. W-wa, 1960.

¹⁹ См.: *Łojek J.* Francja a upadek Polski. Kraków, 1976.

²⁰ *Historia dyplomacji polskiej.* T.2. S.646; *Moritz E.* Preussen und der Kosciuszko-Aufstand...; *Real W.* Von Potsdam nach Basel. Studien zur Geschichte der Beziehungen Preussens zu den europäischen Mächten vom Regierungsantritt Friedrich Wilhelm II. Bis zum Abschluss des Friedens von Basel 1786–1795. Basel, 1958.

²¹ О традиции французской политики "восточного барьера" в Польше см.: *Lerer D.* La politique française en Pologne sous Louis XV 1733–1772. Toulouse, 1929; *Müller M.G.* Polen zwischen Preussen und Russland. Souveränitätskrise und Reformpolitik 1736–1752. Berlin, 1983; *Handbuch der Geschichte Russlands.* Stuttgart, 1987.

²² Часто цитируется в этой связи комментарий Эдмунда Бурке, помещенный в 1772 г. в "Annual Register", в котором говорится о разделе Польши как о первом шаге к ликвидации "нашей большой западной республики".

²³ См.: *Sorel A.* La question d'Orient...

²⁴ *Cegielski T.* Das alte Reich und die erste Teilung Polens 1768–1774. Stuttgart, 1988; *Cegielski T., Kądziela L.* Op. cit. S.24.

²⁵ *Aretin K.O.* Tausch, Teilung und Länderschacher als Folgen des Gleichgewichtssystems der europäischen Mächte. Die polnischen Teilungen als europäische Schicksal // *Polen und die polnische Frage in der Geschichte der Hohenzollernmonarchie...* S.53–68.

²⁶ Важные суждения об этом см. в заключительной главе книги: *Rostworowski E.* *Historia powszechna XVIII wieku.* W-wa, 1977.

²⁷ *Lord R.H.* The Second Partition of Poland. P.153.

²⁸ Проблема подробно рассмотрена в статье: *Wereszycki H.* Sprawa polska w XIX wieku // *Polska XIX wieku.* W-wa, 1977. S.124–161.

²⁹ *Marx K.* Manuskripte zur polnischen Frage 1863–1864 / Hrsg. von W. Conze und D. Hertz-Eichenrode. S'Gravenhage, 1961. S. 124.

³⁰ *Ibidem.*

³¹ Эта формулировка содержится в выступлении Ф.Энгельса в Брюсселе 22 февраля 1848 г. (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 488–494).

**Функционирование
старопольских парламентских традиций
в эпоху Княжества Варшавского
и Королевства Польского
(1807–1830 гг.)**

Обычно на сеймы Княжества Варшавского и Королевства Польского смотрят сквозь призму конституций, дарованных этим государственным образованиям, оценивая, насколько они были либеральны и в какой мере их положения оказались реализованы на практике. Подобный угол зрения типичен для историков государства и права, которые явно доминируют в изучении польского парламентаризма того времени, когда Польша была разделена между тремя соседними державами. Однако при таком взгляде из поля зрения исчезает вопрос об устойчивости старопольской политической культуры и функционировании в общественной жизни 1807–1830 гг. представлений и оценок, характерных для эпохи Речи Посполитой.

Эта проблема как раз и рассматривается в настоящей статье. Вызывает интерес вопрос о том, какие элементы государственного устройства Речи Посполитой можно обнаружить в конституциях Княжества Варшавского и Королевства Польского, в какой степени традиционная политическая культура оказывала влияние на парламентские институты этих государств, насколько довели старые критерии при оценке сейма.

Речь не идет об "инвентаризации" всех проявлений функционирования традиции; цель автора статьи – показать, в какой области традиции старопольской политической культуры оказались наиболее прочными.

Почему две эпохи – Княжества Варшавского и Королевства Польского – можно рассматривать вместе? Прежде всего, из-за близости в плане государственного устройства, а также и потому, что имела место персональная преемственность в отношении как членов правитель-

ства, так и членов обеих палат сейма. И, наконец, сама проблема функционирования парламентских традиций предполагает феномен долговременного существования.

Происходившая 19 июля 1807 г. в дрезденском замке сцена рождения конституции Княжества Варшавского описывалась многократно. Вызванные предстать перед Наполеоном члены временной варшавской власти явились на аудиенцию с конституционным проектом, составленным по образу и подобию Конституции 3 мая 1791 г. Когда Станислав Костка Потоцкий стал зачитывать этот проект, император, прервав его, заявил, что полякам нужна другая конституция, и тут же, ходя по залу, продиктовал ее основы. После почти трехдневной редакционной работы над текстом, во время которой польские политики имели возможность повлиять на формулирование отдельных положений, но не могли изменить общую концепцию государственного устройства, конституция была подписана¹.

Положения конституции в известной степени восходили к польским традициям государственного устройства, особенно что касается сейма, который, как и прежде, состоял из палаты депутатов во главе с маршалком и сената, включавшего представителей высшего духовенства, а также сановников – епископов, воевод и каштелянов. Пережитком разграничения по сословному признаку было разделение избирателей на две категории: шляхта избирала депутатов на сеймиках, а выборщики от других сословий – на гминных (общинных) собраниях. Однако за фасадом традиционной терминологии оказался скрыт чуждый польской традиции механизм работы парламента. Сильная власть монарха, централистский характер администрации, опирающейся на единоличную власть, сведение функций сейма к законотворческой деятельности, наконец, значительное ограничение свободы дискуссии в палате депутатов – все это создавало политическую систему, весьма далекую от столь любезной польской элите Конституции 3 мая.

В целом, как справедливо отметил Марьян Каляс, французский император "принял во внимание пожелания польской стороны лишь в ограниченном объеме, в тех областях, которые не имели принципиального значения для наполеоновской модели государства (парламентский строй)"².

Конституция, которую в 1815 г. даровал Королевству Польскому царь Александр I, во многом повторила установления конституции Княжества Варшавского, касавшиеся сейма, но расширила его прерогативы (в том числе определила некоторые формы парламентского контроля за

деятельностью администрации) и значительно увеличила возможности свободной дискуссии. Тем не менее сейм остался в общих рамках того государственного устройства, которое существовало в период Княжества Варшавского.

Как проявлялось в парламентской практике воздействие традиций, идущих из времен Речи Посполитой? Прежде всего они имели существенное персональное выражение, так как связывались с присутствием, главным образом в сенате, тех лиц, которые до разделов Польши являлись депутатами сеймов. Примером может служить воевода Юзеф Выбицкий – сенатор, в начале работы сейма традиционно приглашавший палату депутатов присоединиться к сенату для совместного заседания. Когда в 1820 г. он сделал это в последний раз, его парламентский стаж насчитывал 53 года: впервые как депутат он появился на сейме в 1767 г., где выступил с протестом против ареста сенаторов по приказу российского посла Н.В.Репшина. Еще более видной фигурой являлся бывший маршалек Четырехлетнего (Великого) сейма Станислав Малаховский, занимавший пост главы сената в Княжестве Варшавском. В 1807 г., обращаясь к нему, ксёндз Ян Павел Воронич говорил: "Ты один среди польских маршалков (сейма. – М.М.) будешь иметь у потомков ту особую заслугу, что под твоим жезлом, с тобой во главе родина шла к вершине славы и под тем же самым жезлом ты вновь вывел ее из могилы к новой жизни"³.

Собирательный образ воплощения традиции являли собой прежде всего бывшие депутаты Четырехлетнего сейма, деятели Патриотической партии. Они заняли доминирующее положение в общественной жизни Княжества Варшавского и сохраняли его в Королевстве Польском до 1820 г. В первом правительстве Королевства из пяти руководителей министерств четверо принадлежали к такой группе (Станислав Костка Потоцкий, Тадеуш Матушевич, Тадеуш Мостовский, Томаш Вавжецкий). Эти политики сумели использовать аргумент старых заслуг. Примером может служить Станислав Костка Потоцкий, который на сейме 1818 г., отстаивая в качестве министра проект нового закона о браке и правах супругов, начал свое выступление с воспоминаний о Четырехлетнем сейме, а к палате депутатов обращался не по регламенту, а в соответствии с давним обычаем: "Пресветлое рыцарское сословие"⁴.

Деление политиков на тех, чья деятельность началась еще в Речи Посполитой, и более молодых в значительной степени совпадало с разделом между членами сената, с одной стороны, и палаты депутатов – с

другой. На практике авторитет сената имел двоякий характер: это был авторитет высокого государственного института, а также и самих сенаторов как группы политиков, вышедших на общественную арену еще в станиславовскую эпоху и чаще всего представлявших магнатские фамилии.

Но позиция сената во времена Княжества Варшавского как раз являла пример принципиального расхождения между положениями конституции и польскими традициями. Как уступку Наполеона этим традициям следует рассматривать само создание им сената (в наполеоновской Франции сенат существовал, но его редко призывали к жизни в послушных императору государствах-сателлитах). Однако такие права, какие были предоставлены сенату Княжества, лишали этот институт какого-либо значения. Так, за сенатом признавалось право "вето" в отношении принятых палатой депутатов законов, но лишь в случае несоответствия их обязательным правовым нормам. И даже такое "вето" возможно было преодолеть: закон мог быть введен в действие по решению монарха.

В такой ситуации сенат становился местом почетного отдыха на пенсии для заслуженных людей или же, по определению публицистов левого толка, безобидным средством удовлетворить амбиции старых магнатских родов. Однако более традиционалистски настроенные элитарные группы в Княжестве не смирились с таким положением дел и сразу попытались усилить позиции сената, придав ему дополнительные функции. В кругу сенаторов возникло два проекта, и каждый из них ориентировался на те функции, какими сенат обладал до разделов Польши. Первый проект предусматривал создание института сенаторов-резидентов, которые находились бы возле монарха (т.е. в данном случае – в Дрездене) для консультаций по проблемам Польши. Согласно другому проекту, монарх должен был обращаться к сенату за советом в важных государственных делах. В этом случае можно было ориентироваться не только на старопольские образцы, но и на французскую практику того времени. Однако эта попытка превратить сенат в постоянно действующий совет при монархе не удалась, как представляется, главным образом из-за нежелания короля Фридриха Августа, являвшегося главой Княжества Варшавского, вносить какие бы то ни было изменения в конституцию⁵.

Конституция Королевства Польского явно усилила позиции сената: он получил равные с палатой депутатов права в вопросах принятия законов. Авторитет его особенно возрос в 1828 г., во время заседаний

сеймового суда, связанных с судебным процессом над Патриотическим обществом – тайной организацией, раскрытой после арестов декабристов. Согласно конституции, вопросы государственной измены подлежали юрисдикции сената, который выступал в таком случае в качестве сеймового суда. Вынесенный сенатом мягкий приговор в огромной степени способствовал росту его авторитета и создавал впечатление, что сенаторы поддерживают стремления к независимости⁶.

В связи с заседаниями сеймового суда Маврыций Мохнацкий написал известное письмо, адресованное сенаторам и являвшееся интересным свидетельством того, как смотрело на сенат поколение молодых романтиков. Мохнацкий не признавал Королевство Польское феноменом польской государственности, вообще отвергая концепцию Королевства как возрожденного польского государства. "Для людей мыслящих, – писал он, – Польша не существует". Но ведь это означает, что сенат не может иметь никакого авторитета как институт! Поэтому для Мохнацкого сенаторы – это "старцы", "избранные старейшие отцы нации", а их авторитет – авторитет старшего поколения политиков Речи Посполитой, сходящего со сцены⁷.

В истории сеймов Княжества Варшавского и Королевства Польского можно обнаружить ряд моментов, когда традиционные представления о сейме входили в конфликт с установлениями конституции.

По примеру французского парламента в Княжестве разделили процедуры обсуждения и голосования. Сначала велись дискуссии в комиссиях палаты депутатов. На пленарных заседаниях палаты право выступать имели лишь 10–20 членов комиссий и представители правительства; депутаты, не состоявшие в комиссиях, не могли участвовать в прениях. Это был радикальный отход от польской парламентской традиции и обращение к французской системе, которая предполагала проведение дискуссии по законопроектам сначала в отдельной палате парламента – трибунате, а затем, как и в Княжестве, ограничивала обсуждение рамками комиссий законодательного корпуса. Согласно оценке Владыслава Собоциньского, "чрезмерная жесткость процедуры и ограничение свободы дискуссии шли в Княжестве дальше, чем в других наполеоновских конституциях ... Несмотря на это политическая жизнь Княжества была относительно богатой, проявляясь скорее в формах внеконституционных, но в общем явных"⁸.

Проявлением такой спонтанной внеконституционной попытки вернуться к старым формам и реакцией на ограничение дискуссии были неформальные заседания палаты депутатов, организованные уже во вре-

мя первого сейма в 1809 г. На них дискутировали, при полной свободе выступлений, о положении страны и политике правительства. В 1811 г. собрания проходили уже в зале заседаний нижней палаты. Они начинались сразу же после закрытия официального заседания. На этот раз результатом собраний был ряд петиций в связи с ситуацией в стране. После некоторого времени раздумий и колебаний (кое-кто из членов правительства предлагал даже разогнать неформальные заседания силой) король Фридрих Август решился принять петиции, тем самым как бы санкционировав проведение таких собраний⁹.

Проблема "немногого сейма" была характерной для Княжества Варшавского; в Королевстве Польском положение решительно улучшилось, так как конституция обеспечила всем членам палаты депутатов свободное участие в прениях. Однако и в дальнейшем вопрос о свободе высказываний оставался весьма болезненным, и всякие попытки, особенно со стороны руководства палаты, ограничить эту свободу вызвали острые споры.

Как для Княжества Варшавского, так и для Королевства Польского общей проблемой был вопрос о положении возглавлявшего палату депутатов маршалка. Вопреки старому польскому принципу выборности он назначался монархом и наделялся очень большими полномочиями. Положение его по отношению к палате было неясным – он являлся одновременно и ее представителем перед властями, и королевским комиссаром в палате. Ее члены постоянно оказывали давление на маршалка, добиваясь, чтобы он, осуществляя свои функции, руководствовался старопольскими образцами, и резко реагировали на каждый случай принятия им решений под влиянием властей. Эта проблема стала особенно острой в эпоху Королевства Польского, так как в Княжестве обязанности главы палаты выполняли известные, обладавшие большим авторитетом политики Томаш Островский, Станислав Солтык и Адам Казимеж Чарторыский, в Королевстве же эти функции оказались доверены чиновникам преимущественно среднего ранга¹⁰.

Еще одной особенностью заседаний палаты депутатов, свидетельствовавшей о влиянии старопольской модели парламентской жизни, было присутствие на них публики, которую по давнему обычаю именовали "арбитрами". Несмотря на усилия маршалков, "арбитры" принимали живое участие в заседаниях. В 1825 г. Александр I ввел дополнение к конституции Королевства Польского, предусматривавшее проведение закрытых заседаний. На двух последних сеймах Королевства в 1825 и

1830 г. этот вопрос стал объектом яростной борьбы со стороны оппозиции, требовавшей вернуться к практике публичных заседаний¹¹.

Существование рядом друг с другом двух плоскостей проявления традиции – той, где эту традицию олицетворяли политики погибшей Речи Посполитой, и той, что была связана с традиционными представлениями о деятельности сейма, – вовсе не было бесконфликтным. Деятели Четырехлетнего сейма пережили длительную идейную эволюцию, в результате которой многие из них без труда приняли наполеоновскую модель сильной централизованной власти. В их среде все заметнее проступала также тенденция рассматривать проявление парламентской оппозиционности как возрождение былой анархии.

Примером может служить спор, возникший во время работы сейма 1809 г. Когда в ходе горячих дебатов лидер консервативной оппозиции Юзеф Годлевский выступил с резкими нападениями на правительство, отповесть ему дал бывший депутат Четырехлетнего сейма, член Государственного совета Александр Линовский. В резких выражениях упрекнув Годлевского за недооценку работы правительства, он сказал, что молодой депутат был еще ребенком (по другой записи, "был еще в пеленках"), когда члены Государственного совета уже служили обществу. Это вызвало бурю в палате. Король Фридрих Август, хорошо знавший о последствиях таких инцидентов по собственной семейной традиции, испугался и вынужден был сделать выговор Линовскому. Только тогда члены палаты позволили возобновить заседание¹².

Самым ярким примером обращения к старопольским парламентским традициям было создание Генеральной конфедерации на сейме 1812 г. Являясь элементом подготовки к войне 1812 г., этот шаг был рассчитан на то, чтобы мобилизовать страну, а особенно Литву, на вооруженное выступление. Сам созыв конфедерации прекрасно иллюстрирует отношение Наполеона к польским традициям государственного устройства. Император Франции шокировал политиков Княжества Варшавского своими представлениями о Польше, почерпнутыми из книги Рулье "Об анархии в Польше". Но его склонность интерпретировать положение в этой стране в категориях былой анархии имела и иную сторону: в переломных ситуациях проявлялось привычное стремление Наполеона адресоваться к таким институтам, которые казались польской просвещенной элите окончательно выброшенными на свалку истории. Так было с дважды созывавшимся всеобщим ополчением (посполитым рушением). Наиболее ярким примером как раз и являлось создание Генеральной конфедерации.

Оно произошло на краткой сессии сейма, от начала до конца срежиссированной, – выбрали совет конфедерации и его главу в лице престарелого князя Адама Казимежа Чарторыского. В принятом акте конфедерации говорилось, что "Королевство Польское вернулось к жизни и польская нация вновь стала единым целым". Затем власти, несмотря на протесты членов палаты депутатов, закрыли заседание сейма. Ни к чему не привели просьбы парламентариев обсудить содержание акта конфедерации и состав ее совета на форуме сейма. Впрочем, и совет конфедерации был декоративным органом, занимавшимся главным образом тем, что принимал заявления сеймиков и отдельных лиц о присоединении к конфедерации. Создание конфедерации представляет собой любопытный пример ситуации, когда обращение к институтам Речи Посполитой послужило ограничению свободы дискуссии и прерогатив сейма¹³.

Можно указать еще одну область, где старая политическая культура проявляла большую живучесть, а именно, деятельность сеймиков. Вопрос этот практически не исследован, в частности, из-за отсутствия основных документальных источников (они погибли во время второй мировой войны). Из отрывочных сведений известно, что в значительной мере сохранился свойственный сеймикам обычай приобретать сторонников при помощи пиров и заздравных речей, что большую роль продолжали играть старинные связи и соперничество семейных кланов. Характерно, что вожди либеральной оппозиции братья Немоёвские, которых считали слепыми подражателями французских либералов, во время избирательной кампании также обращались к традиционным польским образцам. Чтобы добиться избрания, и они были вынуждены задавать пиры, объезжать шляхетские имения в целом повете и ссылаться на заслуги своих предков¹⁴.

Влияние традиций, идущих от Речи Посполитой, проявлялось и в сфере символики. Этот вопрос находит интересное отражение в дневниках и письмах секретаря сената Юльяна Урсына Немцевича, относящихся ко времени Королевства Польского. Историк и издатель старых хроник скрупулезно регистрировал каждый факт продолжения традиций или отступления от традиционной формы. Его волновало даже такое обстоятельство, что царь Александр I при открытии сейма произнес речь стоя, а не сидя на троне согласно традиции. По мнению Немцевича, внешнее оформление должно было подчеркивать достоинство и богатую историю сейма. Глядя критическим оком на обновленный зал заседаний сената, он отмечал в 1868 г.: "Сделали деревянные

колонны и галереи, побелили, покрыли позолотой ... создали новый веселый бальный зал, но какая разница с тем залом, где когда-то давно кармазинное сукно, покрывавшее скамьи и балконы, и эти тяжелые сенаторские кресла напоминали о нашей великолепной старине".

От Немцевича исходило и предложение ввести специальную одежду для депутатов и сенаторов, сшитую по образцу старого польского костюма, который в это время уже редко можно было видеть в Варшаве. В записке, представленной на имя наместника Юзефа Заёнчика в 1816 г., он писал, что после того как отказались от старой польской одежды, "вместе с нынешней чужеземной, может, и удобной, но мерзкой для глаза, исчезли важность и достоинство. Кого же не поразит болью вид заседающих в судебном трибунале судей, наверняка уважаемых за свой нрав и ученость, но сидящих зачастую в потертых сюртуках и фрачишках, без оружия, мало чем отличающихся от окружающей их толпы ... Что уж говорить о других более важных национальных собраниях?" Немцевичу не удалось, однако, провести предложенную реформу костюма, а утвержденная в конце концов форма одежды членов сената точно копировала мундиры российских сенаторов¹⁵.

Как расценить эту упорную озабоченность Немцевича внешним оформлением? Конечно, можно считать ее чудачеством, проявлением старческого консерватизма, но мы бы не согласились с таким толкованием. Тип чувствительности к традициям, который проявлялся у Немцевича, связан с характерным для эпохи Реставрации возвратом к внешней стороне *ancien régime*. Подобные примеры можно было бы отыскать и во Франции того времени, только в Королевстве Польском такие обращения к прошлому в своей основе имели оппозиционный характер. Акцентирование связи с польскими парламентскими традициями противоречило концепции, согласно которой государственное устройство Королевства Польского выводилось из октроированной конституции. Это была попытка наделить сейм самостоятельным авторитетом, исходящим из традиции, а не из конституционных норм, попытка придать ему законность в противовес той легитимности, какую давали положения конституции.

* *Ancient régime* (франц.) – старый режим. Этим термином обозначалась предшествовавшая Великой французской революции эпоха правления Бурбонов во Франции. Реставрация этой династии на французском престоле в 1815 г. знаменовала возвращение "старого режима", его реставрацию и в более широком, европейском, смысле (Ред.).

Ссылку на польские парламентские традиции, которые, как известно, были традициями республиканизма, не слишком легко было согласовать с системой сильной королевской власти. Характерно, что представители властей, говоря в сейме о непрерывности монархической линии в Польше, преимущественно употребляли формулировку "трон Пястов"¹⁶, т.е. адресовались к традициям сильной и наследственной монархии. Традиции же выборной королевской власти имели и в Княжестве Варшавском, и в Королевстве Польском скорее оппозиционное звучание.

Поэтому рассуждения Немцевича, на первый взгляд касающиеся, казалось бы, пустяковых вопросов, в действительности относятся к проблеме, имеющей принципиальное значение для данной темы, а именно к спору об источнике авторитета и легитимности сейма, о том, следует ли видеть в нем воскрешенный в новой форме старый польский сейм или это совершенно новый институт, созданный на основе установленных обеих конституций.

При постановке этого вопроса нужно помнить о следующем. В течение всего рассматриваемого периода имело место широко распространенное убеждение, будто территориальные очертания Польского государства носят временный характер. Оно было всеобщим во времена Княжества, несмотря на Тильзитский договор, дававший России гарантию, что полного восстановления Польского государства не произойдет. Институт сейма рассматривали как залог и обещание будущего расширения рамок государственности. Анализируя в 1808 г. конституцию Княжества Варшавского, Гуго Коллонтай обращал внимание читателя на то, что "эта маленькая страна получила такую конституцию, какая в новом политическом раскладе соответствует лишь великим державам. Вестфальское и Баварское королевства в Германии, Неаполитанское королевство в Италии не имеют сената, а Княжество Варшавское, не сравнимое с ними по своей мощи, получило от своего законодателя сенат, так же как Испанское и Итальянское королевства"¹⁷. По мнению современников, осуществление замыслов Наполеона относительно Польши должно было зависеть, в частности, и от того, как проявится польский национальный характер в работе сейма.

В Королевстве Польском надежда на изменение границ путем вооруженной борьбы уступила место другой надежде, связанной с многократно повторявшимися обещаниями Александра I присоединить к Королевству так называемые забранные земли. Ожидалось, что о факте этого, согласно тогдашней терминологии, "внутреннего расширения"

царь объявит на заседании сейма. И опять-таки господствовало убеждение, поддерживавшееся правительством и самим императором, что от хода работы очередных сеймов будет зависеть исполнение обещаний Александра I. После бурных заседаний сейма 1820 г. царь заявил членам обеих палат, что в результате их поведения расширение территории Королевства Польского должно быть отложено. В 1825 г., на следующем сейме, который проходил относительно спокойно, царь вернулся к своим обещаниям.

Император Николай I практически отошел от этих обещаний, но как раз во время его царствования происходили заседания сеймового суда. Как уже упоминалось, приговор суда был воспринят всеми как одобрение стремлений к независимости, выраженное старшим поколением.

Таким образом в течение всего анализируемого периода деятельность сейма интерпретировалась в контексте признания Польши в прежних границах и стремления восстановить целостность ее территории. Это должно было оказать сильное воздействие, способствуя тому, чтобы фундаментом авторитета парламентских институтов стали традиции, а не конституционные нормы, отражавшие совсем иную территориальную ситуацию.

Когда в ноябре 1830 г. вспыхнуло восстание, оказалось, что сейм – единственный институт, имеющий достаточно авторитета, чтобы сформировать повстанческую власть. Доказательством большой прочности традиционных представлений о сейме является тот факт, что повстанческий сейм 1830–1831 гг. самопроизвольно вернулся к традиционным формам работы и, что более важно, к традиционной сильной позиции в системе власти.

Примечания

¹ *Kallas M. Ustawa Konstytucyjna Księstwa Warszawskiego z 1807 r. // Konstytucje Polskie. W-wa, 1900. T.I. S.110–111.*

² *Ibid. S.112.*

³ *Woronicz J.P. Kazanie przy uroczystym poświęceniu orłów i chorągwi polskich wojsku narodowemu nadanych // Woronicz J.P. Pisma wybrane. W-wa, 1993. S.409.*

⁴ *Diariusz sejmu Królestwa Polskiego 1818. W-wa, 1818. T.I. S.165–167.*

⁵ *Kallas M. Op. cit. S.133.*

⁶ Подробнее см.: *Dylągowa H. Towarzystwo Patriotyczne i Sąd Sejmowy 1821–1829. W-wa, 1970.*

⁷ *Mochnacki M. Głos obywatela z Poznańskiego do senatu Królestwa Polskiego z okazji Sądu Sejmowego // Mochnacki M. Pisma wybrane. W-wa, 1957. S.223–231.*

⁸ Sobociński W. Historia ustroju i prawa Księstwa Warszawskiego. Toruń, 1964. S.124.

⁹ Kallas M. Op. cit. S.136.

¹⁰ Подробнее см.: Mycielski M. Między izbą a cesarzem. Marszałkowie izby poselskiej w Królestwie Polskim // Przegląd Historyczny. 1993. Z.2. S.135–150.

¹¹ Ibidem.

¹² Niemcewicz J.U. Pamiętniki 1811–1820. Poznań, 1871. T.I. S.9–11; Diariusze sejmów Księstwa Warszawskiego. W-wa, 1913. Z.1. S.38–40; Willaume J. Fryderyk August jako książę warszawski (1807–1815). Poznań, 1939. S.143–146.

¹³ Kallas M. Sejmy na zamku w czasach Księstwa Warszawskiego (1809, 1811, 1812). W-wa, 1987. S.56–58; Willaume J. Op. cit. S.287–289; Grochulska B. Księstwo Warszawskie. W-wa, 1966. S.190–192.

¹⁴ Подробнее см. статью (Mycielski M. Roboty sejmikowe Prota Lelewela), подготовленную к публикации в варшавском журнале "Mówią wieki" ("Говорят века"). Ср. также: Wickowska H. Opozycja liberalna w Królestwie Kongresowym 1815–1830. W-wa, 1925.

¹⁵ Mycielski M. "Wszystko u nas spodlonem i zbezconionem być musi". Julian Ursyn Niemcewicz a sejmowe dekorum w dobie Królestwa Polskiego // Mówią wieki. 1993. N 12. S.38–41.

¹⁶ См. например: Diariusz sejmu Królestwa Polskiego 1818. T.I. S.8.

¹⁷ Kollątaj H. Uwagi nad terazniejszym położeniem tej części ziemi polskiej, którą od pokoju tylickiego zaczęto zwać Księstwem Warszawskim. Lipsk, 1808. S.69.

**Шляхетская демократия эпохи Просвещения:
национальная ментальность,
культурно-государственная традиция
и историческая необходимость**

Постижение судеб любого народа увязывается с универсальными "историческими закономерностями". Различные же истолкования прошлого как историками минувших поколений, так и современными порождают вопрос: а существуют ли эти "исторические закономерности"? Не является ли эта принимаемая в качестве объективной категория плодом субъективных историософских спекуляций либо порождением идеологических установок? А если нечто квалифицируемое как "историческая закономерность" и существует, то можно ли ее свести к общему знаменателю провиденциализма или классовости, экономической целесообразности или духовной потребности и т.д.? Увязывание конкретных событий с тем или иным из этих факторов оставляет чувство неудовлетворенности, которая порождается ощущением интерпретационной неполноты, ограниченности картины, обрубленности объекта исследования. Намертво связывая многогранную – материальную, интеллектуальную, наконец, психологическую реальность с однозначностью той или иной жесткой причинно-следственной трактовки, историк уподобляет историю судьбе путника, идущего из Мегары в Афины до и после встречи с Прокрустом.

Национальное прошлое – равнодействующая разных факторов, и проблема состоит в том, чтобы выяснить их состав и уяснить характер их взаимосочетания и взаимодействия – т.е. попытаться увидеть, раскрыть и понять системность истории. Каждая составляющая системы в силу закономерностей обратной связи отражает ее специфику и обуславливает ее функционирование – т.е. бытование в конкретной реальности конкретного времени. В этой связи национальный менталитет предстает как одно из тех узловых понятий, в котором – пользуясь расхожей метафорой – словно в капле отражается весь мир народа.

Польская ментальность отразилась в феномене шляхетской демократии, воплотившей не только национальную систему правления, но и особое мировоззрение, специфический тип культуры, характер общения, манеру поведения, моду и вкусы – все, что выделяло поляков среди других народов.

Политическое господство шляхты, складываясь с середины XV в. в атмосфере нарастающих веяний Ренессанса, обусловило в ближайшей исторической перспективе преобладание сословно-демократических принципов над монархическими. В Польше тогда существовал полицентризм общественно-политической жизни со всеми признаками плюралистического характера в конфессиональной, правовой, культурной и художественной областях. Известны высокие оценки ранней шляхетской демократии таких видных мыслителей Ренессанса, как Макиавелли и Эразм Роттердамский¹. В эпоху Просвещения республиканскими порядками Речи Посполитой восхищались Ж.Ж.Руссо и Г.Б. де Маблю.

При всех своих достоинствах шляхетская демократия имела минусы, не замеченные западноевропейскими мыслителями: она открывала путь децентрализаторским, партикулярным по своей сути силам, которые возглавлялись сменявшими друг друга магнатскими группировками. Ведущая роль магнатов постепенно нарастает с конца XVI в., что повлекло за собой ослабление польско-литовского государства, в то время как мощь соседних абсолютистских держав неизменно возрастала благодаря централизаторской системе правления, способной действовать более целенаправленно, и оперативно.

Ярким примером сословно-демократических свобод в Польше XVI в. стали инициированные Варшавской конфедерацией на сейме 1573 г. постановления, утверждавшие принципы свободы совести и веротерпимости. Это предотвратило здесь кровопролитные религиозные войны, которые охватили Западную Европу. В отличие же от кратковременных законов о веротерпимости, изданных там из чисто тактических соображений лавировавшими в политике западноевропейскими монархами, постановления Варшавской конфедерации были плодом массовых усилий целого сословия – шляхты, свидетельствуя о высоком уровне ренессансного гражданственного мышления как среди польских поборников Реформации, так и польских сторонников католичества. Позднее – в XVII в. – контрреформация в польско-литовском государстве взяла верх не в братоубийственной войне, а путем переубеждения и использования законных форм борьбы. Это было следствием тех порядков, настроения умов и самой атмосферы культурно-общественной

жизни, которые создались в стране благодаря решениям Варшавской конфедерации. Отсюда берет свое начало свобода политических собраний и свобода слова в Речи Посполитой, о чем в связи с обращением к традициям национального Возрождения писали публицисты польского Просвещения, а позднее и политические деятели эпохи романтизма. Эти свободы, формируя склад ума и тип мышления политически активной шляхты, стали со временем важной составной частью *общенациональной культуры и общенациональной ментальности*.

Гарантированные законодательством и предопределяющие саму систему правления сословной республики гражданские права шляхты, которые одновременно ограничивали власть короля и церкви, были – наряду с установившимися навыками внутривнутриполитической жизни и взаимосвязанной с этим сословной ментальности – могучей сдерживающей силой. Она-то и не позволяла безнаказанно поднять руку на личность – на каждого и любого шляхтича (от безземельного служака до магната), предотвращая тем самым и массовые репрессии и покушения на монархов (польский престол ни разу не был обогретен кровью). В то же время сословно-республиканские порядки имели обратную – темную – сторону, обращенную к большей части населения. Крепостничество проявлялось здесь в классических формах со всеми последствиями гуманитарного и хозяйственно-экономического свойства; лишив же к концу XVI в. городское сословие значительной части прав, шляхта надолго затормозила развитие ремесел.

На протяжении XVII и первых десятилетий XVIII в. постоянно нарастала, усиливалась и пагубно сказывалась как на внутренней, так и внешней ситуации Речи Посполитой роль магнатской олигархии, которая использовала демократические институты в собственных целях. В результате государство все больше и больше превращалось в своего рода конгломерат феодальных провинций. Ослабленное многочисленными войнами, раздираемое внутренними противоречиями и экономическими трудностями польско-литовское государство к началу XVIII в. утратило статус могущественной европейской державы. Все это в "саксонские времена" (1694–1763 гг.) способствовало бесцеремонному вмешательству в дела Речи Посполитой внешних сил, к которым обращались за помощью враждовавшие внутри страны группировки. Гордившаяся своим сословным демократизмом и историческими традициями республика стала подвергаться унижительным ограничениям и испытывать существенные ущемления своих прав как во внутренних делах, так и на внешнеполитической арене со стороны соседей – стремительно

выросших новых абсолютистских колоссов – Пруссии и России, которые вместе со старавшейся идти в ногу со временем австрийской монархией (реформы Марии Терезии и Иосифа II) перекраивали в своем соседстве карту Европы и устанавливали в ней новое соотношение сил.

Упадок, унижения, хозяйственно-экономические трудности способствовали пересмотру традиционных взглядов на устройство шляхетской республики со стороны наиболее образованной части правящего сословия. Новые идеи прокладывали путь в условиях существовавшей шляхетской демократии – в открытом обмене мнениями и в открытой политической борьбе (отражавшейся в прессе, публицистике и художественной литературе), легально развертывавшейся в масштабах всей страны и проводившейся в таких институтах парламентского типа, как провинциальные сеймики и общегосударственный сейм. Пути развития новых идей и характер их распространения объективно продемонстрировали жизнеспособность сословно-демократических принципов и связанные с этим возможности реформирования системы правления Речи Посполитой.

Качественное обновление идей демократии и ее институтов осуществлялось в "Век разума" на основе собственных традиций шляхетской вольности (ставших неотъемлемой частью национального менталитета правящего сословия) и современных идей западного Просвещения, адаптируемых и трансформируемых применительно к местным условиям. Наличие давних традиций шляхетского демократического мышления, демократических прав и институтов делали этот процесс органичным, а по своему характеру – эволюционным. Именно поэтому столь легко и естественно республиканские концепции Руссо и Мабли² усваивались в Польше как реформаторами, так и традиционалистами. С тем, что первые интерпретировали эти концепции в духе новой – межсословной, а вторые – старой, узкосословной демократии³.

Примером просветительского использования концепции "Общественного договора" Руссо может служить реинтерпретация сарматского мифа С.Сташицем. Давняя теория нашествия, согласно которой воинственное племя сарматов, покорив местные племена, создало польское государство, в котором завоеватели стали шляхтой, а завоеванные холопами, теперь обретала иное освещение – в духе нового времени. Более состоятельные члены общества нарушили первоначальные "естественные права", скрепленные "общественным договором", и захватили власть. Так после периода всеобщего равенства возник новый тип общества и государства. При этом – знаменательная для преобладающего в

Польше типа мышления черта: Сташиц, подобно традиционалистам, резко отрицательно относился к абсолютизму как типу правления, не совместимому ни с польской историей, ни с идеями демократии.

Идеи просвещенного республиканства обрели развитие в трактате "О возобновлении давнего правления в соответствии с изначальными законами Речи Посполитой", который увидел свет на польском и французском языках в 1775 г. Его автор – граф Михал Вельгорский, видный деятель оппозиции реформам (1764–1766 гг.) Чарторыхских, дипломатический представитель руководства Барской конфедерации в Париже, масон. Этот труд возник еще во времена Барской конфедерации. Опубликованный после первого раздела Польши, он был и предостережением, и новаторским предложением усовершенствования республиканской системы в духе концепции Ж.Ж.Руссо и Г.Б. де Мабли (близких знакомых автора). Мысливший рационалистическими категориями Просвещения, Вельгорский представлял себе историю в развитии. Республиканские свободы были, по его мнению, следствием особой роли шляхты в общественной жизни страны. Шляхта выбирала королей, и короли вынуждены были считаться со шляхтой. В отличие от поборников монархической концепции Вельгорский полагал, что все, даже благодеяния сильных монархов, были не их собственной заслугой, а результатом специфического для страны соотношения сил, т.е. в конечном итоге исходило от "шляхетского народа". Причины упадка он усматривал не в сути республиканской системы, а в ее извращении самой же шляхтой: "...С тех пор как наша законодательная сила на сеймах бездействует, а сенат и исполнительная власть лишены уважения, мы остаемся совсем без правления; поэтому мы не должны видеть в свободном правлении источник несчастий. Им является анархия, которая заняла место оно-го..." Однако отнюдь не в монархизме видел Вельгорский панацею от зла: "Мы до сих пор распущенность принимали за свободу, так неужели ж ныне неволю (т.е. абсолютизм. – А.Л.) будем считать порядком?"⁴. В отличие от традиционалистов⁵, отстаивавших неизменность давней системы, Вельгорский предлагал ее реформирование, продиктованное потребностями нового времени и изменившимися историческими обстоятельствами. Он постулировал отмену либо ограничение *liberum veto*, изменение порядка выборов королей (дабы предотвратить использование этого в качестве повода для вмешательства извне во внутрипольские дела), установление сенатского контроля над практически неограниченной властью министров.

Эта концепция просвещенного республиканизма, близкая в некоторых своих критических аспектах и связанных с ними реформаторских предложениях идеологии возникшего в окружении Станислава Августа просвещенного монархизма, в то же время в своих положениях – в позитивной части программы – была оппозиционна ей, сыграв видную роль в общественно-политической жизни Польши второй половины XVIII в.

Крупнейшим памятником монархической концепции истории и связанных с ней идей просвещенного абсолютизма является "История польского народа" А.Нарушевича. Согласно его выводам, республиканская система, рассматривавшаяся традиционалистами как свойственная Польскому государству испокон веков, была варварской и примитивной формой, проявляющейся и у других народов в начальном периоде их истории. Затем она уступила место более совершенной форме – монархии, будучи не в состоянии обеспечить самосохранение поляков перед угрозой со стороны франков (тезис, зазвучавший в XVIII в. весьма актуально). Польша времен правления династии Пястов (до 1370 г.) как европейское государство была, по мнению Нарушевича, сильной абсолютистской монархией, где действовал принцип престолонаследия. Начало постепенного процесса разрушения этой якобы абсолютистской системы Нарушевич видел в завещании Болеслава III Кривоoustого (1086–1138), который разделил владения между четырьмя сыновьями, а окончательное ее крушение произошло при Людовике I Венгерском (1326–1382), когда шляхта добилась Кошицкого привилея (1374 г.).

Критикуя республиканскую систему, Нарушевич осуждал тех, кто противостоит лагерю просветительских реформ, представленному королевской партией.

Концепция Нарушевича продолжала ту линию монархического мышления, которая начиналась во времена Ренессанса ("Каллимаховы советы"), однако не проявилась сколько-нибудь заметно при Стефане Батории и возродилась в "саксонские времена" (безуспешные попытки Августа II Сильного и партии Чарторьских).

Борьба между сторонниками республиканской и монархической системы завершилась в начале 80-х годов XVIII в. тактическим союзом поборников традиционалистской (С.Жевуский, С.Щ.Потоцкий, Ф.К.Браницкий и др.) и просветительской концепций республиканского правления ("фамилия" во главе с А.К.Чарторьским, Станислав и Игнаций Потоцкие)⁶. Первые стремились к полному уничтожению монархических элементов в республиканской системе правления, с тем чтобы

заменить их властью магнатской олигархии⁷. Вторые – к упорядочению существующих органов власти, насыщению просветительских по духу административных институтов национальным содержанием, к усилению армии и созданию в дальнейшем польского варианта современной английской системы правления. Все это в процессе подготовки и проведения Четырехлетнего сейма (1788–1792 гг.) неизбежно привело к распаду коалиции, составные части которой были связаны с разными системами мировосприятия, разными концепциями республиканизма и разными планами "исправления Речи Посполитой", обусловленными разными типами политического мышления.

Наряду с этими центробежными силами действовали и силы центростремительные, что привело, с одной стороны, к созданию (уже в начале деятельности Четырехлетнего сейма) Патриотической партии, объединившей "фамилию" и сторонников радикального реформирования общественно-политической системы Речи Посполитой (лидеры – А.К. Чарторыйский, братья Игнаций и Станислав Потоцкие, С. Малаховский, Г. Коллонтай), а с другой – гетманской партии, сосредоточившей все консервативно-традиционалистские силы, которые, потерпев поражение в сейме, создали затем Тарговицкую конфедерацию (лидеры – С.Щ. Потоцкий, С. Жевуский, Ф.К. Браницкий, братья Юзеф и Шимон Коссаковские).

В ходе Четырехлетнего сейма был достигнут компромисс между двумя политическими течениями среди сторонников просветительских перемен – просветительским республиканизмом и просветительским монархизмом, Патриотической и королевской партиями. Результатом этого альянса явилась Конституция 3 мая 1791 г. – крупнейшее свершение польского Просвещения, связанное с модернизацией государственной системы, укреплением экономики, распространением некоторых демократических свобод на третье сословие, улучшением положения крестьян, упрочением национальной независимости и усилением эффективности роли и самой деятельности правительства в жизни общества. Причем авторы Конституции (Станислав Август Понятовский, И.Потоцкий, Г. Коллонтай) и ее сторонники рассматривали свою победу не как завершение, а видели в ней лишь начало пути к дальнейшему постепенному развитию общенациональной демократии и укреплению родины⁸.

В общественно-политической жизни страны начался качественно новый этап, связанный с практическим осуществлением государственно-правовых замыслов просветителей и с нарастанием радикальных

тенденций в социально-историческом мышлении. Важными вехами развития национальных идей демократии в результате их насыщения современной просветительской философией Запада явились в сфере практики Конституция 3 мая 1791 г. и законодательные акты Национального правительства периода восстания Костюшко (1794 г.), а в сфере духовной жизни – такая концепция нации, которая включала в себя все сословия. Впервые она была сформулирована С.Сташицем в работе "Заметки о жизни Яна Замойского" (1787), а затем получила развитие в трудах публицистов так называемой Коллонтаевской кузницы – радикалов и якобинцев. Причем в публицистике "вулкана громов Коллонтаевской кузницы" Ф.С.Езерского крестьянство уже рассматривается не только как органичная, но и важнейшая часть нации, определяющая ее суть. Именно в среде, связанной с Коллонтаем, возникла буржуазная реинтерпретация национальной истории и буржуазно-демократическая программа реформ, постулировавшая раскрепощение основной части нации, юридическое равенство всех сословий и преобразование системы правления в духе буржуазной республики, где наследственная королевская власть была аналогична президентской.

Насыщение традиционных понятий шляхетской демократии новой – общенациональной по духу и межсословной по социальному охвату – демократической сущностью обусловило не только качественные изменения в системе мировоззрения, типе культуры и менталитете шляхты, но и – в результате общественно-экономических реформ и законодательных нововведений – развитие самосознания, экономической и общекультурной эмансипации третьего сословия, а с 90-х годов XVIII – начала XIX в. (восстание Костюшко, легионы Домбровского, Конституция Княжества Варшавского с включенным в нее Кодексом Наполеона) – также и крестьянства (по крайней мере, его части). С другой стороны, система мировосприятия и культуры, свойственная периоду буржуазных отношений, далеко опережая эти последние в экономически отсталой Речи Посполитой, в то же время эмансипировала и саму шляхту, освобождая ее от пут давних предрассудков и ограничений.

Все это отразилось в республиканских и монархических интерпретациях национальной истории, равно как и в столкновении сторонников республиканизма и монархизма в политико-государственном реформировании страны.

Спор поборников монархических и республиканских идей в условиях Речи Посполитой второй половины XVIII в. имел не только историографический, но и практический аспект: упорядочение системы

правления в целях укрепления государственности, оказавшейся под угрозой как изнутри, так и извне.

Могла ли спасти Польшу более предпочтительная с точки зрения мобилизации усилий и принятия политических решений просвещенная монархия взамен переживавшей кризис шляхетской республики? Внешнеполитический курс соседних государств склоняет к выводу, что в любом случае Речь Посполитая была обречена.

После 1795 г. значительная часть поляков, лишенных Польши, оказалась в границах России. Бытие нации оказалось включенным в систему координат иного типа государств. Условия и условности, создаваемые самими поляками, сменились условиями и условностями, создаваемыми помимо них для них.

Обрело ли политическое искусство расширять территорию Российской империи⁹ свое продолжение в искусстве использовать завоеванное? Пришла ли на смену суворовской военной "науке побеждать" столь же результативная "наука управлять"? Последовавшая после ликвидации польской государственности почти непрерывная череда конспиративных движений, революционных брожений и национальных восстаний дает однозначный ответ.

Военные победы, силовые нажимы и бесцеремонное вмешательство во внутреннюю жизнь Речи Посполитой – то, что со времен Петра I приносило мгновенные результаты, – выработало убеждение, что такого рода действия и приемы будут результативны также и в совершенно иной сфере – в системе управления захваченными польскими территориями и подчинения поляков совершенно иному типу государственности. Главный и живучий (ибо существовал вплоть до первой мировой войны, а затем и во времена "реального социализма") просчет заключался в том, что не учитывался менталитет поляков. Их можно было победить в войне, но невозможно покорить. Они не поддавались нажиму не только духовно, но и характерологически. Насилие не подавляло, а распяло их духовное упорство и провоцировало их физическое сопротивление. Поляков нельзя было интегрировать в другой круг культуры, ассимилировать идейно, а тем более – конфессионально, ибо за ними стояла не только богатая история самостоятельного и притом великодержавного существования их государства в геополитическом пространстве Европы, не только особая и общепризнанная его роль форпоста Запада и одновременно восточного авангарда католической церкви и латинской культуры, но и особая, собственными усилиями созданная, а затем (в соответствии с закономерностями обратной связи)

воспроизводящая, питающая и развивающая нацию, ее самосознание и ментальность система шляхетской демократии. При всех ее плюсах и минусах она являла собой такой феномен государственного устройства и стиля правления, где национальная гордость сословной общности была неразрывно связана с индивидуальным чувством собственного достоинства.

Шляхта, создавшая притягательный (уже с XVI в.) также и для других социальных слоев тип национальной культуры, была нетерпима к любому нажиму со стороны своей государственной власти. Какой же эмоциональный, нравственный и социальный протест вызывало у нее посягательство на шляхетский кодекс чести, убеждения и сам неотрывный от них образ жизни со стороны чужой и по духу чуждой власти государства, уничтожившего Речь Посполитую?!

Дифференцированная и в перспективе времени результативная политика России в отношении народов империи, принадлежащих к разным кругам культуры, оказывалась – как это ни парадоксально на первый взгляд – нерезультативной в отношении славян – поляков и украинцев. Этническое родство как бы провоцировало нивелирование (естественно, разное, в разной степени и в разных плоскостях реализуемое по отношению к православной и униатской Украине и католической Польше). Политическая и психологическая нетерпимость к национальной самобытности выростала из этнической близости. В случае поляков и русских – это общие славянские корни, историческое соседство, экономические, культурные и матримониальные связи со времен Древней Руси и Польши Пястов, с одной стороны, и разный исторический выбор – с другой: Византия и Рим, православная соборность и католический персонализм, абсолютизм и республиканство, древнерусское благочестие и древнепольская секулярность. Все это предопределило формирование разных менталитетов, обусловленных принадлежностью к разным кругам культуры, разным типам конфессий и разным системам государственного устройства. Эта антиномия близости и различий действовала как раздражитель особой силы, который не выступал во внутренней политике России по отношению к другим этническим общностям. Отличие поляков разрушало не только государственно-идеологическую разновидность концепции панславизма, не только расшатывало необязательно связанную с ней культурологическую идею славянофильства и демистифицировало эксплуатируемый в политических целях миф славянской взаимности. В контексте европейской культуры это отличие раздражало и как живой укор: жесткое, перехо-

дящее в жестокость подавление народа, связанного с ценностями западноевропейской культуры, обнажало не только национально-политическую суть "семейной вражды", не только "домашний спор" "кичливо-го ляха" и "верного росса"¹⁰, но и традиционное противостояние "византизма" и "окцидентализма", исторически очередное столкновение двух начал, олицетворяющих Московское государство и Речь Посполитую: деперсонализация, абсолютная подчиненность личности государству, незыблемый, патерналистский и освященный Церковью авторитет монарха, с одной стороны, и государство для личности (естественно, в рамках правящего сословия), монарх, зависимый от правящего сословия, выбираемый им и присягающий этому сословию на соблюдение особых шляхетских прав – с другой. Все это противоречило также официальной истории русской государственности и связанной с ней идеологии (формирующей ментальность), из которой были вычеркнуты традиции Новгорода и Пскова, как, впрочем, и Домонгольской Руси, оказавшейся в тени Московской централизации и установленного в ней типа правления.

Неприятие идеологически чуждой России польской ментальности, психологическая нетерпимость к ней, перерастающая в презрительность, отразилась даже в языке. Почерпнутые из польского "гонор" и "панибратство" обрели в русском языке противоположное изначальное значение. Гонор – это не "честь" (согласно изначальному латинскому смыслу), а спесь – польская спесь. Панибратство – характер отношений и стиль общения внутри шляхетского сословия как равных – независимо от имущественного ценза и занимаемого положения в обществе (что отразилось в поговорке "Szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie"). В России же чиновничество имело формы раболепия, которые отражались в самом официальном церемониале. (Только в 1768 г. появился указ Екатерины II, по которому во всех деловых обращениях слово "раб" заменялось на "подданный", как долго еще это, уйдя из церемониала, продолжало жить силой инерции и традиций в национальной ментальности?) И потому "панибратство" на русской почве приобрело отрицательное значение, трансформировавшись в понятие бесцеремонно-фамильярного тона, не учитывающего субординацию чинов и пренебрегающего иерархичностью.

Взаимоотношения России и Польши издавна осуществлялись не только в сферах политики, экономики, военной стратегии. Это было и контактирование двух ментальностей, различия которых осложняли взаимопонимание во всех сферах. Именно с этими различиями было

связано раздражительное отношение России к Польше и полякам, предопределяя порой возобладание эмоционального над рациональным в решениях польского вопроса. Отсюда – как это на первый взгляд ни парадоксально – польская политика России (которая по сути своей преследовала интересы империи) была антирусской по достигнутым результатам. В Польше со времен разделов и до восстановления собственной государственности в 1918 г. появлялись личности (и стоящие за ними политические течения), которые мыслили рационально и, учитывая реальную расстановку сил и общую геополитическую ситуацию, выступали за сосуществование с Россией в исторически обозримом времени¹¹. Так, уже в первые два десятилетия XIX в. это были патриотически настроенные офицеры, сражавшиеся ранее на стороне Наполеона, и политики Княжества Варшавского, которые затем приняли реальность Королевства Польского. А.Е.Чарторьский, А.Велёпольский, С.Грабский символизируют польские усилия к достижению понимания с Россией. Однако именно Россия лишала их возможности реализации своих идей и давала козыри в руки польских радикалов – как правило, молодежи с ее свойственной возрасту особой чуткостью и нетерпимостью ко всем проявлениям несправедливости и насилия.

Подавляя национальные чувства поляков, имперская политика еще более их усиливала: она все время дула на раскаленные угли национального самосознания. Думая погасить, она их только воспламеняла.

До сих пор вспыхивают среди поляков дискуссии: нужны ли были восстания, и что кроме новых лишений, страданий, гибели цвета нации, нового подавления национальной жизни они приносили? Все аргументы *pro et contra* рациональны по отношению к политическим, военным и прочим аспектам, но при этом внеположны изначальной сути. А суть в том, что поляки просто не могли иначе, ибо такова их ментальность¹². Восстания были ее естественным и неизбежным самопроявлением в конкретных исторических условиях, созданных (или спровоцированных) внешними силами. Это явственно просматривается от Барской конфедерации (1768–1772 гг.) – а именно она начинает традицию восстаний против оскорбляющих национальные чувства давлений извне¹³ – до Варшавского восстания (1944 г.). Без Варшавского же восстания при всей традиционной для поляков горечи утрат, поражений и кажущейся безысходности, без опыта функционировавшего тогда "подпольного государства" не было бы Солидарности, уже на наших

глазах сыгравшей столь важную роль в воссоздании независимого и демократического польского государства – Третьей Речи Посполитой.

Если история – это то, что свершилось, то она не имеет альтернатив. Поэтому дискуссии о целесообразности и нецелесообразности восстаний могут рассматриваться лишь как занятия интеллектуальной гимнастикой.

В силу своей ментальности поляки неизменно отвечали на национальное унижение конспирацией, духовным сопротивлением и восстаниями – и это был единственно возможный для них исторический выход, единственно возможная самореализация нации, ее самозащита и самопроявление польской натуры¹⁴.

И если ликвидация Польши была для соседних государств исторической необходимостью с точки зрения их интересов (так, как трактовались они в те времена), то для поляков исторической необходимостью было отстаивание самих себя – такими, какими они себя чувствовали, отстаивание всеми возможными с точки зрения именно их ментальности методами, способами и средствами.

Примечания

¹ *Tazbir J. Rzeczpospolita i świat. W-wa, 1971.*

² Г.Б. де Мабли подобно Ж.Ж.Руссо был связан с вездущим идеологом Барской конфедерации и одним из крупнейших теоретиков просвещенного республиканства М.Вельгорским, по приглашению которого в 1766 г. несколько месяцев провел в его имени. Вельгорский инспирировал и написанные Ж.Ж.Руссо "Considerations sur le gouvernement de Pologne" и "Du gouvernement et de lois de la Pologne".

³ См.: *Лунатов А.В. Идеи Ж.Ж.Руссо в Польше XVIII века и Нибуанская утопия И.Красицкого // Польское освободительное движение XIX–XX вв. и проблемы истории культуры. М., 1966; Michalski J. Rousseau i sarmacki republikanizm. W-wa, 1977; Lipatow A.W. Rousseau i Krasicki: utopia i antyutopia w Mikołaja Doświadczyńskiego przypadkach // Pamiętnik Literacki. 1980. N 2; Лунатов А.В. Литература в кругу шляхетской демократии. М., 1993.*

⁴ *Wielhorski M. O przywróceniu dawnego rządu według pierwiastkowych Rzeczpospolitej ustaw. [Вм.], 1775. S.III.*

⁵ Их концепции отражены в брошюрах С.Жевуского "Вкратце о престолонаследии в Польше" (1789) и "О польском троне, всегда выборном, доказательства из истории законов" (1791), а также в работе "Протест против престолонаследия в Польше" (1790) того же Жевуского и С.Щ.Потоцкого. Здесь отразился не только идеологический традиционализм, но и традиционализм историографический: отсутствует понимание истории как процесса; республиканские институты и система выборности королей трактуются как изначальные и постоянные для польского государства, а следовательно, выдержавшие

испытание временем и подлежащие сохранению как все то, что предопределяет облик "шляхетского народа" и суть национальной системы правления.

⁶ *Kalinka W.* Sejm Czteroletni. Kraków, 1895. Т. I; *Rostworowski E.* Ostatni król Rzeczypospolitej: Geneza i upadek Konstytucji 3 Maja. W-wa, 1966; *Michalski J.* Plan Czartoryskich naprawy Rzeczypospolitej // *Kwartalnik Historyczny*. 1956.

⁷ При этом они пользовались поддержкой России и Пруссии, которые не желали усиления Речи Посполитой в результате планируемых реформаторами преобразований (См.: *Rostworowski E.* Op. cit. S.116–167).

⁸ *Leśnodorski B.* Państwo polskie na przełomie dwu stuleci // *Polska w epoce Oświecenia*. W-wa, 1971. S.422–430; *Rostworowski E.* Legendy i fakty XVIII w. W-wa, 1963. S.455–464.

⁹ Польско-немецкие и польско-австрийские отношения после разделов Речи Посполитой – особые составляющие этой общей проблемы. Здесь же в центре внимания будут отношения России и Польши.

¹⁰ Цит. из стихотворения Пушкина "Клеветникам России" (См.: *Пушкин А.* Полн. собр. соч. М., 1954. Т.2. С.127).

¹¹ Естественно, речь не идет о проходимцах, людях, лишенных национального (как, впрочем, и собственного) достоинства, которые были готовы служить любой власти ради денег и званий.

¹² Здесь (как и на протяжении всей статьи) имеется в виду некий обобщенный, а поэтому как бы идеальный образ нации, с которым отождествляют себя и сами поляки. Естественно, что наряду с этим стереотипом были и другие – изменники, соглашатели, люди, лишенные моральных принципов.

¹³ См.: *Przemiany tradycji barskiej* / Pod red. Z. Stefanowskiej. Kraków, 1972. (Об этой книге см.: *Лунатов А.В.* Изменения барской традиции // *Общественные науки за рубежом. Литературоведение*. Сер. 7. 1974. № 4.) См. также: *Лунатов А.В.* Литературно-социологические исследования в Польше // *Вопросы литературы*. 1974. № 11.

¹⁴ *Лунатов А.В.* Литература в кругу шляхетской демократии. М., 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
<i>Мартин Шульце-Вессель</i> (Берлин). А. И. Остерман и его политика в отношении Польши в историческом освещении (Пер. с нем. Б. В. Носова).....	6
<i>Б. В. Носов</i> . Русская политика в диссидентском вопросе в Польше. 1762–1766 гг..	20
<i>Зофья Зелиньская</i> (Варшава). Проблема русско-польского союза в первые годы правления короля Станислава Августа (Пер. с польск. С. М. Фалькович).....	102
<i>Т. М. Исламова</i> . Заговор против Польши. О роли русско-прусско-австрийского альянса 1772–1773 гг. в разделе Польского государства.....	124
<i>Ю. Е. Ивонин</i> . Прусско-английские отношения накануне и в период первого раздела Польши.....	146
<i>Лукаш Кондзеля</i> (Варшава). Россия и второй раздел Польши: состояние изучения вопроса и исследовательские задачи (Пер. с польск. С. М. Фалькович).....	159
<i>С. М. Фалькович</i> . Конституция 3 мая 1791 г. и разделы Польши.....	169
<i>Г. В. Макарова</i> . О пребывании участников движения Т. Костюшко в России (по неопубликованным архивным материалам).....	178
<i>Михаэль Георг Мюллер</i> (Галле). Восстание Тадеуша Костюшко и разделы Польши (Пер. с нем. Б. В. Носова).....	189
<i>Мацей Мыцельский</i> (Варшава). Функционирование старопольских парламентских традиций в эпоху Княжества Варшавского и Королевства Польского (1807–1830 гг.) (Пер. с польск. С. М. Фалькович).....	201
<i>А. В. Липатов</i> . Шляхетская демократия эпохи Просвещения: национальная ментальность, культурно-государственная традиция и историческая необходимость	213

**Польша и Европа в XVIII веке
Международные и внутренние факторы
разделов Речи Посполитой**

Сборник статей

Сборник подготовлен к печати
в редакционно-издательском отделе
Института славяноведения РАН

Компьютерная верстка – *З.М. Гирфанова*

Л. Р. № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать... Печ. л. 14,02.

Тираж... экз. Цена договорная

Типография ИПТК "Логос" ВОС
129164, Москва, ул. Маломосковская, 8

